

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

2021/1

1
2021

ART

12+

Журнал «Арт»

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

Акценты

Первый номер журнала этого года открывает подборка стихов поэта и альпиниста Сергея Журавлёва из его рукописи «Соль земли», которая скоро выйдет в издательстве «Эскõм». Скоро год, как нет его с нами. Сергей всю жизнь писал стихи, но читателю он больше известен как прозаик и драматург. Это его первая книга стихов, жаль, что он её уже не увидит.

В литературном разделе новое произведение Фёдора Конева «Яков и его жена» — повесть о любви, где сказочный сюжет развивается в быте зауральской деревни 1960-х годов. Читателя также порадуют изысканность стихотворений Евгения Козлова и тепло рассказов Елены Афанасьевой.

Но главная тема номера — Урал. Раздел «Уральские этюды» включает четыре очерка. Это очерк из книги «Живописная Россия», вышедшей в 1901 году. Его автор, М. Малахов, открывает не известный тогдашнему российскому читателю мир Урала с его вершинами Тельпосиз и Сабля, с его бурными реками. Прошло больше ста лет, но Урал для многих жителей России и даже Республики Коми всё так же остаётся неведомой землёй. Автор очерка «Щугор», Флегонт Арсеньев, родился в Ярославле в начале XIX века, но свою жизнь посвятил изучению и описанию Коми края. Он написал много книг, а мы представляем читателю его охотничий рассказ, события которого происходят на реке Щугор. Очерки Галины Бутыревой и Павла Лимерова посвящены впечатлениям о современных путешествиях по Уралу, по Щугору.

Изюминка номера — раздел «Перевал Дятлова». Об этом загадочном месте известно всей мировой общественности. Статья Артура Артеева знакомит читателя с историей погибшей на перевале экспедиции, а также с последними гипотезами её гибели. Нина Новикова, руководитель редакции, приняла участие в новой экспедиции к загадочному перевалу уже этой зимой. О перипетиях похода читатель узнает из её очерка «Когда путь важнее цели». В этом же разделе — интервью Нины Новиковой с руководителем экспедиции Сергеем Семяшким, имеющим своё мнение о загадке экспедиции Дятлова.

*Павел Лимеров,
главный редактор*

АРТ

12+

Содержание

Литература сегодня

С. Журавлёв. Время незабудок. <i>Стихи</i>	4
Ф. Конев. Яков и его жена. <i>Повесть</i>	12
Е. Валериан. Гортын арийом. <i>Кывбурьяс</i>	48
Е. Афанасьева. Куим висьт	56

Уральские этюды

М. Малахов. Живописная Россия: Уральский хребет	67
Ф. Арсеньев. Щугор	78
Г. Бутырева. К Большому Камню	109
П. Лимеров. Щугорский нарратив	118

Перевал Дятлова

А. Артеев. Тайна Уральских гор	158
С. Семяшкин: «В мистику я не верю». <i>Интервью Н. Новиковой</i>	172
Н. Новикова. Когда путь важнее цели	179

Поздравления членов Попечительского совета журнала «Арт»	190
---	-----

Сыктывкар, 2021

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции — Нина Новикова.

Главный редактор — Павел Лимеров.

Главный бухгалтер — Татьяна Леончик.

**Зав. отделом по основным направлениям
деятельности** — Татьяна Логинова.

Художественный редактор — Юрий Лисовский.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер
и дата принятия решения
о регистрации: серия
ПИ № ФС77-35079
от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 1 (93) 2021 г.

Дата выхода в свет: 31.03.2021.

Руководитель редакции:

Новикова Н. М.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

**Отпечатано в ООО «Коми
республиканская типография»**

с электронных носителей
заказчика в полном соответствии
с качеством предоставленных
материалов. Подписано к печати
по графику — 23.03.20. Фактически —
23.03.20. Формат: 70x100 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.
Адрес типографии: 167982,
Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

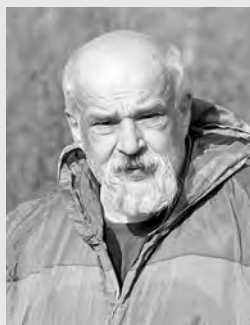
П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные
в номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции запре-
щена. При использовании
материалов ссылка обязательна.
Присланные материалы не рецензируются и
не возвращаются.

Материалы, не опубликованные
в журнале, редакция не рецензирует
и не возвращает авторам. Публикуя
материал, редакция не обязательно
поддерживает точку зрения автора.

Литература сегодня

Сергей ЖУРАВЛЁВ

Сергей Васильевич Журавлёв (1957–2019) — писатель, член Союза писателей России, альпинист. Его стихи выходили в республиканских альманахах, в журнале «Арт». Автор книг прозы: «Мужские повести», «Вертикаль абсурда», «Зырянский крест».

Время незабудок

Скоро год, как с нами нет Сергея Журавлёва, поэта и альпиниста, беззаветно влюблённого в Урал. Сергей всю жизнь писал стихи, но читателю он больше известен как прозаик и драматург. В журнале «Арт» печатались его стихи, однако журнал печатал и его дебютный роман «Зырянский крест». В 2021 году в издательстве «Эском» выйдет книга его стихов «Соль земли». Сергей сам подготовил к изданию эту книгу, и жаль, что он её уже не увидит.

Марш альпинистов Заполярья

*Участникам сбора
«Полярный Урал — 2015»*

Низкое небо. Древние горы.
Солнце по кругу бродит в дозоре.
Здесь от заката лишь час до рассвета...
Это — полярное лето.
Наше полярное лето.

Нам говорят: «Отдыхайте в Европе!»
Мы же уходим по тундровым тропам
К новым маршрутам у краешка света
В наше полярное лето.
В наше полярное лето.

Снег на подходах колючей позёмкой.
Скалы покрыты ледовой коркой,
Рвутся палатки от шквального ветра...
Это — полярное лето.
Наше полярное лето.

Снежные горы, скальные гребни
Режут туманы в пасмурном небе,
Но мы идём, ожидая просвета
В наше полярное лето.
В наше полярное лето.

На вертикалях Полярного круга
Нет прейскурантов на стоимость друга,
Нет алгоритмов, нет лёгких ответов.
Это — полярное лето.
Наше полярное лето.

...Зато есть:

Низкое небо, древние горы,
Солнце по кругу в полярном дозоре
И от заката час до рассвета...
Это — полярное лето.
Наше полярное лето.

Междузорье

Д. Фролову

В ту ночь, когда сойдутся две зари,
Живой воды из родника ты набери,
Брось веток можжевельных в костёр
И дедовское снадобье свари.

Состав напомню: левою рукой
Щепотку мяты брось и зверобой
И подмешай, пусть это нелегко,
Кукушкин плач, крик чаек над рекой,
Низинного тумана молоко,
Затем разбавь росой луговой,
А чтобы зелье силы набралось,
Сними с огня и лапником укрой.

В преддверии немислимых кудес
Затихнет ветер и умолкнет лес,

А из замшелых зарослей урем
К нам подойдёт таёжный неум —
Волхвов владыко старец Зимогор.
Над снадобьем прошепчет заговор,
Клюкой ударит трижды по сосне
И растворится в зыбкой тишине.

В ту ночь, когда сойдутся две зари,
Мы будем пить целебный жар земли
И повторять заветные слова:
«Покуда Русь таёжная жива —
Гори, костёр мой северный, гори!»

Паломник

Друзьям по паломничеству

Заповедная пустынь...
Здесь даже медведь усмиряет свой рык.
Крест обетный...
плакучей берёзой
от взглядов недобрых укрыт.
А в траве у подножья креста
перезрелые грузди
и родник,
без присмотра людского
наполненный грустью.

И тропы не видать...
А когда-то вела напрямки
к родовому истоку.
И тоскливо о прошлом кричат кулики —
даже им одиноко.
Но бредёт босиком
по хрустящей осоке подросток,
и унылому дню вопреки
негасимым огнём расцветают жарки,
и сбивает на землю медвяные росы
скитальческий посох,
подчиняясь капризу нетвёрдой руки,

побеждая промозглую стынь,
и взлетают стрекозы.

И смеётся паломник...
Хотя не забыл,
что очнулся в тревоге сегодня,
поверив, как в быль,
в странный сон: в нём он видел,
что плачет старик,
умирая на станции Росстань,
в сотне вёрст от родного погоста,
что он шёпотом просит найти
и очистить родник,
обновить крест обетный...
И водицы целебной испить,
и людей по тропе провести,
и не сгинуть бесследно.

* * *

Я вернулся! Сбылись пророчества
Вешних криков горластых грачей!
В край, где дали мне имя-отчество...
Здравствуй, вечный Коровий Ручей.

Испеку на воде плоским камушком
Десять блинчиков на показ.
Пусть годков серебряных добавилось,
Но силёнок ещё не растряс.

Заполошная птица в полночи
Нервно вскрикнет: «Ты чей?! Ты чей?!»
Я отвечу: «Не бойся, тутошный!
Из деревни Коровий Ручей!»

Сухогруз на реке загукает,
Подтверждая мои слова:
— Как же, помню, всегда при удочках
Был заглавный сорвиголова!

А по бровкам, канавам, на займищах
Перекличка квакуш всё звончей:
— Внук Степана приехал давеча
Навестить свой Коровий Ручей!

На Печору дурманом черёмухи
Наплывает багрянец-туман.
Я блуждаю по тропкам отроческим,
Пряных игрищ вдыхая дурман.

Междузорье былинного таинства
Сохрани от речей, от вещей!
Береги моё детство, пожалуйста,
Деревушка Коровий Ручей!

* * *

Я — внук Крылатой Серафимы*,
и мне даны заветы родом
хранить страну непобедимой
и дух великого народа.

И дед мой, родовой помор,
врываясь ночью в полудремье,
зовёт в наследные гнездовья,
страну полярных рек и гор.

Там забываются соблазны,
там лечатся рубцы души,
не предают там за гроши,
не пьют с тоски от мысли праздной.

Нарушу если я обет,
покажется невыносимо,
спешит на помощь Серафима,
приходит в сон упрямый дед.

* Повесть В. Личутина «Крылатая Серафима» посвящена Раисе Ивановне Журавлёвой, бабушке поэта, всю жизнь служившей сохранению страны.

День Василия Вешнего

*4 апреля в народном календаре — день Василия Вешнего.
5 апреля 1980 года в деревне Коровий Ручей
хоронили поэта Василия Журавлёва-Печорского.*

...И клубилась тягучая мгла над погостом деревни.
Равнодушно светили холодного солнца круги.
Мужики топорами рубили промёрзлую землю
И бросали из ямы комки —
Сплав корней умерших лесных исполинов и глины.

Неуклюже топтались по дому чужие шаги,
И скрипели входящие старой, ненужною дверью,
И шептала старуха, крестясь: «Иисус, помоги
Обрести упокой непослушному грешному сыну.
Жил разгульно, себя не жалея... Но кто без изъяна?»

...Снег скрипел под шагами размерно... Чеканно.
Звук упрямо летел за пределы холодного неба.
Провожала деревня поэта в неясную небыль,
А наутро цвела на обочинах дерзкая верба!

* * *

— Простите, Пётр, в руках у вас ключи,
над головою кружит птичья стая.
Часовни ветхой маковка седая
Горит негленным огоньком свечи.

Играют голуби, приветствуя рассвет, —
Крылатые божественные твари.
Позвольте, Пётр, у вас просить совет:
— Каким быть мне пред райскими вратами?

— Я только сторож, — улыбнулся Пётр, —
Обычный деревенский недоучка...
Живу семьёй, авансом и получкой,
Не ведая, как там ведут «осмотр».

Земля, ты в гордыне не витай!
Ведь Богу Богово, всем остальным земное.
Иди по миру, никого не беспокоя,
Беды и горя никому не пожелай...

Унынье — грех, живи не унывая!
Преставимся — придётся дать ответ.
Какими есть...

Ты глянь-ко лучше:
силу взял рассвет!
И Красота!.. Небесная какая!

Февральская элегия

Андрею Попову

В холодные закаты февраля,
когда скрипят устало тополя,
размахивая голыми руками,
стуча морзянкой по стеклу окна,
пытаюсь душу тёмную встряхнуть —
веду беседу с прошлым....

Но диалог порой теряет нить,
пороша след надежды замечает,
а сон воспоминаний летних тает,
и пляшет тенью старая вина,
и хочется почти по-волчьи выть,
нечеловечески — протяжными словами,
а на душе безрадостно...

В стихах друзей найти хочу свой путь,
и нахожу, и не могу заснуть
до первого луча в рассветной стуже.
И понимаю: «Я кому-то нужен...»
Точнее: «Нужен ли кому-нибудь?»

Время забудок

(диптих)

1.

Небытие —
уход в песочные часы
вечности,
где вместо песка —
забудки —
мгновения прожитых лет.

Иногда
кто-нибудь,
вспоминая тебя,
переворачивает эти часы,
и ты снова оживаешь,
пока не кончится песок
воспоминаний.

2.

Вчера
забудился
в песочных часах.
Растворился
в дожде
забудок —
воспоминаний,
заново переживая
счастье мгновений.

Фёдор КОНЕВ

Фёдор Егорович Конев — кинодраматург, писатель, член Союза кинематографистов Республики Беларусь, член Союза писателей Республики Беларусь. Автор множества киноочерков о жизни и судьбах северян. Родился в 1935 г. в с. Мужы Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. После службы в армии, вернувшись на родину, работал ответственным районной газеты «Ленинский путь». Окончил сценарный факультет Всесоюзного Госинститута кинематографии в г. Москве. В 1963 г. поехал в Сыктывкар, где открывалась республиканская телестудия. С 1968 г. — член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Беларусьфильм» в Минске, с 1991 г. — зам. главного редактора киностудии.

Яков и его жена

Повесть

Дед Максим

Злой колдун сосватал красивую девушку Марию и получил согласие её родителей. Но она любила Афоню, парня из соседней деревни, и хотела стать его женой. Колдун уже назначил день свадьбы и грозил превратить Афоню в лебедя, которого какой-нибудь охотник тут же подстрелил бы из лука. А рядом с деревней была гора. И вот влюблённые убежали от колдуна, поднялись на вершину и стали просить гору:

— Если в тебе есть душа, спаси нас!

Колдун со своими слугами был уже рядом. И тут гора разверзлась, поглотила девушку с парнем, и камень сомкнулся, не оставив следа.

И каждый раз дед Максим, закончив байку, доверительно пояснял, что ничего плохого с молодыми людьми не случилось, а попали они к «дивьим людям». Живут они в просторных пещерах, своды тех пещер высоки и «свет в них не хуже солнца». Запали свечу — и засияют стены самоцветами, которых больше чем звёзд на небе. Тогда же и музыка начинает играть. И зная не зная ничего о смерти, веселятся люди, не старея, а вечно оставаясь молодыми. Только никто — как всегда бывает в таких случаях — не знает, где та гора.

Дед Максим помнил множество легенд, сказок и мифов о Яг-морте, лесном человеке, о кикиморах, леших, домовых, русалках, водяных, а также о богатырях, которые могли вырывать деревья с корнем на спор или для собственной

забавы. Рассказывал и дивился измышлениям своих предков, за каждым из которых кроется правда, потерянная людской памятью. Вот и гора, счастливых обитель... Неужто и впрямь есть место, куда можно убежать от мирских тягот, случается, безысходных, когда беды окружают человека, как стая голодных волков? И от смерти есть спасение? Да ужто!

Родился дед Максим в семье зажиточного крестьянина и уже сам начал накапливать достаток, как началась Германская война в далёком от села краю. Его забрали в солдаты, воевал, потом стал ненужным, никто не собирался вернуть назад, и пешком воротился домой, одолев тысячи километров. А тут большевики скинули царя, опять забрали парня под ружьё, теперь уже бить Колчака, но и на этот раз вернулся целым, женился, дети пошли, сыновья, думал, наладится жизнь.

Но она покатила ухабисто, новые власти круто начали строить коммунизм, придумали колхозы, отобрали всё нажитое отцом добро, самого увезли, по слухам — в Казахстан, иной вести так и не было, а сыновей не тронули, всех троих только выселили из большого дома. Без крыши не оставили, конечно, отдали под жильё амбар и баню. Максиму зачлось участие в войне «за власть советов», а младших не тронули, потому что таких удачливых охотников и рыбаков властям терять было разорительно.

Ещё до войны жена Марфа умерла своей смертью, но ещё в том возрасте, когда жить бы да жить. Уже после неё пришли товарищи в шинелях с обыском, перестроенный под избу амбар обшарили до невозможности, кто-то из соседей — из приезжих, должно быть, местные не могли — подмётное письмо написал, что Максим хранит в тайнике отцово золотишко. Долго искали, ничего не нашли, продержали полгода в каталажке, выбивая признания кулаками, да напрасно, и выпустили, чтоб не помер от их рук.

Двух сыновей Максим потерял на второй войне с немцами, самой страшной из всех, кои были до этого на земле.

Не многовато ли испытаний на одного человека выпало? И спросить бы, да кого?

А ведь оттого, должно быть, что взаправдашняя жизнь обходилась с ним без жалости, дед находил в небылях успокоение душе, даже верил в некую гору, что спасла Марью и Афоню. Без веры как жить?

Остаток холостяцкого житья-бытья провёл дед Максим в семье младшего сына Харлампия. Тот обосновался со своей семьёй в соседней деревне в несколько домов, или как тут называют — в посёлке, работал на коровьей ферме. В село дед наезжал часто, летом на моторной лодке, зимой на санях, сын держал коня. От посёлка до села всего-то — двадцать пять вёрст.

В селе ему делать было совершенно нечего, но там рос единственный внук Яков. Внучек хватало, в именах пугался, а внука оставил только старший сын Лука, который погиб под Ленинградом. Каждый раз, увидев мальчика, дед Максим начинал усиленно тереть ладонями глаза и жаловался, что в глаз что-то попало. Слезы скрывал, что ещё! Но обходились они друг с другом по-мужски, серьёзно здоровались за руки, не сюсюкали, дед спрашивал обычно:

— Как дела, Яков Лукич?

— Полный порядок, — отвечал внук.

Добрая душа Настасья, вдова сына, принимала свёкра как родного отца. А Яков... Ну, что о нём говорить? Лучшего друга у него не было, дед учил рыбачить и охотиться, а главное, всё понимал, когда касалось тех смутных чувств, которые владели внуком. Говорить могли согласно до полуночи, летом на крыльчке или у реки, а зимой на печи.

Были те беседы Якову желанными, живительными соками наполняли душу и много значили в дальнейшей судьбе. Слыл дед Максим безобидным человеком, на него даже самые брехливые собаки не гавкали, а селяне относились с уважением, хотя и считали в своём кругу чудачком. По весне впадал в какое-то беспокойство, в каждый погожий вечер выходил на крутой берег Оби и мог подолгу смотреть на далёкие снежные вершины Урала, по-местному — белки, которые под лучами уже невидимого солнца сверкали лучезарно. Ради этого пристрастия приезжал из посёлка, который стоял в отличие от села на низинном берегу, и гор оттуда не было видно.

Дедова душевная маета утихала через несколько дней. И тогда говорил он своему внуку Якову:

— Люди думают, что у меня с головой неладно. А ты знай, была у твоего деда в жизни мечта — найти ту гору, которая спасла Марью с Афоней. И понимаю, внучек, может и не быть той горы, а я верю. Не может же возникнуть вера попусту, из ничего... Как ты считаешь?

Да никак он не считал, потому что мальчишка не сомневался в том, как запросто отыщет чудную гору, если будет в том нужда, а пока ему славно жилось на берегу великой реки и в окружении тайги, которую пешком ни за что не обойти.

В ту пору он не знал того, что нужда-то как раз возникнет, да к тому ж будет важнее собственной жизни.

Внук Яков

Внешне Яков ничем не отличался от ровесников, разве только тем, что был совершенно невосприимчив к вредным привычкам. Пробовал курить, подражая друзьям, но так раскашлялся, что испугались за него, думали, померёт. Старшеклассники со словами «слабак», «маменькин сынок» и с насмешками заставили выпить вина, да потом сами от страха чуть заиками не стали. Яков схватился за горло, упал на землю и дыхание потерял. Но как-то обошлось, зато уж никто более на эксперименты с ним не осмеливался.

Хотя с куревом и вином вышел конфуз, но Яков не был слабаком и «маменькиным сыночком» не был. Плавал, как рыба, с ним никто не смел

состязаться. В двенадцать лет Обь переплыл. И без всякой страховки, отказался от лодки, которая держалась бы поблизости на всякий случай. И обратно ведь ещё раз одолел реку. Это уже был подвиг по мальчишеским меркам.

На уроках физкультуры всё у него получалось легко, турника ли это касалось, прыжков ли, как в длину, так и в высоту. Да и потом, когда брали в армию, врачи удивлялись его здоровью, никакого изъяна не находя. Он даже и не помнит, чтобы серьёзно болел когда-нибудь. Может, насморк и перенёс, но ведь такие пустяки не будешь помнить. Да и едва ли простывал, маловероятно...

Жилось парню интересно, азартно, к тому же энергии хватало на троих. С мальчишеских лет вставал на широкие охотничьи лыжи и бежал в тайгу, уходил по снежной целине за пять-семь вёрст, где стояли его петли на зайцев, где почему-то по весне всегда было много куропаток. Входил в тайгу, будто окунался в океан, чувствуя огромность того, что его окружало. Он жил в увлекательном мире, уверенный, что ему никогда не надоест жить.

Смущало его только одно, что он чувствовал себя не совсем таким, какими были друзья. Он постоянно ощущал, что кроме реального есть ещё внутренний мир, который смущало его и вынуждал быть скрытным. С малых лет не оставляло ощущение, что он никогда не бывает в одиночестве. Если даже залез в кладовку и заперся, всё равно его окружают какие-то существа, которых он не видит, иногда слышит, но всегда явственно чувствует. Временами казалось, что вот-вот прорвётся некая пелена и откроется перед глазами иное пространство, населённое неведомо кем. А он вдруг чудесным образом будет разуместь, о чём шепчутся деревья, о чём поют птицы, о чём думает огромный камень у пристани, которому миллионы лет.

А как объяснить то обстоятельство, что в семь лет обрёл друга, который был обыкновенным домовиком? И ничего удивительного в этом приятельстве Яков не находил. Их называют разное — дедушка, домовей, домовушка, сусетко, хозяйшко и ещё можно сколько-то перечислять. Яков своего квартиранта называл Эйко. И как это случилось?

Русская печь занимала чуть ли не треть избы. Ну, четверть, так уж точно! Как достоверно выяснил Яков, в ней обитал домовик, как сеньор какой в замке. Как-то в очередной раз домовик спрятал веник. Была у него такая забава. Мама отчаялась найти голик и стыдила домовика. Совесть-то, мол, надо иметь всё-таки? Или нет? А Яков рассердился на хулигана, решил проявить бойцовский характер, схватил ухват, сунулся головой в устье печи и грозно позвал: — Эй, ты где? Вот я тебе задам!

И тут рухнула комом из дымовой трубы скопившаяся сажа, обдав чёрной пылью лицо мальчика. Сестрёнка, до этого сидевшая испуганной зайчишкой, стала смеяться, увидев негра. Мама сказала, что с домовым нельзя грубить.

— Ну, что ты, Эйко? — очень тихо упрёкнул мальчик.

По-местному обычаю мальчишки называли друг друга не Ванька, Петька, Мишка, а мягче — Ванько, Петько, Мишко. Вот и получилось из «Эй!» — Эйко.

Домовой явно уловил слёзную обиду в голосе мальчика, да и понравилось, видимо, как его назвали. Кому не понравится, когда у него собственное имя

появится? Мама тут же увидела в пустом мусорном ведре веник. Сто раз смотрела в ту сторону, не замечала, а тут — пожалуйста!

Так они познакомились — Яков и Эйко.

Видеть домовика воочию Якову не привелось пока. В книгах читал, даже рисунки разглядывал — старичок лохматый, — но то были чужие свидетельства, а скорее — вымыслы. Яков любил правду и тому только верил, очевидцем чего оказывался сам.

К примеру, случай был. Ночью проснулся, а спал на печи, и слышит тонкий-тонкий свист. И всё громче становится тот свист. Откуда исходит, не понять. Но чего-то тревожно стало. Сполз с печи, растолкал маму, она спала с дочкой на кровати. Мама сразу поняла — угар! Девочку на руках вынесла, уже беспамятную, а Яков сам выскочил на улицу, зачем-то схватив со стола учебник по тригонометрии. Нашёл ценность! Мама потом говорила — ещё полчаса, и угорела бы вся семья. Сестрѐнка еле отдышалась.

Нетрудно догадаться, кто спас. Свист этот не приснился, не придумался, а истинно был. Яков хорошо помнил его, сам перед собой притворяться не стал бы. Да в те времена во всех избах стояли печи, и уж обязательно в них проживали квартиранты. Тогдашние люди, особенно старшие возрастом, признавали банников, лошадиников и самого лешего. А всё потому, что пуповиной были связаны с природой.

Другое дело — мальчишеское племя. Узнай приятели, что Яков с домовым познакомился, зубоскалить стали бы, веселиться.

— А чертей хвостатых не видел?

Это ж такой народ, что только дай повод, а уж на смех поднимут, не поленятся. Ещё и учителя узнали бы от них, вызвали бы на педсовет, а то и прямо в райком комсомола отправили бы, где чистить мозги любили. Зачем ему это? Вот и скрывал.

Что же касается мамы, то она сама верила во всех чертей и ангелов. Признавалась же, что видела домовика, и даже подзатыльник дала привереде. Придумывать, что ли, будет? Ради чего?

Деду Яков рассказал про Эйко при первой же встрече, и тот несколько не удивился, а пояснения дал, которые внуку надо знать. Если уловил запах сухой шерсти, значит, суседко рядом. В хорошем настроении может прикоснуться к руке или к лицу, будто кошка пушистым хвостом. И впрямь Яков как-то проснулся от того, что кто-то дотронулся щеки мягко-мягко. А кошек в избе никогда не держали. Яков не любил их. Уставятся плоскими стеклянными глазами, и не поймёшь, что у них на уме. А раз кошки нет в избе, то кто мог коснуться, кроме Эйко?

По словам деда, всё тело домовика покрыто нежной шерстью. И ростом он меньше годовалого ребёнка. Может перед глазами возникнуть, а потом исчезнет, будто растаял.

Говорят, в старину люди запросто видели домовых, но постепенно потеряли эту способность. И это понятно почему — человек всё же отходит от природы, теряет с нею родство. Уже общего языка между ними нет, а говорят, был.

Однако соседко всё понимает и запросто может ответить. Только не по-человечьи, не словесно, а сном. Они нагоняют сны.

— Но ты, Яков Лукич, меньше думай о них, — предупредил серьёзно дед Максим, как всегда обратившись к внуку по отчеству. — Мы не знаем, кто во-круг нас. Не тревожь их, и они не будут сердиться. Не хотят они, чтобы люди о них знали. Ни к чему это им.

После средней школы Яков отслужил армию и окончил педагогический институт. Ныне городские ребята садятся за парту, уже умея читать и писать. А в интернат до сих пор собирают детей оленеводов, которые знают только свой родной хантыйский язык, к примеру, а по-русски не говорят. И учителю начальных классов Якову Лукичу Кожевину предстояло открывать им букву за буквой, как дверцу за дверцей, чтобы ввести их в огромное пространство знаний. Научился читать, что крылья приобрёл, — так считал молодой просветитель. Истинное счастье испытывал, когда дети начинали по складам, старательно выговаривать:

— Там чудеса, там леший бродит...

А за окнами школьного класса вековая тайга бутристо уходит за горизонт. И чего только в её дебрях не водится по свидетельству тётки Авдотьи!

— Ужаси одни...

Этой неугомонной женщине до всего было дело, а с недавних пор стал её очень заботить возраст Якова.

— Уже двадцать три года, а всё не женат!

Теперь тётка Авдотья с этими словами заходила в избу и выходила, будто большей заботы у неё и не имелось. Она приходилась отцу троюродной сестрой или ещё более дальней родственницей, а вела себя так, словно была плоть от плоти, ближе и быть не можно. Чуть не каждый день забежала в избу по делу и без дела, пила чай по десять кружек и всё это время говорила.

Тётка Авдотья в селе была самой осведомлённой женщиной, по крайней мере, никто в этом усомниться не мог, потому что случись у кого насморк или понос, она уже тут как тут с кучей своих советов. Как только узнавала! Шутили, что сороку тайком держала, та ей и таскала вести на хвосте.

— Ты чего это, Яков, не женишься? — возмущалась тётка Авдотья. — Привёл бы кого. Вон сколько девок! Матери помощница будет.

— За меня, Авдотья, не хлопочи, — осекала Настасья, мама Якова. — Что ты всё пристаёшь к нему?

— А ты молчи! — отмахивалась Авдотья. — У дочери — семья, позавидуешь. А Яков?

И несколько не интересуясь ответом, тут же начинала скороговоркой расхваливать свою племянницу Алевтину, которая в Салехарде окончила техникум на «отлично» и теперь работает в пекарне, печёт такие сдобы, что нарахват идут в магазине.

— Глянь на неё, Настасья, — уж как хороша! Глаза, брови... Идёт, как пава.

— Ты и паву видела? — насмешливо дивилась Настасья.

— Не видела, зато говорила с Алевтиной. Поинтересовалась. Нравится ей твой Яков. Говорит: «Ничего парень, не курит, не пьёт, за девками не бегает». Значит, согласна. Сосватать, Яков? Слышь?

Он слышал, но словам тётки не придавал значения.

— В старики записался, что ли? — уже сердилась Авдотья.

И по глазам видно было, что не отстанет.

— Утюг дома выключила? — спрашивала Настасья гостью, чтобы выручить сына.

И каждый раз Авдотья пугалась.

— Ойушки! Утром гладила или нет? Совсем памяти не стало.

Да и побегит домой, а мать успокаивает Якова:

— Ничего, сынок, ничего. Ты на тётку не сердись. Она же по доброте.

— Да женюсь я, мам, — смеётся Яков. — Не до этого пока.

Той зимой скончался дед Максим, достигнув семидесяти двух лет. Случилось это в самом начале шестидесятых годов прошлого столетия. Яков по зову деда приехал в посёлок, пробыл там три дня и всё при больном. С уверенностью, что есть на земле место, где люди не умирают, дед и покинул белый свет.

— Иногда они выходят из гор через потайные ходы, — сказал дед Максим внуку перед самой смертью, — ходят среди нас, но скучные мы им...

Эти слова почему-то сильно задели Якова, будто в жилах растворились, в крови, как хмельное вино, и пробудили смутное предчувствие, от которого никак не мог освободиться. Месяц прошёл, а оно не отступало. Ну, кого или чего ему ждать? Всё определилось в жизни, всё устраивало — школа, тайга, река, люди, среди которых спокойно жилось. Что ещё надо человеку?

А оказалось...

Так солнце поутру явится, и мир меняется полностью, те же вроде дома, тот же берег, та же река, а стало всё иначе. Так мир для Якова изменился от одной встречи. Совсем другим оказался мир, Яков даже не догадывался, что он таков, что дух захватывает.

Невеста

В тот день Яков уже добрался до своего охотничьего уголья, как начался снегопад, да такой густой, такой обильный, что всё вокруг заволгло белой мглой. Яков остановился, в двух шагах не различить было деревья. Не наткаться же на них. Вот и стоял, ожидая затишья и дивясь тому, что вытворяла природа, какое устроила представление. Не приходилось ему прежде видеть такого нашествия снежинок. Длился этот буйный снеговал минут десять и резко оборвался, будто в небесах вмиг захлопнули некие створы.

И тут Яков увидел перед собой девушку. В этом глухом месте прежде никого не встречал, местным охотникам — их было-то с десяток! — хватало бескрайней тайги, да и не принято совать нос в чужой путик. А чтобы одинокая девчонка зимой забралась в эту глушь, того быть не могло вообще. Да и будь кто из селянок, признал бы. А тут стояла перед глазами незнакомка в малице, вся в снегу, на лице в ореоле белой пышной опушки капюшона выделялись только глаза, губы и носик. Она стояла на широких коротких лыжах, оленеводы называют их лямпями.

— Тебя как зовут? — по-детски доверчиво спросила она.

Голос её показался Якову таким красивым, что сердце сладко колыхнулось в груди. Ему даже подумалось, что он смутно мечтал услышать в жизни этот голос. И эти глаза увидеть, эти алые ягодные губы... Но, скорее всего, вещая мечта почудилась ему только теперь, а на самом деле он никого не ждал, спокойно и рассудительно склоняясь к тому, что Алевтина самая пригожая из девиц в селе и характером тихая. Приведёт в избу такую невесту, мама будет довольна.

— Яковом зовут меня, — ответил он незнакомке и улыбнулся.

Улыбка сама собой получилась, расплылась по всему лицу и всё, без причины. А спросить, кто она такая, побоялся, будто опасался спугнуть сон. Может, и впрямь сказочный снегопад заморочил ему голову. Чего не бывает!

— А меня Зарни, — сказала она с ударением на первом слоге.

— Такого имени не бывает, — учительским тоном тут же заметил Яков.

— Бывает, — твёрдо возразила она.

Спорить не стал, потому что совсем этого не хотелось. Вот как она тут оказалась — это интересовало.

— Одна в лесу... Не боишься?

— Я не одна, — ответила Зарни и позвала, не оглянувшись: — Гавко!

Из-под ёлки выскочила белая лайка, подбежала к ногам Зарни, дважды гавкнула в доказательство своей клички, не зло, вопросительно скорее, и застыла в ожидании, уставившись на Якова.

— Лежи, — велела девушка.

Собака развалилась на пушистом снегу и удобно устроила голову на лапы. Видимо, ей больше нравилось дремать.

А Зарни и Яков смотрели друг на друга, и у обоих было такое чувство, что на всей земле больше нет никого, что они первые люди, их Бог только что создал. Лыжню-то засыпало, и вот они стоят на снежной целине, даже не понимая ещё, радостно им от того или боязно.

Но уже через минуту Яков понял, что не в сказку попал. Он услышал, как за ельником дышит, ворочается, хоркает огромное существо. Так это ж олени! Их тысячи, они лопатят снег копытами в поисках ягеля, задевают друг друга ветвистыми рогами, фыркают, а все эти звуки сливаются в один невнятный шум.

Выходит, какое-то стадо остановилось на короткий отдых, на неделю, на две, а то и на больший срок. Зарни, скорее всего, приходится дочерью

какому-то пастуху или самому бригадиру. Обычно жёны и дочери оленеводов зачисляются чумработницами, есть такая должность, лишних людей в чуме не бывает.

И вот только одного Якову очень не хотелось — чтобы Зарни была женой какого-нибудь молодого пастуха. Но рановато ей вроде замуж, утешил себя мыслью Яков, едва ли шестнадцать лет достигла. Жалко, что он и Зарни не первые люди на земле, но с реальностью не поспоришь. Теперь Яков одного боялся, что девушка может в любую минуту уйти. А пастухи погонят олешек, хмурое небо осыплет землю снегом, и не останется следа от огромного стада. Тогда уж точно останется в памяти эта встреча, как сновидение.

— Мне пора, — сказала Зарни, будто почуяв мысли Якова.

— Ну, побудь ещё, — вырвалось у Якова.

Однако она пошла в сторону ельника. Собака побежала за ней. Яков растерянно искал слова, а нужные никак не находились, и когда уже Зарни скрылась в ельнике, крикнул:

— Я завтра приду!

Расстроенный и растерянный Яков смотрел на лыжню, на ямки в снегу от собачьих лап и думал о том, что можно проследить, куда они поведут. Но не осмелился пойти вдогон, что-то подсказывало ему: этого делать не надо. Кому может понравиться, что за ним следят?

Если бы Яков знал, отчего Зарни внезапно ушла! А ушла она потому, что не хотела уходить. Её испугало это желание — остаться. Этот парень вызывал доверие. Ей было приятно смотреть на него. Потому Зарни ушла, что себя испугалась.

Ночью Яков никак не мог уснуть, ворочался, отгонял мысли о незнакомке, но все старания оказались напрасными, она не уходила из памяти. Впервые на уроках Яков был рассеянным, забывался, ученики терпеливо ждали, а он стоял у окна, смотрел на сизую тайгу, холмисто уходящую к Уралу, вершины которого в этот ясный день дивили белизной, словно виделись из иного мира. В голове было пусто, будто все мысли улетучились, испарились, а осталась одна тревога — придёт, не придёт.

После уроков директор школы устроил очередной инструктаж и полтора часа зудел о том, что успеваемость низкая, вышестоящее начальство не довольно и надо исправлять положение, иначе кое-кого придётся «наградить» выговором с занесением в личное дело. В число «кое-кого» Яков не попал, но времени потерял много.

Тётка Авдотья и мама пили чай, когда он забежал в избу.

— Ну, посмотри на него, Настасья! — тут же завела свою песню гостья. — Невеста ждёт, а он... Алевтина носки вяжет. Слышь, Яков? Мужские. Кому, думаешь?

Настасья с досадой махнула на неё рукой, мол, угомонись, поспешила к печке и взялась за хват. В топке томилось жаркое из оленины. Но Яков сказал, что поест, как вернётся, а пока надо ему в лес. Он настолько спешил, что не стал переодеваться, а как был в костюме и при галстукe, так и натянул

на себя малицу. Женщины видели в окно, как он уходил на лыжах в сторону тайги, которая начиналась в конце улицы.

— Не то что-то, — предположила Авдотья. — Сердцем чую.

— Что чуешь? — спросила встревоженная Настасья.

— Не то что-то, — ответила Авдотья, сведя глаза к переносице от напряжения мысли.

А Якова будто подменили, от прежнего оставив только имя. В эти минуты его занимала одна тревога — если Зарни приходила, то могла уйти, не дождавшись. Одна только эта мысль сверлила ум, да билось сердце, как птица, угодившая в сеть.

Бежал по вчерашней лыжне, чувствуя, что дыхание сорвётся. Не понимал, что с ним, почему — всегда такой рассудительный — ведёт себя, как шалый, но успокоиться не удавалось.

Посреди поляны стояла на лыжах Зарни и такими ясными глазами встретила Якова, что парень чуть не расплакался.

Три дня виделись в одно и то же время Зарни и Яков, а запомнились эти три встречи навсегда. Три дня они болтали о чём угодно, смеялись, рассказывали о каких-то пустяках, а в сознании жила одна печаль — им предстоит расстаться.

На четвёртый день Яков пришёл полный решимости.

— Я всё обдумал, — заявил он громко.

Даже собаку встревожил. Лайка с ленцой трижды подала голос, мол, нахожусь на месте, не забываю о службе и держусь в сторонке только из вежливости. А уж вы, мол, ведите себя, как положено приличным молодым людям. Яков только теперь заметил на снегу белую собаку, любительницу подремать.

— Надёжная охрана, — оценил он.

И Яков стал излагать свой план. Он пойдёт к её родителям, чтобы растолковать, как правильно им следует поступить. Он будет увещевать, упрашивать, умолять и день, и два, и месяц... Он пойдёт пешком рядом с оленями до берегов Карского моря...

— А я что буду делать при этом? — спросила Зарни.

— Жалобно плакать: «Хочу замуж за Яшу!»

Им стало так смешно, что они ухватились за руки, обнялись, прильнули щека к щеке, и губы медленно потянулись к губам. И Якову снова почудилось: они первые люди на земле, и оттого им хорошо, что нашлись. А могли разминуться, земля ж тогда была велика.

Уже стало темнеть — по-зимнему рано, — и они расстались с тем, чтобы встретиться завтра и подробней обдумать план. Спалось ему тревожно, много раз просыпался, будила всё та же мысль, что пастухи погнали стадо, а метель замела следы.

Он толком-то и не помнил, как прошло утро, как провёл уроки, пришёл в себя, когда встал на лыжи и побежал в тайгу. Подходил уже к своему охотничьему угодию, когда начался снегопад. И только вышел на поляну, на которой условились увидеться, как повалил такой густой снег, что снежинки

пихали друг друга, так им было тесно. Снова, как и в первый раз, пришлось остановиться, потому что всё застило белизной.

— Сколько тебя ждать? — услышал он голос Зарни.

— Да я не опоздал... Нисколько даже!

— Ладно, не оправдывайся, веди меня.

— Куда?

— Откуда я знаю? Ты же видишь, нет Гавко.

— Да я ничего не вижу. А почему нет Гавко?

— Глупый, что ли? Значит, веди.

Тут уж Яков медлить не стал, развернулся и пошёл скорым шагом по целине, лыжню уже замело. Шёл, видя на два шага вперёд, не более, а Зарни прямо-таки наступала на задки его лыж, так торопила. Долго они убегали, хотя явно за ними никто не гнался. Яков догадывался, что Зарни замечает следы, пользуясь снегопадом, потому и спешит. Не останется следов, где искать человека?

Они буквально вышли из снегопада, как из стены, и оказались в солнечном мире. Слева от них лежала укатанная санная дорога, по ней сельские обычно вывозили дрова из леса. Лыжи разъезжались на отполированном до блеска полозьями снегу, идти было трудно, беглецы сняли лыжи и понесли на плечах. Впереди чернели крайние дома села под снежными шапками. Яков прикидывал, как лучше поступить. Стоит ли идти по улицам до своей избы? Кто-нибудь да встретится, начнут расспросы. А что он ответит?

И Яков повёл Зарни задворками по глубоким тропкам, которые тянулись от подворья к подворью. Когда Яков прошёл в избу с беглянкой, мать вошла у печи, деревянной лопатой выбирала остывшую золу из топки и сыпала в ведро, что стояло на полу.

— И кто это к нам в гости? — сказала она, глянув мельком на вошедших.

— Мам, познакомься, — попросил Яков. — Моя невеста.

И жестом попросил Зарни скинуть малицу. Та и скинула. Яков обомлел. Настасья от неожиданности всплеснула руками, и вырвалось у неё невольно:

— Ой, деточка моя!

Она подошла к Зарни, обняла, как ребёнка, потом повела в горницу, оставила посреди пола, а сама отошла и залюбовалась:

— Да откуда ж ты такая?

Под малицей не увидеть было Якову ни этих тугих кос, ни хрупких плеч, ни тонкой осиной талии... Как же она хороша! В какой же благословенный час природа сотворила это чудо! Глазам не верилось, что человек может быть так красив. И платье на ней было не фабричное, а рукодельное и такой красоты, что Яков и не видел ничего подобного.

— Здравствуй, — сказала Зарни Настасье. — Ты будешь моей мамой?

С тех-то слов и с первого дня полюбила Настасья эту девушку и души не чаяла в ней по смертный час свой. Откуда Зарни появилась в селе, Настасья выпытывать не стала, надеясь, что без её вопросов молодые всё объяснят. И не удивилась просьбе сына о том, что пока никто из сельчан о Зарни знать не должен,

ни к чему это. Яков опасался, что Авдотья притащится некстати, но в первые два дня чем-то была занята частая гостья и не показывалась. На третий день, завидев в окно подходящую к избе подругу, Настасья предупредила Зарни:

— Родственница наша идёт.

Ни слова не говоря, девушка надела малицу и через сени забежала в кладовку, закрылась там и просидела до ухода гостьи, которая выпила на этот раз всего два стакана чаю и поспешила к открытию магазина, что-то там завезли. На третий день к вечеру Зарни сказала:

— Теперь они далеко.

Кого-то опасалась... Своих, конечно.

Жена

Ни Настасья, ни Яков спрашивать не стали, кто «они»? Якову одно было важно, что Зарни с ним осталась. И это получалось, что они теперь могли пожениться. Но у невесты не оказалось никакого документа, который доказывал бы, что она есть она, а не кто-то другая. О свидетельстве рождения, а так же о паспорте девушка представления не имела. В её прошлой жизни этих бумаг никто от неё не требовал. В тундре это было возможно, оказалось, а в селе она не могла жить без документов, пришлось идти в сельсовет и объяснять, как они нашли друг друга и почему решили не расставаться.

— Почему? — скорее всего, из вредности спросила секретарша.

Это была пожилая одинокая женщина, на которую даже в молодости никто не польстился из-за вьедливого характера — только плохое в людях и видела. И хоть бы молчала, а то ж язык что помело. Вот и вековала бобылкой. Как в насмешку судьба подкинула работу в сельсовете, где ей приходилось выписывать свидетельства о браках. А чужое счастье раздражало. Вот и живи!

— Любовь с первого взгляда? — пробормотала она не без ехидства.

И Зарни умилила Якова ответом. Потом она будет удивлять иногда, а тут впервые проявила, как ему тогда показалось, свою наивность. Она доверчиво объяснила:

— Наши души обнялись.

Ну, не ребёнок! Бобылка усмешливо фыркнула:

— Души... У них ещё и души...

И пошла в кабинет председателя. Через какое-то время вышла и кивнула на дверь. Мол, идите к нему. Председателем был Василий Петрович Вокуев, понятливый и добрый человек, он-то и взял на себя хлопоты. Попросил подождать дня три, а сам пошёл к председателю райисполкома, тот позвонил первому секретарю райкома, который принял ходяков, выслушал, вызвал начальника милиции, и все четверо долго обсуждали ситуацию. Потом первый

секретарь позвонил в округ, обрисовал ситуацию, и там приняли решение — разбирайтесь сами.

Дело-то вроде понятное, разумению подлежащее. Родители девушки — оленеводы, она выходит замуж за сельчанина, а стадо ушло в тундру. Правда, чаще бывает, что оленеводы увозят в жёны местных девушек. Но тут такой случай. Олени частные, ни в каком совхозе района не числятся. И в советское время были индивидуальные подсобные хозяйства, одна семья или родственники держали своих олешек. Если совхозным бригадам назначали маршруты касланий, то частник мог вести оленей, куда ему вздумается.

Смущало начальство то обстоятельство, что никто никакого стада в те дни не видел возле села. И это же не мышь какая, а полторы-две тысячи голов крупных животных. И где их искать, невидимок? Гоняться за ними по тундре на вертолётах? Накладно. Василий взял прописку девушки под свою ответственность. Начальник милиции обещал проявить особую бдительность к пришедшей. После чего молодым дали добро на сочетание браком.

Потом, правда, ещё возникла проблема с именем. Что за имя — Зарни? Нет такого имени. Василий Вокуюев стал объяснять девушке:

— Зарни — это по-нашему золото. Ну, Золотая, Золотце. Но это же не имя. Так можно назвать любую девушку, если нравится. А в паспорте нужно имя. Какую выберешь?

— Я уже записала Зинаидой, — подала недовольный голос секретарша. — Не портить же бланк. Зинаидой будет.

— Зинаида Кожевина, — согласился председатель. — Красиво!

Зарни ни за что не хотела менять имя. Но Яков уговорил — пусть будет на бумаге. Мешает, что ли? Для него она — Зарни.

И, конечно же, Авдотья не оказалась в стороне от этих событий. Увидев впервые Зарни, охнула и ладошкой прикрыла рот, испугавшись каких-то своих слов, готовых вылететь. За чаепитием стала расспрашивать пришелицу, кто её родственники, какого она племени, каких обычаев, но Зарни отвечать не стала. Она смотрела на Авдотью и молчала, пока та не смутилась и не умолкла.

— Ну, что ты пристала? — осудила Настасья гостью. — Родители оленеводы. Что ещё тебе надо?

В ответ Авдотья посмотрела на товарку с таким видом, будто та была безнадёжно тёмной, отсталой женщиной, то есть ничего не понимала в реальной жизни и потому вызывала одно сожаление. Затем допила чай, поставила чашку на блюдце вверх дном и вздохнула. Посидела, потупив глаза и собрав губы куриной гузкой. Появление этой крали спутало все планы Авдотьи, готовила, готовила в жёны свою племянницу Алевтину, а жених привёл из лесу невесту, по красоте несравнимую ни с кем. Авдотья решительно поднялась из-за стола и сказала:

— Топор одолжи, Яков.

Ухватила парня за рукав, поволокла в сени, и только прикрыла дверь, как стала громко шептать:

— Не знаешь ты, Яков, на ком женишься. А вдруг она какая-то не такая.

И выразительно покрутила растопыренными пальцами перед собой.

— Это что значит? — поинтересовался Яков и повторил жест.

— Мало нечисти в тайге? В болотах особенно. Обнимешь ты свою кра-лю ночью, а она в кикимору превратится, в страшилую беззубую. Были такие случаи, в старину. Я доподлинно знаю. Не понравились мне её глаза. Таких красивых глаз у людей не бывает. У кошек бывают, а у людей нет. Не спеши, Яков, разберись прежде, что за гостью привёл.

И пошла, метя за собой длинным подолом сарафана.

— А топор?! — крикнул Яков.

Она только рукой махнула. На кой чёрт ей топор! Своих три. Очень расстроилась Авдотья, прямо всей душой огорчилась.

И ведь по-житейски тётка права, жених о невесте равным счётом ничего не знал, всё сложилось не по разуму, не по трезвому рассудку, и это должно было смутить рассудительного учителя, но почему-то ни тени сомнения не возникло у Якова. Зарни объяснила просто — «души обнялись». Эти слова она не раз повторяла на памяти, и в них был какой-то ей только понятный смысл. И причём тут ум? Как раз уму-то и не постигнуть того понимания, что находила в этих словах Зарни.

Свадьбу играть не стали, Настасья и Яков так и не могли объяснить Зарни, зачем нужно собирать чуть ли не половину села за обильным едой и водкой столом. Чтобы гости ненасытно ели, пили и орали — «Горько!»? Отчего это им «горько»? Не пейте водку, и не будет горько. Настасья первая согласилась:

— Права ты, права, доченька. Посидим втроём. Перед дорожкой принято посидеть. А идти вам долго-долго рядышком.

И хорошо было им за столом, тихо, спокойно, одни только добрые чувства веселили сердца, и слова приходили на ум нужные. Сколько-то времени спустя Настасья вспомнила, что обещала соседке заглянуть вечером, и за-спешила, не слушая уговоры. Проходя мимо кровати, откинула покрывало, чтобы молодые поняли, что им уступает она это ложе, на котором зачался весь Кожевинский род. Вернулась поздно, по стремянке забралась на печку, улеглась и блаженно вздохнула: «Как в раю!»

Это она молодым сказала, чтобы не тревожились за неё, а те уже спали в обнимку. И уж точно были в раю!

Сельчане быстро привыкли к Зарни, звали Зинаидой, а то и попросту Зинкой. Поначалу даже опекали, учили сельской жизни, полагая, что в тундре всё не так — живут в чуме, как на островке среди снегов, людей не видят, заботы совсем другие, ни газовой плиты, ни электричества, ни телевизора. Но Зарни так быстро освоилась на новом месте, что женщины даже немножко обиделись. Они же от всей души хотели помочь, а в их усердии Зинка не нуждалась. Конечно, обидно.

Но эти мелкие чувства улетучились сами по себе, Зинаида оказалась очень приветливой, весёлой и такой незлобивой, что невозможно было с ней поссориться. Без бабьих ссор в селе не обходилось, тётка Авдотья признавалась:

— Я со всеми хоть раз, да поругалась. А как иначе? Мы же люди. — И с большим подозрением добавляла: — Какая-то она всё-таки не такая.

Никакие сплетни не прилипали к Зарни, что огорчало женщин. Иной раз и придумает какая-нибудь балаболка повод посудачить за глаза, да никто не поверит.

— Не похоже на Зинку, — скажут.

— Не, не, она не дура, как ты! — упрекнут.

— От дуры слышу, — получают достойный ответ.

Какой-никакой, а разговор получится. От самой же Зинаиды никто не слышал осудительных слов. Тем более — за глаза. Да её, видимо, никто и не интересовал, кроме Якова. Когда он был свободен, Зарни тут же пристраивалась к нему.

— Расскажи, как ты жил без меня? — попросит.

Любимое занятие Зарни — слушать о том, как Яков жил без неё.

По рассказам детей оленеводов, которых учил грамоте, Яков достаточно полно представлял жизнь в чуме, будничную, равномерную, с устоявшимся бытом. Не было сомнения, что жила Зарни в чуме частников, её вполне могли упрятать от интерната, где — по их мнению — отучают детей от тундры.

По этой причине Зарни росла в чуме среди взрослых, без ровесниц. Друзьями были олени и собаки. И девочка не знала ни зависти, ни жадности, ни злости, ни хитрости, оставалась естественна, как трава, как берёзка, как вся природа. Чувства её были непритворны, а мысли ясны.

И потому, должно быть, так много занимал Яков её воображенье. Мысли о нём были неотступны и волновали. Весь её ум и всё сердце занимал этот человек. Отныне только то, что связано с Яковым, для неё имело значение, а весь остальной мир присутствовал, но как бы в сторонке стоял.

Семейная жизнь

Обиженная тётка Авдотья не перестала приходить, но чаю не пила из принципа. Мол, у своего самовара только что сидела, зять конфетами в коробке угощал. Она же видела, у молодых нет к ней никакого интереса. От обиды у Авдотьи возникли претензии к Зинке.

— Слушай, — упрекнула она Зарни, на минуту оставшись наедине. — Так и будешь сидеть на шее мужа?

— Я не сижу на шее, — серьёзно ответила Зарни.

— Работать надо, милая. Зарплата учителя — не позавидуешь.

О деньгах Зарни представления тогда не имела и не совсем поняла Авдотью. Но выяснять у неё ничего не стала, а потом уже попросила Настасью объяснить, что такое зарплата.

Потом уже Авдотья пожалела, что сунулась, куда не просят, сама же и получила по носу. Зинаида оказалась умелицей не в пример племяннице Алевтине.

В селе работал комбинат бытового обслуживания. И при нём несколько женщин шили зимнюю обувь из камусов, шкур с оленьих ног, в основном женские и мужские пимы, похожие по виду на валенки. Зарни после упрёка Авдотьи пришла посмотреть на работу мастериц, разговорилась с ними и призналась, что тоже умеет шить. Заведующая пошивочным цехом Раиса Ивановна согласилась на то, что будет снабжать материалом, а работать Зинаида может дома, раз не хочется ей в коллектив.

Первый заказ ей попался ответственный, надо было сшить пимы жене председателя райисполкома. Через неделю Зинаида пришла, развернула узел, выставила на стол пимы, и в комнате наступила такая тишина, будто замерла жизнь. Женщины-мастерицы, в своём ремесле знающие толк, смотрели на поделку с изумлением. Одна опрометью кинулась в дверь и вскоре вернулась с Раисой Ивановной, которая всплеснула руками, да так и застыла на минуту, потом прошептала:

— Чудо какое!

А ведь применила Зарни всё те же материалы, что и другие мастерицы, — камусы разных мастей, на подошвы шкуру с лобовой части оленя, разноцветный бисер, тесьму, суконные ленточки...

Заказчица была в восторге, ходила по селу в новых пимах, как именинница, все останавливали, восхищались обувкой и поздравляли. А Зинаиде от заказов отбоя не стало, слава перешагнула околицу села, уже и окружное начальство в большом числе обулось в её пимы. Кстати, вскоре прослыла она народной умелицей, приглашали на выставки, но Зинаида отмахивалась от приставаний, не соглашалась никуда ехать, работала по четыре часа в сутки, как с самого начала, и было ей совершенно всё равно, кому шьёт.

Интересовал её только Яков, только его могла она слушать сколь угодно. Особенно про деда Максима. Яков много рассказывал про него, про его были-небыли, про его мечту о неведомой горе, о людях, не знающих смерти.

О чём ни спроси, Яков рассказывал с охотой, но с каких-то пор Зарни стала замечать, что муж чего-то всё-таки от неё скрывает. Стала замечать, как в подпечке через кошачий ход каждый вечер что-то прячет. И делал это скрытно от Зарни. Любопытная, как любая женщина, Зарни однажды утром нашарила блюдце и достала, чтобы глянуть. На нём лежал кусок хлеба, и он был твёрдым, что камень, молотком не разбить. Как это? Что это? За ночь так очерствел? Чудно!

Непонятным казалось и то, по какой такой причине Яков ни за что не хотел менять жильё. Ему, как молодому специалисту, и такой полезной мастерице, как Зарни, могли дать квартиру от государства, только попроси. Тогда уже строились в селе дома с батарейным отоплением. О дровах голова не болела бы. А Яков даже думать не хотел о переезде. И причиной, как поняла Зарни, была печь.

— Да разве можно чем заменить русскую печь! — возмущался он.

Ну, не её же, не печь, кормил хлебушком? Дивно как-то!

Жилищную проблему Яков решил сам, поставил пристройку к дому, куда и переселился с женой. Помогали ему в строительстве кому не лень, идёт мужик мимо, спросит:

— Помочь?

— А чего бы и нет?

Хоть гвоздь забьёт, а всё дело. Друзья детства, родители учеников, — да мало ли кто! — находили время. Зарни настояла на том, чтобы стены сложили из ошкуренного соснового кругляка. И потом Яков хотел их покрыть хотя бы лаком, но она упростила не делать этого. Зато в комнате всегда пахло смолой. Полы тоже некрашенными оставила, не лень было скоблить доски, когда чистоту наводила. После хлопотного дня Яков входил в светёлку, будто в сам покой, будто есть такое пространство.

Пристроенная светёлка вполне устраивала жену Якова, и большего уюта ей не нужно было. Тепло зимой давала железная печка, она мало занимала места. А с хлебом на блюде Зарни поймала однажды мужа в старой избе.

— Это кому? — твёрдо спросила она.

— Да это я так, — не нашёлся, что ответить, Яков. — Пустяки.

— А почему глаза отводишь? Если человек отводит глаза... Значит, собрался соврать?

— Соврать? — возмутился Яков. — Тебе?

— Тогда говори.

— Я боюсь, — признался Яков, понимая, что уж теперь-то Зарни от него не отстанет.

— Чего боишься?

— Подумаешь, с головой у меня... как у деда Максима.

— У деда Максима с головой всё было хорошо. Понял?

— И ты не будешь смеяться?

— Не буду.

И тогда Яков открыл ей свою тайну. После рассказа Якова о дружбе с домовиком по имени Эйко Зарни не удивилась, не засмеялась, не усомнилась, а обняла мужа и заплакала.

— Ну, что ты? — удивился он. — Плакать-то зачем?

— Хочу, чтобы ты был у меня. Чтоб всегда был... такой...

И серьёзно смотрела на него своими влажными от слёз, чуть раскосыми глазами, полными голубизны, да не поверхностной, а глубинной. Этот взгляд всегда пугал Якова, прямо-таки оторопь охватывала ум — уж о нём ли говорит? Не придумала ли его? Ведь он человек простой, от других мужиков ничем не отличный, особых талантов не имеет. Чего же она в нём такого нашла, что стал он для неё дороже всех на свете? А ведь так и говорит.

— У меня только ты...

Не знал Яков такого примера из жизни, чтобы женщина так любила мужа. Ну, хоть бы когда поворчала, недовольство выразила, обиделась бы на него, замечание бы сделала... Ну, хоть бы жизни поучала, как все женщины. Нет, не упомнит такого случая.

Соседи же не слепые и не глухие, тоже удивлялись семейной жизни Зинаиды и Якова — ни ссор, ни разборок, тишь да благодать. И почему-то считали, что такого быть не может, не по-человечески это, не похоже на правду. Но и с тем не схоже было, чтобы Зинаида притворялась, уж больно бесхитростна, это же без очков видно. И бабы, кто мужем битая, кто сама драчливая, а кто и неверная в супружестве, все до единой предрекали, что этакая домашняя благодать добром не кончится. Что-то непременно должно произойти и такое, чего в селе испокон веку не случалось. Безоблачного счастья не бывает.

До Якова доходили эти пересуды, но он считал — от зависти — и отмахивался.

— Отчего-то ж детей нет, — сказала тётка Авдотья Настасье. — Не то что-то, не то. Моя племянница уже четверых народила бы.

Безобидная Настасья подметала пол и веником накинута на Авдотью, прогнала из дому.

— Чтоб язык твой отсох!

Да через полчаса сама побежала виниться. Поплакали вместе, да пришли к согласию в том, что нынешняя молодёжь детей не желает. Обуза ж какая! А они для себя жить хотят. Якову в ту пору было уже под тридцать. Сколько лет Зарни, определить было невозможно, а сама она не знала. Но уж точно — самое время детей рожать.

И уже бабы повторяли вслед за Авдотьей — «не то что-то». Зарни не могла понять, чем она с мужем мешает другим. Почему люди такие любопытные, почему болтают ерунду, почему завистливы и до всего им дело. Много появлялось у неё этих «почему». А что мог ответить Яков?

Со своих земляков, особенно женщин, он иконы писать не стал бы, уж точно не были они святыми, без греха им скучно жилось. Ссорились по сущим пустякам, сплетничали напрапую, в чужом глазу пылинку замечали, а в своём — бревна не видели, да сами же об этом пословицы составляли. Люди есть люди, думал Яков, не без слабостей. Спокон веку рождались, росли, учились, заводили семьи, воспитывали детей, работали, старели, умирали и покоились на одном кладбище. Их устраивало то, что все друг на друга похожи были. А Зинка поутру здороваётся... С кем думаете? С солнцем. «Здравствуй, — говорит. — Я тоже проснулась». Авдотья сама слышала, не глухая, не почудилось. Да ведь и Яков в деда пошёл, а тот с прибрежной кручи всё наглядеться не мог на Урал.

Судили, рядили, языки без костей... Однако Яков терпимо относился к односельчанкам. По глубинной сути своей они были добры, последним куском поделятся, коли в том нужда возникнет. Они были свои, это было его племя.

— А что, не знают, ради чего живут? — как-то удивилась Зарни.

— А ты знаешь?

— Теперь знаю, — уверенно ответила она.

— А раньше не знала?

— Раньше не знала.

Зарни подошла вплотную, провела ладонью по его волосам, приблизилась лицом, так что носы коснулись, и пропал Яков, утонул в бездонной голубизне её глаз.

Как же с ней было хорошо! И как страшно становилось, когда приходила чёрной кошкой одна и та же мысль, что Зарни принимает его за кого-то другого, что она его придумала, но однажды поймёт это, и тогда для Якова рухнет мир. Холодный пот выступал на лбу от острого предчувствия, что проснётся однажды, а её нет рядышком и нет её вовсе.

Когда они были вместе, им никогда не становилось скучно, ни разу, ни на минуту, а стоило ему уйти на работу, как для Зарни дневной свет наполовину тускнел, а у него возникала ноющая под сердцем тоска. Он с ней, с этой тоской, так и ходил, так и работал.

Ему страшно было подумать, что жизнь могла случиться без Зарни.

Песня

Однажды в клубе в честь женского праздника пели и плясали самодеятельные артисты, а Зарни и Яков сидели в зале, заполненном зрителями, ни одного свободного места, многие стояли вдоль стены и толпились в дверях. Концерт уже шёл к концу и чего-то замешкался с выходом хора, занавес долго не открывался. Уже стали возникать нетерпеливые хлопки. И тут поднялась Зарни и сказала громко:

— А можно я спою?

Тут же раздалась голоса:

— А чего ж нельзя?

— Давай, Зина, давай!

— Тихо, народ! Зина петь будет!

Она легко взбежала на сцену, остановилась перед занавесом — стройная в длинном платье, покатые плечи, лебединая шея, вздёрнутая головка с копной волос — ну, актриса и только! — приветливо оглядела зал и повела незнакомый мотив. Гудевший многими голосами зал вдруг замолк, и такая наступила тишина, будто люди вмиг онемели и перестали дышать.

Дивно пела Зарни на дивном певучем языке, который умом Яков не понимал, а душа отзывалась на каждое слово. Он слышал языки хантов, ненцев, юкагиров, селькупов, всех обитателей тундры. На них говорили поначалу дети, которых привозили учиться в интернат. Но ничего схожего не было в словах Зарни, а чудилась Якову в её речениях древняя магическая сила, которая будила в сердце незнакомые по сию пору чувства. И уж никак не получалось объяснить того, почему всплыли из памяти слова деда Максима — «своды тех пещер высоки, и свет в них не хуже солнца».

Откуда у Якова могла быть такая щемящая тоска по другому какому-то миру, смутный образ которого будто выплыл из тёмных глубин сознания? Рай, что ли, привиделся? Да нет, не похоже на то, иное чувство возникло,

почудилась какая-то другая жизнь, прежняя, очень давняя и потому забытая, но им прожитая. Так случалось в тайге, выйдет на поляну, к примеру, и чувствует, что бывал уже здесь, а понимает, того не могло быть, что впервые набрёл.

А уж какие чувства охватили души зрителей, Яков угадать не мог, но поведя взглядом, прямо-таки не узнал своих сельчан, лица которых видел каждый день. Какое-то просветление нашло на всех, будто всё мелочное выдуло из душ, а пустота наполнилась светлой печалью неведомо о чём.

Когда Зарни кончила петь, то сошла со сцены, быстрыми шагами подошла к мужу и села рядом, опустив голову и стиснув пальцы в один кулак на груди. Люди поднимались со своих мест и молча уходили, избегая встретиться взглядами, пряча влажные от слёз глаза. Зарни и Яков одни остались в зале, занавес открылся, но хор не вышел на сцену. Должно быть, никто не посмел запеть про солдата, который с горочки спустился, после песни Зарни.

Что это было? Ни Яков, ни сельчане объяснить не могли. Оттого молчали. И только одна тётка Авдотья всё и сразу поняла, хотя сама тогда в клубе не была, а только от подруг слышала, что Зинка пела на каком-то непонятном языке.

— В Москву тебе надо ехать, Зинаида, — посоветовала она. — Или в Париж.

— И чего я там не видела? — спросила Зарни.

— Тебя в артистки возьмут. Разоденут, как куколку. Одни мармелады будешь кушать.

Коли Зинку заберут в Москву, то Яков останется холостым, потому что его на стальном буксире не утащить, краном не оторвать от родной земли. У Зинки же там кавалеров будет пруд пруди. Зачем Яков? А это было как раз то время, когда Алевтина развелась с мужем. Ведь говорила Авдотья — не сойдётесь. Да кто теперь умных людей слушает?

После того вечера заведующая клубом долго упрашивала Зарни участвовать в самодеятельности, это же на конкурсах можно первые места занимать. Такой голос! Да и люди, особенно женщины, не раз просили Зинаиду спеть для души, но она отказывалась. Те обижались — они же от чистого сердца, чего ломаться? Даже Яков попытался уговорить, но Зарни прижалась к нему и сказала тихо:

— С тобой хочу быть.

— О чём ты пела? — спросил Яков жену.

— О маме, — ответила Зарни и добавила: — О тебе.

— Тоскуешь по маме? А нельзя, чтоб она была с нами?

— Она умерла. При родах. Я её не могу помнить.

— Такая печаль, — вздохнул Яков. — Уж прямо невозможная...

И Зарни рассказала Якову, как всегда чувствовала, что мама рядом с ней, она укладывала спать, ласково будила по утрам, она никогда не забывала о своей дочке и заботилась о ней, подсказывала, как надо поступать, как надо вести себя. Не видела и не слышала её Зарни, потому что это невозможно, а всё понимала. Наверно, сердцем. Она не знала — как, но угадывала мамины советы. Она чувствовала мамину любовь.

— Она умерла, — пояснила Зарни, — а душа её осталась со мной.

— Отчего же печаль?

— А теперь её нет рядом, — сказала Зарни.

— Почему?

— Глупый ты, глупый, — улыбнулась Зарни. — Она меня доверила тебе. И теперь спокойна. Теперь в небесах.

— В небесах, — будто эхом повторил Яков. — Но ты пела обо мне, говоришь. А песня была вся печальна.

— Мы с тобой встретились на время, а расстанемся навсегда. Потому мне печально.

— Нам с тобой ещё жить да жить, — бодро предрёк Яков и обнял жену.

Он не стал в тот час тревожить её вопросами и не стал утешать, а после повода больше не было. Как пасмурное облако, однажды печаль коснулась прекрасного лица Зарни и уплыла.

Страсти и горести Евдокии

Жила себе Зарни да поживала, никого не беспокоя, никому дорогу не обходя, ни с кем не ссорясь, а среди женской половины сельчан новое беспокойство зародилось, и поползли суды-пересуды по селу, как весенний пал по сухой стерне. И повод-то был такой, что всех женщин прямо за сердце хватал, аж дыхание сбивалось. Испокон веку знали кумушки — бабий век недолог. Как северные цветы, расцветёт женщина, дивись на её молодость да пригожесть, а уже вечер забрезжил.

Непослушное никому и ко всем равнодушное время ползёт неумолимо, как ледник, уминая старьё. Что трава, что деревья, что рыбы, что человек — всё ему без разницы, уступай место нови и будь добр. Ещё вчера вроде, раздувая парусом широченный сарафан, обходила улицы неутомонная вестница тётка Авдотья, ни одной избы не обходя. А нынче лежит на погосте под крестом рядом с могилой своей подруги Настасьи. Умерли в одно лето с недельной разницей.

Всё село за девять или даже за десять полных лет, как появилась невесть откуда Зарни, переменилось неузнаваемо. Что уж о людях говорить! Кому по семнадцать было, под тридцать стало, многие обросли детьми, солидности набрались, мадоннами стали, сельскими, и не узнать, коль давно не виделись.

А Зинаида? Вот вопрос! Она-то из какого теста?

Ходит стройная, улыбчивая, как и была, будто время её сторонкой обходит.

— Птичье молоко пьёт, что ли? — рассуждали озабоченные женщины. — Зинка-то наша.

Как это можно понять даже пронзительному бабьему уму, что всё вокруг меняется, а Зарни остаётся прежней? Лицом ничуть не повзрослела, а уж фигура как была по-девичьи гибкой, так и осталась? Даже голос звучал по-прежнему.

Правда, в селе ещё одна небывальщина происходила на глазах людей. Но этого как-то и не замечали особо, скорее — не придавали значения, потому что понимали суть. Хотя удивительно всё ж!

Умереть-то Авдотья умерла, покоится на погосте, а её каждый день встретить можно в селе, да ещё и помолодевшую. Невысокая ростом, полненькая, румяная — кровь с молоком, — она от пяток до кончиков волос была воплощением жизни, будто каждая жилка в ней озорничала и не давала покоя. У мужиков сбивалось дыхание, когда она перед ними крутилась. Огонь в юбке — право же слово.

А объясняется это явление тем, что была она дочерью покойной тётки Авдотьи и на мать походила, как овечка на овечку. Звали тоже Авдотьей. Однако она считала себя женщиной культурной, пристально следила за модой, по Москве пройдёт, никто не примет за «деревню», потому простонародного обращения не позволяла и откликалась только на Евдокию. Никаких Дуняш и Дусь! Отбреет — не возрадуешься, язык острее бритвы.

А всё ж дело в том, что с незапамятных времён Авдотьи рожали Авдотий, похожих на себя вплоть до родинки на мочке правого уха, будто Некто разбирал неваляшки и ставил фигурки в ряд на дорожке времени. К тому же ровно как бабка, как мать, Евдокия — сплетница невероятная, всё обо всех знала, даже то, чего и знать-то невозможно, потому что в яви не было, но женщина свято верила в свои догадки, считая истинной правдой всё, что приходило в голову.

И вот у этой современной по всем статьям женщины большие переживания начались из-за тётки Зины, Зарни то есть. Они настолько встревожили Евдокию, — прямо всю до последней клетки, — что на нервной почве аллергия началась. Правда, врач потом сказал, что сладкого переела.

Не то чтобы часто, но и не так, чтобы редко, навещала Евдокия тётку и по делу, и без дела. На какой-то раз застала Зарни за уборкой, та мыла окна, была в короткой юбке и майке. Пригласила гостью присесть.

— Я быстренько, и чаю попьём.

А Евдокия глаза не могла отвести от стройной и гибкой фигуры тётки. И такая в груди возникла зависть, будто изжога началась. Бабе под тридцать, а выглядит моложе племянницы, которой едва за двадцать перевалило. Да что же это такое!?

Даже чаю попить расхотелось.

Расстроенная вконец пришла Евдокия домой, муж за столом разбирал бумаги, что-то считал. Она уселась у окна и уставилась на стайку воробьёв, обижено надув сочные губы. Даже муж забеспокоился:

— Не заболела?

— Да ты что! Типун тебе на язык.

— А что такая?

Муж её Илья Ильич работал бухгалтером совхоза, был редкого любопытства человек тридцати пяти лет и первым купил компьютер, как только они появились в селе. С тех пор всё свободное время проводил со своим «новым другом» и так расширил свои умственные познания, что тяжело стало оставаться молчуном. А прежде доверял только цифрам. Два есть два, пять есть пять, так было тысячу лет назад и так будет до конца века. Ничего устойчивого в мире, кроме цифр, Илья Ильич не видел, всё меняется, всё сомнительно. Но в селе поговорить о цифрах не с кем, вот и молчал.

А с появлением в доме компьютера так много интересного узнал, что одиночество стало мучительным, будто набили голову порохом, того гляди рванёт и всё разнесёт вдребезги. Ну, это, конечно, преувеличение, однако верно отражало ситуацию. Пытался рассказывать жене, но Евдокию несколько не интересовали ни строение Вселенной, ни походы Александра Македонского. Даже о политике сказала, что видела её в гробу в белых тапочках. Интересы Евдокии были уже — село и окрестности. Уж тут всё занимало её в крайней степени.

— Да что с тобой? — спросил муж жену, непривычно молчаливую.

— Посмотри на меня, — подала слабый голос Евдокия. — Я очень постарела?

Он повернул голову, и будто его током ударило. Глаза замутились поволокой, дыхание сбилось. Поднялся пружинисто, по-кошачьи вкрадчиво подошёл к ней. Евдокия догадалась, не до Зинаиды теперь ей будет.

— Ненасытный, — только и успела шепнуть.

После нежностей мужа посмотрела Евдокия в зеркало, чтобы причёску поправить, да загляделась, залюбовалась собой, очень даже привлекательной показалась себе, что даже озорно подумала: «Экая сдобная булочка!» Да в тот же миг, будто ведром ледяной воды окатили, даже дыхание сорвалось. Она представила, как смотрит на неё из зеркала старая морщинистая женщина. И это она — Евдокия! А ведь так будет, это случится, и не через век.

Ноги ослабли, сердце жалостливо заныло, Евдокия опустилась на пуфик и оторвала взгляд от зеркала. Но это не помогло, будто старуха со сморщенным лицом не исчезла, а осталась, как портрет в рамке, и смотрит на неё мутными от катаракты глазами.

Евдокия до ужаса боялась старости, а тут такое вообразилось.

Муж уже сидел за своим столом и что-то читал из компьютера. Она смотрела на его узкую спину, впервые заметив небольшую пока ещё сутулость. И он состарится. От этой мысли холодело сердце. Спасти могла только Зинаида! Вроде родней приходится, могла бы поделиться с племянницей своим секретом. Но нет, ей это и в голову не приходит. Какие же люди всё-таки эгоисты!

Устав мучить себя печалью, Евдокия решила во что бы то ни стало выведать, каким таким снадобьем пользуется нестареющая тётка. Обычно Евдокия всегда добивалась того, чего хотела. Только надо продумать, как войти

в полное доверие. Ну, это ей по силам, таланту хватит. И она успокоилась, посмотрела на зеркало, там никакой старухи не было. Утвердилась на мысли, что завтра же придется выуживать секреты тётки.

Тревожные догадки Якова

Вот уж напасть — Яков о жене думал постоянно. Чем бы ни занимался, как бы ни увлекался работой, охотой или рыбалкой, Зарни неотступно была в его сознании. Всякий пустяк в её поведении, иногда случайный взгляд занимали Якова, и не оставляло чувство, что не знает он, что за чудное существо рядом с ним.

Как-то вернулся Яков с рыбалки, скинув бродни на крыльце, прошёл в носках в сени. В старую избу дверь была приоткрыта. И он увидел, как Зарни сидит на табурете, спиной прислонясь к печке, и говорит, да на том дивном языке, на котором пела. С кем это она? В избе-то никого нет, кроме домоседа Эйко.

Заметив мужа, нисколько не смутилась, радостно — как всегда — подлетела к нему, но обнимать не стала, его роба и руки были в рыбьей слизи. Стояла в двух шагах и светилась в улыбке.

— Подружились? — спокойно спросил Яков.

Она часто и весело покивала.

— Он что, понимает тебя? — шутливо спросил Яков об Эйко.

— Ну, конечно!

— Разыгрываешь?

— Ни капельки.

Не поймёшь — всерьёз отвечает или балуется.

— Тогда обучи, — попросил он Зарни.

— Чему?

— Своему языку.

— Зачем тебе?

— Очень нужно.

— Ну, даже очень, — ласково передразнила.

Помнилось, дед Максим говорил, что был изначальный язык, когда-то понятный и людям, и зверью, и духам. В природе все должны понимать друг друга, только тогда можно прийти к согласию. Правда, едва ли заяц всё-таки убедит волка стать вегетарианцем. И пойдут ли осетры в сети Якова по его просьбе? Почему-то же забылся всеобщий язык. Вот и причина — не оказалось надобности, все держались своих интересов. А так несправедливо, так неправильно, что два старинных друга — Яков и Эйко — не могут присесть рядом и потолковать по душам!

Сама Зарни явно верила, что с природой можно общаться, она и поймёт, и пособит. Яков был свидетелем того, как Зарни спорила с ветром.

На калданке Обь переваливали, лодчонка маленькая, что корыто. А ветер поднялся такой, что ужас, волны будто озверели, будто на них только и накиннулись. Она за вёслами сидела, а он на корме правил. Лодчонку занесёт на гребень волны — дух замирает. Думалось, вот бросит вниз, в бездну — и конец. А Зарни смеётся, да громко так. На берегу Яков спросил: «Чего смеялась-то?» И она отвечает: «Чтобы ветер слышал, что мы не боимся его. Вот он и отстал».

Признаться, Яков не всегда понимал, в каком мире она живёт. Иной раз казалось, что всё ещё не вышла из детства. А порой удивляла какой-то особенной, сказал бы — нежной мудростью, словно опыт веков за спиной.

Пошли как-то по ягоды, Яков знал клюквенные места. Привёл на ягодник, а там этой клюквы — красно, ступить некуда. Вот собирают в лукошки, да всё о чём-то говорят. А потом примолкла она, стоит, смотрит мимо него. Он оглянулся, а в метрах семи медведь. Он — за нож, с которым не расставался в тайге. Она жестом остановила. Подняла с земли сухую ветку и пошла на медведя. Уходи, мол, видишь, занято место. И этим хлыстиком отогнала зверя. Тот сам не понял, чего уходит, оглядывался и обиженно рычал. А Зарни порывисто обернулась, и Яков заметил, что только теперь чего-то испугалась. Подбежала к нему, ухватила за плечи. «Что с тобой?» — «Я подумала». — «Что подумала?» В глазах и впрямь испуг. «Я подумала, а вдруг ты мне снишься?» Яков очень даже понял жену, потому что сам испытывал временами этот первобытный страх — вдруг всё чудится и может исчезнуть.

А как бежали домой? За ними гналась гроза, рыча и разметая молнии. И оба понимали, что бегут не от тучи, набухшей дождём, а от страшной злобной Судьбы, которая уследила именно их и готова испепелить ни за что ни про что. В последнюю секунду забежали в сени, и тут обрушился ливень. Радости ж было, что сухими остались! Вот она и спрашивает: «Догадался, кто за нами гнался?» Ему только подумалось, а она всерьёз решила — Злоба. Она иногда скапливается, и тогда опасно оказаться поблизости.

Как-то проснулся, а жены нет под боком. Это ещё что такое? Да припомнил, что у Зарни была привычка в тёплые летние ночи спускаться к реке. Побудет там и вернётся вся какая-то просветлённая, будто побывала в храме. На этот раз Яков потащился на берег, остановился на яру. Рядом был спуск, и внизу — мостки. На самом конце тех дощатых мостков стояла Зарни спиной к Якову.

Лунная дорожка, усыпанная мерцающими серебристыми бликами, наискось пересекала реку, и на её фоне стройная фигурка Зарни в лёгком облегающем теле платице казалась призрачной, зыбкой. Яков увидел, как Зарни раскинула руки, а в следующий миг оторвалась от досок и повисла в воздухе. Яков настолько чётко это видел, что сомнений быть не могло. Но, очевидно, выдал себя как-то, может, вскрикнул, Зарни опустила на мостки, обернулась, приветственно помахала рукой и побежала к нему. Оказавшись рядом, весело уставилась на него, удивлённого. Мол, не пугайся, ничего страшного не было, тебе почудилось.

И Яков не стал ни о чём спрашивать, не осмелился.

Конечно, во всём виновата лунная дорожка, случился чистейшей воды оптический обман. Яков убеждал себя в этом. Ну, не летают люди! Не летают! И быть этого не может. И тут же усомнился — что мы знаем о себе? Ничего мы не знаем о себе. Он и сам не раз, возвращаясь с работы и думая о том, что через несколько минут увидит Зарни, земли под собой не чувствовал. Уже потом удивлялся — не летел ли? Со стороны бы глянуть...

— О чём ты с Эйко хочешь потолковать? — спросила неожиданно Зарни, напомнив недавний разговор об изначальном языке.

Это она хитренько сбила настроение Якова, отвлекла от задумчивости.

— Да много о чём, — не нашёлся сразу Яков.

— А всё-таки?

— Ну, к примеру, спросить, тоже стареет или вечный?

— Он же дух, — подивилась она его наивности. — Чему стареть?

Они стояли на яру, перед ними огромная река зримо текла всей массой вод, и почти не представлялось, что так было всегда. В конце плёса за коричневой полосой тальника сияли вершины Урала, торжествуя в ночи извечной красотой. Деды и прадеды Якова видели то, что было в эти минуты перед его глазами. А рядом стояла женщина, которую даровала ему сама природа, не иначе, с которой Якову хотелось быть рядышком тысячи лет, быть и быть.

— Дед Максим верил, что есть люди, которые смерти не знают, — сказал Яков.

— А Эйко, откуда знать? — возразила Зарни. — Он же домосед. А что ты слышал о них? О тех людях.

— Приятель был у меня, звали Тимофеем, — охотно ответил Яков. — В два раза старше. Рассказывал, как подстрелил зайца. Оказалась самка на сносях. Выходит, и детёнышей загубил. И вот — надо же! — заблудился. Идёт, идёт по лесу, да всё возвращается к тому месту, где подбил зайчиху. До ночи так тянулось. Выбился из сил полностью, повалился на землю. И тогда вышел из ельника мужичок. Ничем от людей не отличный, только ростом маловат, и глаза такие пронзительные, что страх подступил к горлу. Пантелей поднялся на ноги, стоит ни жив ни мёртв. А мужичок говорит:

— Детей твоих жалко.

У Тимофея пятеро их было, тогда ещё малышня — от года до семи лет. Сказал мужичок эти слова, да мимо прошёл, удалился, не оглядываясь. А Тимофей при лунном свете ясно видит — лес-то знакомый, сотни раз хоженный. И домой побежал.

Сколь ни жил Яков, а всё доходили до него слухи о «дивьих людях», что обитают якобы в горных пещерах Урала, часто выходят на свет божий, зла не делают никому, но и до себя не допускают, сторонятся нынешнего жадного человека. Богатства в их обиталищах, по слухам, несметные. Встречаться самому лицом к лицу не приходилось, хотя много часов и дней провёл в тайге, но очевидцам верил. Народ всё ж серьёзный — оленеводы ли то, охотники ли.

А вот дед Максим рассказывал про стадо оленей, которое двигалось мимо него, да пропало из виду, будто растворилось. Это пастухи заметили чужака,

что-то друг другу прокричали — их было двое, — и деда Максима на какое-то время дремота окутала. Очнулся, а нет оленей.

Зарни с таким детским интересом слушала, что Яков даже удивился.

— Не слышала что ль о них? — спросил.

До Карского моря и обратно стада идут вдоль Урала, а то и пересекают горы. И чтобы пастухи за многие годы не встретили хотя бы одного из «дивьих людей», как-то не верится. А уж если видели, то Зарни от них обязательно слышала бы, в одном чуме жили, бригадир с женой и двое пастухов-сыновей.

Кто они такие и откуда эти обитатели гор, из местных никто не знал. Но Яков слышал от своего деда, что в давние времена вдоль студёных морей обитали племена Чуди. И будто бы теснимые врагами ушли они под землю. Может быть, — чего не бывает на этом свете! — и остались по наше время какие-то их потомки. Живут потаённо и скрывают свои секреты. Но не это занимало Якова при той беседе с женой, а насторожила возникшая на лице Зарни игривая улыбка с хитрецей.

— Есть они, нет их, — вздохнул Яков, — а всё интересно.

Она явно что-то хотела сказать, и он умолк в ожидании.

— Есть, нет — меня спроси, — сказала Зарни, — а не Эйко.

— Видела?

— Я их чаем поила, — сообщила Зарни и пожала плечами, мол, что уж тут такого.

— Кого? — поперхнулся Яков от неожиданности.

— Ну, чудов этих, чудинов, — пояснила она.

Да, да, дед тоже их так называл — чуды. Яков так растерялся от признания Зарни, что никак не мог сообразить, что же спросить-то надо.

Но Зарни сама стала рассказывать о том, как не однажды заходили в их чум гости. Она, девчужка, разливала чай по кружкам и подносила гостям, которые сидели на оленьих шкурах, скрестив ноги, и ласково благодарили юную хозяйшку. Их было двое, молодые. Невысокого роста, но крепко сбитые, широкие в плечах и подбористые телом, а лицами очень красивые. Девочке сразу показались родными, это она хорошо помнит.

Один из них иногда появлялся без товарища. Учил девочку своему языку. И странное дело — она очень легко освоила, словно помнила, да на время забыла. Откуда эта память, которая вдруг распахнулась?

Ко времени этого разговора Яков уже знал от жены, что она была приёмной дочерью хозяев чума и попала к ним в первые минуты жизни. Ночью тревожно взлаiali собаки, глава семейства — сорокалетний Матвей — вышел на улицу, думая, что подбегали какие-нибудь гости, дело хоть и редкое, но привычное, и на самом деле увидел оленью упряжку. Но возница лежал на нарте и не поднимался. Пьяный, что ли? Уснул?

Но тут Матвей услышал охриплый, иссякающий плач ребёнка и поспешил к нартам. Стояла уже весна, появились первые проталины, и даже ночью снег таял. Это спасло ребёнка, а женщина была уже мёртвой, умерла, не успев перерезать пуповину. Матвей опрометью бросился в чум, поднял на ноги жену,

и та ещё сонная побежала за ним. Ребёнка выходили, это была Зарни. Мама куда-то ехала по тундре, видимо, не предчувствуя беды, а роды начались прежде времени. Олени, скорее всего, сами набрели на чум, а так ищи ветра в поле, тундра велика.

— И ты жил бы без меня, — сказала Зарни. — Представляешь?

— Нет, — замотал головой Яков и проворчал сердито: — Не нужна мне никакая жизнь без тебя.

При одной мысли, что её могло не быть, Яков почувствовал холодок под сердцем, так что расхотелось расспрашивать об этих чудинах. Пусть себе живут и прячутся. Яков в страхе потерять так обнял жену, что она взмолилась: «Задушишь!» Только тогда пришёл в себя.

В тот раз Зарни собралась было рассказать мужу, что по тундре ходили слухи, — уже отроковицей слышала, — будто безмужняя мать зачала её от чудина. Но Зарни знала заранее, как муж к этому отнесётся, даже плечами не пожмёт, так ему это всё равно. Кто она? Откуда? Да разве это важно? Сошла бы Зарни с неба на его глазах, и то нисколько не удивился бы, не стал бы выяснять, как это можно. Сошла и сошла. Чего не бывает?

Зарни рядом — только это имело для него значение. Только это! Вот что знала жена о муже и помнила всегда.

Так решила Зарни

Годы шли, время не остановить было, всё старело и обновлялось вокруг — и люди, и жизнь, — только Обь-река текла по прежнему руслу, не меняя направления, да любовь Зарни и Якова светила и грела, как незакатное северное солнце короткой летней поры. Зарни оставалась прежней красоты, тем очень печала Евдокию, а Яков возмужал, вошёл в зрелый возраст, когда всё по плечу.

Не слепой, видел, как заметней становится разница между ним и Зарни. Вот уж бабам привалит веселья, когда жена будет выглядеть дочкой, хоть не стой рядом. Мысли такие зароились было в голове Якова, но он их смёл, как мусор метлой. Все люди, думал Яков, знают, что умрут, а живут же, трудятся в поте лица, стараются, чтоб лучше было, по праздникам веселятся и поют. А почему он должен омрачать нынешний день мыслями о том, что случится даже не завтра, а годы спустя? Не о чем больше думать, что ли?

Но всё обернулось так, как и в дурном сне не привидится. Затеяливая судьба распорядилась по-своему. В тот памятный для Якова вечер нешуточно разыгралась вьюга. Было такое ощущение, что занесённую по окна снегом избу окружила вся нечисть и воет разными голосами, но одинаково зловещими, изматывающими душу. Яков сидел, прижавшись спиной к тёплому

боку печи. Зарни накрывала стол для ужина. Она двигалась легко, движения были до боли знакомы и трогательны, поглядывая на мужа, мягко улыбалась. Сколько в их жизни повторялось спокойных вечеров, не счесть, и не могли бы они надоесть, хоть длись вечно.

Но вдруг Зарни схватилась за живот, шатаясь, подошла к скамье и бесильно опустилась. Её милые, лучистые глаза наполнились страхом и болью, будто некие злые силы раздирали изнутри тело. Яков подхватил жену на руки, отнёс на кровать. Зарни извивалась, корчилась в судорогах, из мертвенно посиневших губ вырывался злоеющий хрип.

Он схватил телефон, позвонил в больницу, должно быть, изрядно испугав истошным криком дежурную врачуху, а как обернулся, то увидел совершенно спокойную жену, которая виновато улыбалась и даже попыталась подняться. Но Яков удержал её и присел на край кровати, стал отвлекать разговором, а тут прибежала врачуха, пробившись сквозь метель и запыхавшись, увидела блаженную парочку и матюгнулась в сердцах. Но когда Яков рассказал, что было, встревожилась всё-таки, осмотрела Зарни и сказала:

— Похоже, голубка моя, зачала ты...

В начальные годы супружества Яков часто говорил о сыне, которого научит всему, что знает сам, а потом стал остерегаться своих откровений, потому что милое лицо Зарни от его слов омрачалось непонятной грустью. Но хоть и помалкивал, а надежды не терял. Уж очень ему нужен был сын, который стал бы и продолжателем рода. После Якова не оставалось Кожевиных. Отцов брат Харламбий был не в счёт, у него одни дочери. А не хотелось пресекать на себе многовековой род. Чувствовал Яков вину перед дедами, прадедами...

И вот дождался.

Яков от счастья твердь под собой не чувствовал, будто стал невесомым, как облако, ходил и улыбался. С этой улыбкой прямо-таки ничего не мог поделать. На уроке забудется и стоит, светится, а дети ждут, когда очнётся учитель от забытья, и тоже улыбаются, да весь класс.

Чтобы унять радость, топором и ножом выточил из соснового обрубка охотничьи лыжи, лампы. Широкие и лёгкие получились, под стрехой крыши сохнут, детские, для мальчишки лет пяти-семи. А ещё заготовки стоят в углу сеней, по размеру для подростка. Зарни видела — готовится.

Что жена сына родит, нисколько не сомневался. Большой удачи и не бывает, думалось Якову. Но не бывает, видимо, и безоблачной жизни, а за всё приходится платить на этом белом свете. За счастье тоже. Только почему — знать бы.

Всё чаще замечал, как та самая грусть, замеченная им прежде, туманила её глаза, и смотрела она перед собой, не видя ничего, а только прислушиваясь к себе. Яков так понял, что боится предстоящих родов. Так ведь все женщины через это проходят. Это понимание его успокоило, и он продолжал ждать сына, мысленно уже разговаривая с ним.

Ничем и нисколько не встревожил Якова и рассказ продавщицы продуктового магазина Софьи о том, что в полдень подъезжали две оленье упряжки за продуктами. Значит, поблизости села оленье стадо остановилось на передышку.

Не раз такие случаи происходят в году, стада двинулись на места отёла, так что ничего необычного не приключилось вроде. Оленеводы накупили, что им надо было из съестного, и удалились. А продавщица в окно видела, как упряжки останавливались возле дома Якова. Видать, окликнули Зарни. Она вышла, подошла к чужакам, правда, на короткое время и вернулась в дом. А те уехали.

— Они нашли тебя? — напрямую спросил жену Яков. — Твои родичи...

— Это не родичи.

— А кто?

— Это они...

И по тому, как она сказала это слово, Яков понял, о ком речь. Но виду не подал, удивляться не стал, сомневаться тоже, а присел рядом на скамью и обнял жену за плечи.

— Чего хотели? — спросил спокойно.

— Да нет, нет, ничего, — поспешно ответила Зарни. — Поздоровались. Спросили, как живу.

Говорит, а сама на мужа не смотрит, отвела глаза.

— Что-то ты лукавишь, голубушка, — ласково заметил Яков. — Что-то не договариваешь.

Видел же — взволнована Зарни. Просто поздоровались и про жизнь спросили, а еле сдерживает дрожь. Разве так бывает?

— Давай-ка выложи мне всё начистоту, — попросил Яков.

Никогда и никакие свои мысли не скрывала от мужа Зарни, но была у неё одна тайна, которую строго держала при себе, потому что она не мешала жить, пока не наметился ребенок. Теперь же таиться стало совестно. Она даже не представляла, как можно умолчать о беде, которая им обоим грозит. Собиралась сообщить позже, продлить его счастливые дни, но эту задумку сбили гости. Времени на «потом» не осталось.

Дело в том, что у приёмного отца Матвея сыновья были уже в юношеском возрасте, назревала пора жениться. Оба любили Зарни и ждали, когда она немножко ещё подрастёт и сама кого-то из них выберет. А чудин, — может, кровный отец, — предупредил Зарни, что выходить ей замуж опасно, потому что могучий колдун, когда-то обиженный девушкой по имени Марья, проклял женщин всего рода и наложил порчу: не будут они стареть и красоту терять не будут, а при родах умрёт каждая. Давно случилось заклятье, но силы не теряет.

Вот эту потаённую угрозу и раскрыла она мужу, чтобы они оба знали, какое испытание им предстоит. Но Яков её откровение всерьёз не принял, стал целовать Зарни, ласковые слова бормотать и как будто рад был. Он и на самом деле не поверил ни в колдуна, ни в заклятье. Да разве ж такое возможно при современной медицине? Пустые тревоги, напрасные страхи... И хорошо, что нагоняла грусть на неё такая пустяковина.

Обеденный перерыв заканчивался, Якову надо было бежать в школу. Он строго-настроено запретил Зарни выходить из дома, а чтобы ждала его. Он вернётся через два часа, и они всё-всё обговорят, обдумают и наметят дальнейшую семейную жизнь.

Оставшись одна, Зарни пересела на стул у окна и смотрела, как уходил Яков по улице, становясь всё меньше и меньше ростом, будто превращался в мальчишку. И теперь Зарни окончательно поняла, что нет у неё другого выхода. Зарни ни за что не хотела, чтобы Яков хоронил её, пусть помнит живую. И стала собираться в дорогу. Чудин сказал, что стадо за ельником.

— Надо тебе с нами ехать. Соберись.

Того не учёл Яков, что Зарни в отличие от него верила и в колдуна, и в заклятье.

А вера сильнее правды.

Дотошное следствие

Первая из селян забеспокоилась Евдокия, поутру заметив, что не дымит печная труба над избой тётки. Это что ж такое? В такой-то мороз! Постучала в окошко.

А вчера она видела, как уходила в сторону тайги тётка Зинаида.

Не сразу, но приоткрыл занавеску Яков, почему-то одетый в малицу, и помахал слабой рукой, мол, уходи. Евдокия, женщина воспитанная, послушалась, конечно, но того не передать словами, какая слёзная жалость стиснула её сердце при виде опавших глаз и почерневшего от горя лица Якова. Молодой же мужик, а стариком показался Евдокии.

Не поленившись, Евдокия обегала всё село и разнесла свою «слёзную жалость». Люди отнеслись к новости спокойно, потому что Зинаида вполне могла переночевать в «куропачьем чуме», то есть зарывшись в снег, да нынче же и явится, как ни в чём не бывало. Но Евдокия «чуяла сердцем», что случилась беда. И ведь что главное — унесла с собой секрет вечной молодости. Получается, что Евдокия упустила свой шанс, теперь кусай локти.

Прошёл день, второй... Ну, какой уж «куропачий чум»!

На третий день заинтересовалась сельская милиция, всё-таки человек пропал. Сам начальник пришёл к Якову с допросом и с ним ещё двое. Может, арестовать собирались, скрутить. Это у них всегда — первая мысль. Но оказалось много свидетелей того, как уходила Зинаида.

Соседка в окно видела, как жена Якова вышла во двор уже с лыжами в руках и пошла краем улицы. Ничего удивительного в этом не было, соседка подумала, что силки на зайцев пошла проверять. Иногда заменяла мужа, а тот в этот час уроки вёл в школе. Старший милиционер записал в блокнот — «Уроки. Проверить». А как иначе — это же алиби!

Тракторист Семён шёл на обед, а дом его на самом краю села стоит, так что видел, как женщина, в которой он признал жену Якова, сошла с накатанной дороги и пошла целиной к опушке леса. Дальше он ничего

не видел, потому что уже поднялся на крыльцо, и лыжница оказалась вне зоны видимости. Он тоже, как и соседка, подумал, что на этот раз пошла супруга Якова за добычей. С пустыми руками не приходят. На вопрос — видел ли он снегопад? — тракторист Семён повторил, что был уже «вне зоны видимости». Он остался доволен, что так юридически грамотно отвечал следователю.

Зато четверо восьмиклассников оказались свидетелями снегопада. Лыжная трасса, обкатанная школьниками на уроках физкультуры, тянулась в метрах десяти от края тайги, и ребята видели, как женщина пересекла лыжню и ступила в ельник. И только она скрылась, как начался снегопад, который возник внезапно, будто опустилось сверху белое покрывало и замерцало звездчатыми снежинками.

Свидетелей хватало, сомневаться в показаниях не приходилось. Но почему из лесу женщина не вернулась? Волки напали? Но не слышать было, чтобы они завелись поблизости от села. В общем, гадай не гадай, а ясности никакой.

На вопросы милиционеров Яков отвечал внятно и доходчиво, но с таким видом, будто его спрашивали о каких-то очевидных пустяках. Были ли семейные ссоры? Нет. Не обиделась ли на что? Повода не было. Есть ли у жены родня? Ну, есть, конечно. Не к ним ли пошла? Ну, может, и к ним. Где они могут быть? В тундре. А конкретно? В тундре адресов нет. Было бессмысленно продолжать допрос.

Начальник милиции, конечно, с кем-то из вышестоящих товарищей созванивался, доложил о данном инциденте, естественно, получил инструкцию, не без этого. Но не поднимать же вертолёты? Какие следы после снегопада? Предполагать, что имели место насильственные действия, носящие уголовный характер, не было оснований. Бытовой случай. Развелись, не развелись — чёрт их поймёт! Заявления никакого нет, так чего суетиться?

— Никто ничего не знает — почему ушла, куда ушла, — развели руками стражи порядка. — Так и запишем.

На том и утихли.

Жизнь без Зарни

Время, как великая река, двигалось себе дальше, равнодушное ко всем человеческим болям и ко всем потерям. Евдокия ещё какое-то время переживала и сердилась на свою тётку Зину, потому что исчезла, не поделившись своим секретом, но обида полностью прошла весной, когда родила девочку. Ну, вылитая мать! Даже родинка на мочке правого уха, как у родительницы. Над именем долго думать не стали, назвали Дуняшей. Для Евдокии весь белый свет сошёлся на этой малютке.

Вот бы знать, сколько родилось Авдотий до этого, и сколько ещё будет после! Для науки интересный факт, между прочим, в аспекте вечности. На кандидатскую явно тянет. Так думал счастливый отец Илья Ильич, но дальше этой мысли дело не пошло.

Учитель младших классов Яков Лукич, как и в прежние времена, ходил по селу всегда опрятно одетый, побритый и обязательно при галстукe. Помощи ни у кого не просил, сам справлялся с бытом, и никаких жалоб от него не слышали. Сельчане, естественно, примечали это, и сходились во мнении, что примирился человек с судьбой. А куда деваться? Жить-то надо. Продавщица продуктового магазина Софья возникла было с догадкой, что Зарни с оленеводом уехала в свою тундру, с которым-то из двух. Сколько волка не корми... Но никто её слушать не стал, а даже и презрели болтушку. От таких мужей, как Яков, жёны не уходят.

Конечно, селяне сочувственно относились к Якову, но с расспросами не лезли, потому что уважали. Всё-таки больше половины народа обучил грамоте. И не только потому. Никто не помнил такого случая, чтобы учитель кого-то обидел. Незлобив был на удивление и со всеми вежлив, выслушает любого, иной раз и не скажет ничего, только покивает головой, а всё как-то в утешение получается. Никому не был чужим, вот главное.

Бабы уже виды строили о его дальнейшем семейном устройстве. Ну, как жить кумушкам без этих забот? Все дела бросят, обсуждают, на ком женить. Невесты в наличии имеются, ещё поживёт, детей народит. Время любую рану лечит — умно рассуждали бабы и согласно кивали головами.

Но откуда было знать людям, как далась Якову его беда, как ему одиноко стало. Не забыл он, как кинулся на лыжах вдогонку, да не осталось следа после снегопада, и чуть не сошёл с ума от отчаяния. Как кричал, как горлом пошла кровь, зачем кому-то знать?

Ни на минуту не забывал Яков Лукич ушедшую в неизвестность Зарни. И уже, видать, не будет иначе. Пристройкой, в которой так много жизни прошло с ней, не пользовался, на двери висел замок, а окна были занавешены. С того дня, как ушла Зарни, никто из селян туда не заглядывал, не приглашал хозяин. А сам Лукич каждый вечер перед сном заходил. Всё в этой горенке осталось так, как было при Зарни. Даже кружка забытая на столе так и стояла. Время от времени Лукич вытирал пыль, но не переставлял, не передвигал ничего, боясь нарушить застывший покой.

Посидит на скамье, да вернётся в старую избу. А там Эйко, там не так одиноко. В счастливую пору жизни Якову, признаться, бывало не до Эйко, но каждый вечер ставил он в подпечек белый хлеб, не забывал. Так что Эйко, большой привереда, едва ли особенно обижался. Ему ведь что важно? Ему главное, чтобы в доме был мир и лад. А в этом отношении огорчений быть не могло.

Теперь Эйко остался единственным существом, которому Яков доверял свои сокровенные повести из ушедшей жизни — как с Зарни переваливали Обь на лодчонке, как от грозы бежали, как ягоды собирали, какие разговоры вели под сопенью самовара... Эти истории были дороги Якову, потому что возникла перед внутренним оком живая Зарни.

Новое испытание

А тут новая беда приспела — пришли рабочие сносить дом. Сельское начальство давно предупреждало, что надо Якову Лукичу переселяться, что родовое жильё подлежит сносу. Да оно и верно было, справедливо, избу срубил прадед в свои молодые годы, так что послужила она роду много лет, под сто, пожалуй. Сколько ж можно?

Село за годы жизни Якова изменилось настолько, что от прежнего ничего не осталось. Улицы теперь покрыты бетонными плитами, по ним носятся машины, во множестве стоят кирпичные дома в три этажа, в которых всё погородскому.

Изба кособоко горбилась пришелицей из старины, последняя осталась из времён детства. И жить в ней стало опасно, матица настолько прогнила у северной стены, что того гляди сорвётся, и тогда потолок рухнет на голову.

Когда сносили избу с пристройкой, Яков крутился рядом, даже мешал рабочим, и те просили отойти подальше, но он не мог спокойно смотреть со стороны. Всё уговаривал:

— Полегче, ребята, полегче...

А мужики брёвна и доски отдирали и бросали, не догадываясь, кого могли зашибить. К вечеру осталась одна печь с трубой среди развала. Трактор с прицепом не пришёл, то ли поломался, то ли тракторист излишне выпил, потому рабочие оставили печку до завтра в покое. Когда все ушли, Яков буквально рухнул перед подпечком и спросил:

— Ты там, Эйко?

От такого разгрома, какой учинили рабочие, Эйко мог убежать, куда глаза глядят. Теперь найди его.

К новому жилью Яков, думалось, едва ли привыкнет. Заснуть и то мука. Закроет глаза и видит, как сносят дом. Откроет глаза — чужие его душе голые стены. И никак не мог притерпеться к звукам, которые окружали его ночью. Только и слышно было соседей за стеной: то дверью хлопнут, то воду спустят в туалете, то кашляют, то храпят...

А в старой избе не похоже всё было. Лежит Яков на широкой кровати, а вокруг него столько невидимой жизни! Сама изба, засыпая, старчески вздыхает, кто-то в углу шебаршит, кто-то по чердаку ходит, что-то в кладовке упало — кто там чего делает? — кто-то под печью... Нет, это не «кто-то». Это Эйко. Опять ругается, шипит. Опять Яков чем-то ему не угодил.

Вспомнил Эйко, и так чего-то обидно стало. Столько лет бок о бок жили, мог попрощаться хотя бы. Нашёл бы как. Что ему стоило сон нагнать, к примеру? Обнялись бы во сне, последние слова сказали бы... А то ж расстались, как чужие, как попутчики, один сошёл с поезда, а другой дальше поехал. Муторно было на душе, что так всё обернулось.

Всё ушло, всё куда-то подевалось. Ничего у Якова не осталось на этом свете, за что держаться может человек. Хоть бы во сне увидеть Зарни, и того не дано. Сбежал Эйко — предатель! — не нагонит сна.

Но вскоре сам же и устыдился своих слов. Во сне Эйко навестил друга. Приснился, чего никогда не было. Хмурый такой, недовольный. Что, мол, от меня хочешь? Я дальше порога не выхожу. Домовик я, домосед. Толку с меня! А тебе идти надо. «На край света?» — невесело усмехнулся Яков. А Эйко даже рассердился. «На край, говорит, если он есть. Иди, пока не найдёшь. Другой жизни у тебя нет».

И с этим пониманием Яков проснулся. И впрямь, думал он, другой жизни у него не получится. Без Зарни как жить и зачем?

Выпутавшись из-под одеяла, босой Яков прошёл по холодному полу и остановился перед окном. Огромным плоским полем увиделась река, а за тем пространством под лучами ещё не взошедшего солнца светились далёкие вершины — белки — Урала, похожие на сахарные головки купеческих времён. Эти вершины сверкали так ясно, так призывно, будто сияла сама вечность. И там, где-то там была Зарни, та женщина, которую Яков любил, как только может любить человеческое сердце.

Он знал свою Зарни, могла бы, не ушла, сумела бы, вернулась. И выходит, ему, Якову, надо искать её, потому что ждёт она его, ждёт.

Весной, как закончились школьные занятия, Яков предупредил Евдокию, что отбывает из села на время летних каникул. Тревожиться за него глупо, он охотник, в тайге не пропадёт. Через два часа всё село уже знало, что Яков куда-то собрался. В тот год осенью вернулся. И ещё четырежды уходил на лето и возвращался к началу занятий в школе. А на пятый год сентябрь наступил, школьные уроки начались, а учитель не воротился.

Легенда

Время шло без передышки под бой и тиканье часов на всей планете. Умы и сердца селян занимали новые события, на которые жизнь была щедра, рождались новые сплетни, бабы охали и ахали по новым поводам, всё старёе время стирало, но Зарни и Яков оставались в памяти, потому что не может человек успокоиться, пока не найдёт ответы на загадки.

Вышла из снегопада, в снегопад ушла. Кто она такая? Надумали бабы — из «дивьих» людей. Да сами себе и поверили. А какие нужны доказательства тому, если песню-то спела на непонятном языке, а всех в оторопь вела, во внутренний трепет? Отчего вдруг? Может, забытый говор предков эхом отозвался в душах? А донёсся он из тех заповедных времён, когда все женщины красотой были подобны Зарни, свары не знали и не старели.

Пришли к общему мнению женщины села — чудинкой была Зинка. Кем ещё?

А Яков? Смирный учитель, тихий, уступчивый, ни капли вреда от него. А на какое отчаяние пошёл? Гору стал искать, о которой дед рассказывал ему,

и нашёл, иначе вернулся бы. Опытный охотник, здоровый ещё мужик да что-бы пропал! И где? В тайге? Смех один. Такого не бывает в природе.

Всё дальше в прошлое уходили те дни, когда оставили село Зарни и Яков. Того времени дети стариками стали, старушками, и рассказывали, много вздыхая, насколько лучше было на свете при их молодости. А Зарни и Яков не только не забывались селянами, а вовсе наоборот — обростала подробностями история их бытья. Как говорится — чем дальше в лес... Оказывается, дело обстояло так. Злой колдун заклил на смерть женщину, Зинаиду, значит. А «дивьи люди» спасли её — своя, видимо, всё же! — поселили в своих пещерах, сияющих самоцветами и недоступных чарам колдуна.

С тех пор Зарни не могла выходить в солнечный мир, а Яков не знал, где та гора. Однако не смирился, а много лет искал. Нашел всё-таки. Сказал: «Гора, если есть у тебя душа, дай увидеться перед смертью». И гора разверзлась, а Яков увидел — Зарни ждёт его. И такая же она молодая и красивая, как была. В тех палатах каменных люди не знают смерти.

Но не только словесно обростала история Зарни и Якова, выявились очевидцы, которые клятвенно заверяли, что не однажды видели, как из густого снегопада выходили мужчина с женщиной, а с ними подросток. Но тут же снова скрывались в молочном мареве снегопада.

Так рождаются легенды и живут долго. Зачем-то ж нужны они людям, эти были-небыли. Почему-то ж вопреки благому разуму люди верят, что живы Зарни и Яков по сей день. И что молоды, верят.

Однако ведь и то вопрос — за что их помнить? Ведь ни великих деяний, ни чудес не совершили таёжная пришелица и учитель младших классов. Просто любили друг друга. Любили и всё!

А любовь — не чудо?

Знать, не хотят смертные, чтоб любовь умирала. Кому не хочется любить и чтоб его любили? Каждое человеческое сердце тоскует по любви, да такой, чтобы души обнялись. В том ведь и дело-то, в том. Любовь озаряет, распахивает подлинный мир в полноте всех его красот и радостей. Каждая берёзка становится сестрицей, каждый воробей — дружок. И того больше — пока есть любовь на земле, есть человек. А без любви кто он?

В погожие вечера далёкие белки Урала, высвеченные закатным солнцем, сияют как-то особенно, будто выглянули из другого, соседнего мира. И всегда кто-то из селян стоит на прибрежной круче в эти минуты. Далёкие горы так покойны и величавы, что душу смертного охватывает ощущение вечности.

2019 — 2020 гг.

Евгений ВАЛЕРИАН

*Евгений Валери-
анович Козлов*

(Евгений Валериан)

*чужис 1960 воын Емдін
районса Эжолты
деревнян. 1990 восянь
уджалö Коми пе-
чатъын («Войвыв
кодзув», «Чушканзі»).*
*Е. Козловлөн асибр
книгаяс: «Водзкыв
пыдди», «Узьтöм
войяс», «Кык книга»,
«Кык джын», «Коймöд
аттьö». Комиöдö
роч да финн-йöгра
поэтъясöс. 2012 восянь
Россияса гижысьсь ко-
тырын.*

Гортын арийöм

Кывбуръяс

* * *

Эм ен му вылас сэтшöм шуштöминъяс,
Көн ловъя ловкöд паныдасыны страк,
Пель чуналö, и зэлалöмны синъяс.
И вуджан сымда нюр да сымда яг.

Но мунöмтö друг асыкалас ордым,
Джöм сувтлан сэк да падъялыштан сутш,
Öд туйсö сийöс таялöма мортöн,
А вöрса лолыд мортлысь туй оз вудж.

И мöдарö — морт туялö да суö,
Нэм сылы овны астырöн оз сет,
Кöть муö пыр, кöть удитöдчы пуö,
Эм мортлөн быдтор, ловтö босьтны мед.

И дзебсясян да кок туйястö дзуган,
И кор да көнi сорассян, он тöд,
Но кытчöдз ловъя, ставкöд öтвыв юкан
И ёлысь ва, и вöрысь пув да чöд.

И вöр-ва горъяс биын көрт моз сылан,
Быд чирйöн йитчан енкöлакöд бөр.
И весиг, кызди турун петö, кылан,
Му тэчöм кадсянь торйöдан быд көр.

И шондi бөр, и шондi паныд мунан,
И рыгъя геб моз дöзмöдчылас лов.
...И йöз дорö бөр петан öти лунö,
Но воддза кодъыс некор нин он ло.

21.06.2020

Важкуаын

«Но вай эн нюжмась. Зільджыка сэн. Тэрмась!
 Пес чукөртышт да би коз улас öзт.
 Дыр кымрасьö нин, он и төдлы, зэрмас,
 Со Прөсьтладорын ставнас лои лöz».

Тадз ачым аскöд сёрнита и чуйма,
 Мый ачым аскöд сёрнита: «Но вот!»
 Эг төд кө, мый ме öтнам тан, көть чурмун,
 Дзик төдтöм быттö гөлөсöй: «Эн сот
 Став истöг тувсö, бөрти кежлö кольышт!»
 Но, мөдiс сэнi... Ломзьöдчаныс уль,
 Öд кымын лун нин коставлөмөн койис.
 Старайтча сiдзи — весиг петö дуль.
 Кор биыс öзiйö, ланьтöдча, ог лолышт,
 И тувсö сота, мыйта кутö ки,
 Но көстер горйын сöмын тшыныс лолö,
 Оз кутчысь улис рос чукөрö би.
 «А мый вылö нö черыд? Чагсö пешкыльт,
 Да со тай мырйыс... Абу на дзик сiсь».

Тадз ачым аслым тшöктала, и тешкодь,
 Мый ачым аслым тшöктала.
 – Эй, сизь!
 А тайö ог нин аслым. Тайö сылы.
 Со гөп мөдарö воис вöрса лов
 Да пуö пондiс тотшкöдчыны кылö.
 Но, сiдзкö, ог тай öтнам танi ов!
 Дерг, сизылы мый: друг зэрмас — пырас горсiйö.
 А меным лэбув корсь да бипур вöч,
 И то на төв кө лыбас, банад орсьяс
 Быд чалльöн, вөр-ва водзас мыжми стöч.
 – Эй, сизь! — тадз нöшта öтчид сiйöс кори,
 Но тотшкöдчыны дугдiс вöрса рöд,
 Тадз ми кост йитöд йитчывтöг и ори.
 Дерг, көнкö, мортлысь гөлөстö оз төд.
 Эз кывлы нэмнас. Кодi сиктад волö,
 Мед кывлiс, ставлы висьтавны оз мöд,
 А тайö аслас Важкуаын олö...
 «Но, мунiс кө и... Бiджыд тай и... Мед!»
 ...Ме коркö öтчид танi пöрысь сюзьлы
 Став олöм туйöс мойдлi. Вöли кад.
 А сэксянь дыр нин войколөн эг узьлы.

Вот сійö эськö вöлі меным рад,
Дерт, ловъя кö на менам пöрысь ёртöй,
Кöть шуöны, мый нэмыс налөн кузь.
Но талун бурджык веськöдчыны гортö,
Уль вольöс вылад он на ёна узь.
...Тадз ачым аскеж мöвпала и корся
Ме вочакыв... лов личöдны оз сет:
Збыль, тешкодь — аскöд сёрнита. А корсянь?
И мыйла? Оз мöй сёрнитысьыд шед?
И быттьö кийн нырагез пом разьсьö
Да серпас бöрся серпас воö сідз,
Мый ясыда том кадöс аддза ассым:
И мöс видзöм, и зорöдалöм видз,
И рытя бипур дорын лöнь гитара,
И сотöм бадьлысь аслыспöлöс көр.
...Кад воас — ветлам велöдчыны карö,
Но мыйöн прöстмам, сиктö лэбам бөр.
Ак, мыйта сэки кöсйим да мечтайтлим,
Кöть войбыд пукав, унмыд оз и лок.
Тадз лоö помтöг. Помтöг лоö, чайтлі.
А медся бурьыс — быдмис ичöt вок
И медся матыс ёртөн меным лои,
И кывзис, и кывзис. Веськыд ки!
Да, вöлі кö öд Ваня вокöй ловъя,
То быдтор йывсьыс сёрнитим на ми.
А öнi... Öнi, ва дорын кöть вöрын,
Пыр ачым аскöд сёрнита... Да ог.
Ог аскöд... (содтi мöвпалыштöм бöрын):
Öд мекöд пыр на орччөн Ваня вок.

09–12.05.2020

Гортын арийөм

экспромт

Ме таво дивө эг нин виччысь.
 Кысь сийө, гожөмбыд кө зэрис,
 И мудзөм вөр-ва горйын мичыс
 Эз коль, дзик ставнас лои сера.
 Ар колльөдны нин гортө лэччи;
 Эг ветлы тшакла ни эг вотчы.
 А шондї пуксьө, шондї чеччө —
 Чай юа дзирья өшинь водзын
 Да ышлолала...
 Вөлөсьт тыртөм,
 И орчча керкаысь суседй
 Пес коркө лун сьөмөснас пыртас,
 А сэсся некытчө оз петав.
 Дерт, виччысьө, кор зэрыс кобас...
 Збыль, весиг кадыс быттьө сувтлө,
 И сөмын школалөн автобус
 Нель часын гургас өшинь увтї.
 Да, гажтөм кад.
 Мөвп весиг воліс:
 «Но вот, дзик быттьө керка видзысь!»
 Тадз вежон сайө гортын олі
 И дивө некыдзи эг виччысь.
 ...Но век жө кобис өти лунө,
 И дышөс мырдөн-сорөн вені
 Да матыс кыддза раскө муні,
 Көть, мися, чинтасьышта сэнї.
 Лун-мөдөн чукөрмис нель чипас;
 Лов вылын кокньыдджык нин вөлі,
 А рытъядорыс меным чипсіс
 Кыдз гарйөн пөткөдчысь вй сьөла.
 Дерт, ланьтөдчи, мед оз жө повзы
 Да пышйы өтка ловья лолыд;
 И казялі, мый вөрыс ловзьө
 Да аслас ноксьөмгясөн олө.
 Кор усьө — весиг тайөс кыла.
 Лөнь! — гора кывьяс тан оз туйны.
 ...Друг видзөдласөс чөвтлі вывлань
 И, эсканныд-ө, збыльысь чуйми:
 Сїдз сөстөммөма енэж лөзыс,

Мый абу весиг өти кымөр,
И тайө лөз гөгөрыс өзйис
Кыз йывлөн корйыс — ук ты, кымын!
Сөдз зарни... Татшөм мичнас важөн
И баситлөмны вичко юръяс,
Мед дивуйтчасны мувыв гажөн
Да ловсө личөдасны бур йөз...
Тадз дыр-ө сулалі, эг вөрзъыв,
Но коркө шонді дзикөдз сайис,
И рөмыд лэччис Кырйыв вөрсянь
Да улис ру Кос нюрйысь вайис.
А сиктын өзйисны нин бияс,
Тадз кусіс дженьыд арся луныс.
Здук сулалі на рөмыд пиас,
Но сэссия пач ломтыны муні.
Пач ваймөдіг и водөм бөрын
Эг вермы лөньөдны ме лолөс:
Блин, аппаратыс вөлі сьөрын,
Дерт, унджык серпас босьтны коліс.
Но лысьтан өмөй сідз ног торкны,
Мый талун лои кыддза расын,
Өд ставыс ловзъылас на коркө,
Мый коли юрө югыд пасөн.
А аппаратнад ноксигкоста
Он аддзыв дивөыслысь шөрсө:
Пока тэ өти серпас босьтан,
Сы пөрийө кадыс сөйсь вөрзьө.
Эн пессы.
Чуймав.
Өти лун көть.
Эн чайт, мый таысь уна воштан.
Лэдз, медым кадыс ачыс шуньгө,
Эн водзсась.
Збыль, тэ сымда востан!
...Ак, кутшөм мича вөлі луныс,
Дзик быттьө уджйөз арыс мынгіс
Да кокни сьөлөмөн нин муніс.
А мөд асывнас другысь кынгіс.

17.11.2019

Вичко кыр йылын думъяс

Лунын вала ме ог петав.
 Луннад сэки лөсьыд, дерт:
 Гажмөм ловлы вөля сетан,
 Сингьян виж чачаа эрд.
 Мен жө любө рөмдандорсө
 Петны ывлаө да дыр
 Видзөдны, кыз кыа ворсө.
 Мичыс — гортад көть эн пыр!
 Видла сад йөрысь крыжовник,
 Жытник бокысь сэтөр тусь.
 Лөсьыд жө нин сиктад овны...
 Отпускөй кө вөлі кузь,
 Кыдзи дзолядырся гожөм,
 Эськө шог-печаль эг төд!
 ...Сусед петіс со, но оз жө
 Васө ведрасө лөд:
 Нөдзласьыштис аслас йөрын,
 Ветліс дзирьяланьыс сутш.
 Шойччө помечалөм бөрын,
 Ватө пыртөм абу удж.
 Төдса, пестө-ватө пыртөм —
 Сиктад тайө уджыс быртөм,
 Мөд ног — олөмыс и эм,
 Вөлі тадз и лоө нэм.

Ладнө, пемдыны нин мөдіс,
 Руалө со Пөтюв көдж.
 Сусед васө, кылө, лөдіс.
 Инө, босьтчыла жө тшөтш.
 ...Чепсө гарта гөгыль вылө —
 Косьмөм чөрсыс дзуртө-сьылө.
 Дзуртө? Ыджыд пө тай шог,
 Васө войтөдышт дай...
 Ог!
 Мед нө водзө дзуртө-сьылө,
 Шыыс рыгтя лөняс сылө,
 Кодкө кылас төдса гор,
 Могөн петас кильчө вылас:
 «Кывтыдпомө воис морт!»
 ...Бркыд ваа чепня дорысь

Медводз юышта — тадз пыр
Вёчла... юкмөсысь коть шорысь:
«Юктив пөттөдз да эн быр!»
Сэсся васё кисьга соддзё,
Кута небесаысь кодзув,
Аскеж нёда лөсьыд дум.
Кодзув ыстас вежа нюм.
...Та понда и рыгтя сёрөн
Петавла ме юкмөс дорё.
Збыль, дзык та понда. А тэн
Оз на эскыссы? Но, эн...

Васё пырта кильчө пытшкё,
Пета ывла ылө бөр.
Сэтшөм чөскыд луннас ытшкөм,
Нярмысь отавалөн көр!
Войлань лысваалё эжа;
Кыськё кылө чирскан гор;
Аксе пурысьё нин кежа,
Сэсся воас вичкодор.
Водзысь аддза карса бияс —
Посни молля сикөтш вөнъ.
Тадз со шевгёда ме кияс:
Гөгөр вөля! Гөгөр лөнъ!
Карлөн бияс Кола шөрас,
Веськыд киян Придаш гөра,
Шуйга киян От гөра.
Тайкё лэба ме... Ура!
Август! Кодзув киссян кадөй!
Зонмалігөн сымда вой
Быдтор думайтлывлім татөн,
Радейтчывлім... ой-ей-ей!
Эськё чукөртны бөр ставөс,
Кодъяс быдмылімөй сэк.
Разалім тай сюва-сява,
Кодкө-й абуөсь нин... Эк!
Ладнө, гортө сэсся муна,
Ставөн узьоны со тшук.
Шойччышта да аски луннас
Кырийыв ягө кайла здук.

02.02.2020

* * *

Шуда гожöмлөн медбөръя лун,
Тэ на ме дінысь дзикöдз эн мун,
Ме нин гажтöмтчыны тэысь понді.

Кырйив вөр сайö тэрмасьö шонді,
Пуяс костöдыс читкыртлö син
Сідз жö, кызди и төрыт, но меным
Сылөн нюмсерыс — майшасьöм венöм:
Аски ар... Сылы лöсялысь ин
Кусысь вөр-ваыс водзвыв нин дасьтис:
Пыран раскö — сэн гылалö кор;
Кылö сөдзджыка быд кутшöм гор.
Öти кодлыськö гөлөссö казьтис.
Чöвлы! Тайö со төдса мен зэв,
Быттьö шор сайын чуксасьысь йöла.

Регыд ыркнитис, лои зэв төла,
Сэсыя ньöжйöник мөдöдчис зэр.
Ставыс öтвылысь, быттьöкö гөсьтöс
Туйö колльöдны воисны: кад!
Кодкö медводдза кодзув нин öзтö,
Унзиль вуджөръяс тыртöны сад.

Сідзкö, тані ми торйöдчам. Мунöй,
Тіян быдöнлөн асланыд мог.
Шуда гожöмлөн медбөръя лунö
Кöть и гажтöм, но абу öд шог.
Аски чеччам и листыштам чöла,
Кызди вöчлам быд лун, календар.
Гашкö, ышловзям сыысь, мый вöлі,
Водзö пондам нин радейтны ар...

24–29.03.2020

Елена АФАНАСЬЕВА

Елена Евгеньевна Афанасьева чужис Удораын, Важгорт сиктын. Гижэ кывбуръяс, висътыяс. «Енкёлаӧ ыббэс», «Ву» — сылӧн кывбура асиӧр книгаяс. Челядьлы лоины козинӧн «Кутси», «Дуда Платъӧа» да «Дуда кимӧститчӧ» висътыяса небӧгыяс.

Куим висът

Важкуа*

Вӧлі юнь пом. Ме кыкысь кымын на сӧмын и волі тэкӧд Эжолӧ, но удитім нин чолӧмасьны Йив ты вискӧд, лэччывны Пӧтӧлӧ и вуджавны Ді вылӧ. Тэ меным петкӧдлін Ыджыд Из, Лӧмъя бужӧд, Вань йӧр шор, а тайӧ вежон помас кӧсйысин нуӧдлыны Важкуаӧ.

Кызди век, деревняӧдз воӧдчим автобусӧн. Петім Амбар весьтӧ, и бара Лапъя Пеля Тузь миянӧс виччысьӧ. Кысь сійӧ и тӧдӧ, мый талун пекничча, и ми воам рытъя автобусӧн? Арталӧ ли мый лунъяссӧ ыджыд юрас?..

Ужин бӧрын, кӧть и кымрасис, мӧдӧдчим. «Сэні вис йылас неыджыд гӧгрӧс ты эм, и сынпийан бура шедлӧны», — шуин тэ. Лэччам валань Асланым трӧпаті, а Лапъя Пеля Тузь ми бӧрся вӧтчӧ. Колӧ шуны, сійӧ пыр жӧ менӧ примитіс, и сэсся арбыд, пувла кӧть тшакла ветлывлім, век миянкӧд вӧлі: пувсӧ вом тырнас ме водзысь сёйыштас, сэсся кытчӧкӧ воштыяс — шыртӧ кыйны вӧлі радейтӧ. Дырджык кӧ оз лок, ме горза: «Тузьӧ, Тузьӧ!», но кысь босътан, гортӧ нин лэччӧма... А тайӧ ветлігас мыйлакӧ эз эновт, пыр ми дінын вӧлі. Либӧ кыліс, мый ылӧ мунам, да сы понда. Кор петім пыжӧн ты шӧрӧ, ёна и тӧвзысис, валья лои ва веркӧсыс да нӧшта на и миянлы паныдӧн. Тузь перво котӧртіс берег пӧлӧныс, а сэсся, видзӧдам да, миянлань уйны пондіс. Тэ горӧдлін на сылы, но эз кывзысь. Но мед уялыштӧ, мед.

Юр весьтасаным ӧшӧдчис пемыдлӧз букыш кымӧр, сэсся кутшӧмкӧ здукӧ кызди тай чар-

* Висътсӧ лӧсьӧдӧма эжовса легендаяс подув вьлын.

дыштис, косталом бõрын гымыштис. И некымын здук мысти югыд ньõв небеса джын пасьта кымõрсõ поткõдис кык пельõ, и прõстмõм коластгис дзенõбгис-луйис тыас — дзужмунли быдсõн ва веркõсыс, и сы бõрын — лолыштны эг удитõй — сэтшõма трачнитис юр весьтаным. Повзõмõйла ме ставнам ляпмунли. А тэ пыж нырсõ бергõдін веськыдыв и вынысь пондін сынны берегань, чеччим пыжсьыс да льõм пу улõ сувтм. О, кутшõма чардалис да гымалис! Матõ час джын тадзи буалис. Кок ув муным енэжыскõд õттшõтш некымынысь потли. А кор зэрмис, сәки нин сõмын муркõдчыштис. Сьлõмсянь кисьтис. Коркõ тай сәсся кобис жõ. Дерт, кõtасим, но гортлань эг бергõдчõй — меным тõдтõм Важкуаыс ёнджыка чуксалис. Бергõдм кõtасьõм пуклõсьяс и водзõ мõдм.

Ме некор на эг аддзыв татшõм висьяссõ. Тэ шуин: «Воим!» Ме весиг эг пыр гõгõрво, мый кõсийн шуны тайõн, а сәсся аддзи эжõр пõвстас больõдчысь вын — бур воськов пасьта сõмын и эм, но вõлõмкõ помтõм кузь. «Ваис кутшõм ляпкыд! А кыдзи нõ таті катны мõдам?» — юали тәнсьыд. Шуин: «Кыкысьны ковмас». Тэ вис пõлõныс сьõкыдпырысь кыскин пыжнымõс, а ме веретя бокшаõдыс восьлалі да унзиль дзоридзьяссõ садьмõдалі. А рытья шондыс видзõдис миянлы мышканым да сьлõмõн сьлис. Ме восьлалі тõдтõмас, но кадысь кадõ бергõдчывли то тэлань, то шондїланьыс, эн-õ кõtь эновтõй менõ. А Тузь котõртис водзын, сылы, колõкõ, тайõ баддя ковтысыс вõлі тõдса нин.

Недыр мысти петім гõгрõс ты дорõ. Вис мõдарас вõлі валья мыльк, сэтчõ и ректм оласнымõс. Тэ пестін бипур, мед ме косьтысьышти, да мед гажтõм эз босьт, ачыд катін водзõ — шуин, вõйталан бõtьяс. Тузьлы нõ мый, водис, гаровтчис да и узьõ. А ме сулалі берег дорас да видзõдї валаньыс. Мышкам вõлі кыддза-баддя дзу, но сылань весиг бергõдчывны полі. Колõ эськõ росла ветлыны, мед биас содгыны, но кокõ оз ну. Тадзи миян биным и чусмуні. Да нõшта на и тõвзысис — пондис лёкысь нюклявны ми гõгõр быдмысь пуяссõ; веж гыõн мунис тõв нырыс, и менõ быть эськõ нõбõдис аскõдыс. Мый верми водзсаси ськõд — кийõ ачыс кутчысис вõсни бадь роскõ.

Кутшõмкõ здукõ вир-яйõн кылі тõдтõм гор. Сәсся вõр йывгис мõдõдчис кывтны гыпкысь кõлесаа ыджыд руд паракод, а сы вылын мый сõмын эз и вõчсьы: и сьылісны и йõктисны, и бõрдисны и сералисны. Паракод сьõкыдпырысь пискõдчис водзõ. А ме пондї шуавны вом горулам став святõйислы кевмысян кывьяс. Уна-уна гõлõс кылі ме тайõ вõрзьõдõм сынõдсьыс. «Кутшõм татшõм местаõ тэ менõ вайõдін да колин? И мый тадзи повзьõдлõ?» — мõвпнам юаси тәнсьыд. Меным сәки кажитчис, мый руд кымõрыс кывтõ вывтї нин дыр, лов пырйõ став важ олõмсõ сõдзõдис, и кад гудырыс некыдзи оз помассы.

«Тõлыс вежсис, нинõм эз шед», — коркõ кылі жõ сәсся тәнсьыд гõлõстõ да кõрт пыж пыдõсõ пельсõн таркнитõм. «Мый нõ та дыра! Ме тані нымõн эг йõймы!» — лõгасьõмõс петкõдлõмõн уськõдчи тэлань. «Колõ мунны!» — кõдзыда шуин воча.

Кор воим нин асланым бергõ, ми Тузиккõд зэв õдйõ кайим гортõ, а тэ кольччин на кум дорад õшлыны бõtьяс. Вõлі югыд вой шõра вой. Тётя Анна да мамыд эз на узьны, виччысьõмаõсь миянõс. «Но-о, ен ськõдõн, рыбацьясным воисны!» — шуис мамыд. «Ті кõ тõдінныд, кõні ми вõлим! И мый сәні

карсис!» — порогсянь заводиті ме. «Но-о, ловйён кё мынінныд, и сійё бур», — лёня вомгорулас шуыштіс тётя Анна... Но ме кылі.

Асывнас, кор пуксим юны тшай, пансис Важкуаё тёрыгыя ветлёмным йылысь сёрни. Сэки вёлисти висьталі юр весьтёд лэбысь кымөр йывсьыс да мый сэнні быттьё сьылсны и йёктисны кодыяскё, а тэ шуин: «Местаыс сэтшём...» И мый водзё висьталін, аддзи кино моз: «...Кык морт коркё муномаёсь кыйсьыны. Воасны вөр керка дорас, да өтиыс пондас би места лёсьөдны, а мёдыслы тшөктас босьтны пёртыяссё да лэчывны вала. Но лэччас мортыд вис дорас, васё кыкнан пёртыяс гумовтас нин, и друг сы весьтё кытыськё руд кымөр воас да морт гөлөсөн шыасяс: «Висьтав Микол Ив гётырлы, мый верөсыс война вылын усьёма». Мортдыд повзяс, пёртыяссё кысьыс чөвтас да пышйён уськөдчас вөр керка дораныс. Воас, а ёртыс и юалё: «Кытчө нё пёртыястё колин?» — «А тэ мый, нинөм эн кывлы?» — «Эг, а мый нё лои?» — «Ваыдла лэччи, да кыськё руд кымөр воис. Сувтіс ме весьтё да морт гөлөсөн и шуис: висьтав пё Микол Ив гётырлы, мый верөсыс война вылын усьёма». Мёдыс шуё: «Эг аддзыв ни эг кывлы. Ноженэсе, а кысь нё ми сійёс Микол Ив гётырсё корсьыны мёдам?» И тайё здукас вөр керка өдзөсыс гурийыв воссяс, да сэтысь кагаа бабалён бөрдан гөлөс төв нырөн небесаас каас. Дядьёясыд зэв өдйё чукөртчасны да сійё жё лунас бөр лэччасны гортаныс. Тайёс Пантиль дед миянлы висьтавліс».

Менё юр вывсянь кок улөдз кынтыліс. Ставөн недыр кежлө чөв усьлім. А сэсся мамыд водзё нуөдіс: «Сэтчө өд, Важкуаас, катлөмаёсь найёс, коді ачыс асьсё помавлөма... Сэтшөмъяссё өд йёзкөд радэм эз дзеблыны».

Нөштаысь пузьөдім тшай. Чуткылім телевизор, но сэн нинөм интереснөйыс эз вөв, и бөр кусөдім. Сёрниыс быттьё нин помассьыліс, но тэ аслыд моз мөдін висьтавны: «Кольөм воё, тайё кадас, мыйкё тай луннас уджалім-а, рытнас лэччи ва вылө бөгтайтчыны. Төня бөрся төня Краснөй весьтөдз вои. Пемдыліс и бөр югдіс — ловзъысь вөрыс мөдіс син водзын пөртмасыны. Нөшта өти төня кыялі да сигарет өзті. Гөгөр сэтшөм лөнь, лөнь-лөнь, ни төвру оз вөрзъы, ни лэбач сьылөм оз кыв. Пукала и радла думөн: мича лов шеді, час нөшта йывлань ветла, и гортө. И друг... — тэ вөчин кост, а ми ставөн ланьтім, виччысям, мый водзё лои. Кодлөнкө люськаыс* уси, но ми вөлім сэтшөма зэлөдчөмаёсь ставөн, мый тайёс некод эз казяс. — ...И друг көнкө Педэг ді веретя вылын мөдіс шушлялөм кывны — быттьё кодкё туйё петөма, кокни вөрасөн восьлалө и шушлялө кыпыд руөн. Кывзысьышті мыйтакө. Юрын бергөдчис: веретяыс регыд помассяс, и сійё... Лыбөдчи пуклөс вылысь, горөді: «Эй!» Быттьё тшөкмунліс здук кежлө, и водзё шушлялө. Көнкө дзик нин матын. Öні петас вөрсьыс и ва вывтисысь веськыда ме вылө... «Эй! Коді тэ?» — сибдөм гөлөсөн горөді да заводиті пасьясьыны. Вис вомөдзыс воис, и шушлялөмыс помассис. Эз и петкөдчыв. Мыйтакө сулалышті на, виччыси, мый водзё лоё. Сэсся лөньбөді ачымөс, раз-мөдысь вөйтлі на бөтөс, но шедны дугдіс, и мөдөдчи гортө».

Ме юалі: «А гашкө, лэбач кутшөмкө вөлі?» — «Ме татысь став лэбачсё төда... Эз кё небесаысь лэччы!» — шуин тэ.

*Люська — уд. ичөт пань.

Тётя Анна лупа кодъ кыз стеклõа õчки пырыс ылõдчис õшиньõ, нинõм эз шу. Мамыд тшõtтш чõв олiс. А сәсся õдзõс сайын пондiс нявзыны Мур, и олõмыс выльысь вõрзис.

Пызан**

Кымынкõ лун сайын волi могон Косланõ да сикт шõрас вочаалi ассыым тõдсаõс: «Галя!» Важõн эг аддзысьлõй да дыр и голим. Корис рытнас пыравны ас дорас, тшай пõ юам.

— Аттьõ эськõ, да ог удит! — шуи. — Колõ уналаõ на ветлыны, аски автобу-сõн бõр гортõ муна.

— А ме... — висьталiс Галя, — кõсья жõ эськõ ветлыны Выльвидзõ, но быттõ кык думын ола.

— Мый нõ он ветлы? Õнi, кõнкõ, тiян сәни бур рыжыкыд петалис.

— Сiдз эськõ да. Рыжык пондаыс и кыскõ. Но гажтõмыс тай тогõдõ.

— Кыдзи нõ?

— Гожõм сьõмõснас воккõд ветлiм деревняаным, куш õтнаным вõлiм, сәсся лов абу матiгõгõрын. Зәв лõсьыд вõлi воккõд. Но сылõн отпускыс помасис, да водздзык мунiс, а ме кольчыли на. Куим лун олi сытõг. Кор на воим сәтчõ, вок шуис, вай пõ пызаннымõс уличас петкõдам, сәни и пондам завтрекайтны-ужнайтны. Сiдзи и вõчим. А кор вок пондiс чукõртчыны, шулi сылы, вай, мися, пызантõ бõр пыртам, а то õтнамлы сьõкыд лõõ. Миян õд сiйõ важъя ногаыс на, кыз кока-вевта, прадедõ сьõлõмсяныс карлõма. Оз пõ и ков пыртны, мед сулалõ. Аддзасныджык, мый танõсь ми, эг на мунõй некытчõ.

— Висьталiн, сиктас некод эз вõв да? — юалi Галялысь.

— Тадзи тай шуис-а. Ме сәсся юасьны эг жõ мõд. Ю вывтi ветлысь-мунысьыд тай век нин кодкõ эм.

Но вот, коли õтнам. Думыштлыны эг кужлы, мый татшõм гажтõм овлõ мортлы. Войнас узыны ог вермы: довьяла жырйысь жырйõ. Нёровтчыла эськõ, да син оз куньсы, сiдзи и лõõ бõр сувтны. Õти õшинь дорõ матыстчыла, мõд õшинь дорõ. Но õти войыс кызкõ тай коли жõ. Асьявысõ нин сõмын вошлi быттõ кытчõкõ да весиг вõt аддзылi: пызан шõрас ыджыд бекарын кутшõмкõ сәян. Паньштi чõскыд пидди, вом дорõ нин матыстi, а вõлõмкõ лягейлõн улимыс. Таысь и садьми.

** Гижõд подулас босьтõма Д. Екимовалысь, С. Дорониалысь казътылõмъяс. Сiдзжõ пыртõма Светлана Калининалõн «Õнiя кадся вуывьса быличкаяс» туялан уджысь быличка.

Мод войнас бара оз узьсы. Тювга-видзёда őшинь. Войыс югыд на, гөгөр тыдалө. И друг аддза: морт локтө, да веськыда мян керкалань — ыджыд тушаа, кузь плаша, капюшонсө лэптөма, чужөмыс оз прамөя тыдав. Повзьёмөйла сьолөм чеччыны пондїс, морөспань улөй курдїс. őшинь дорсьыс бөрвыв чепөсйи, ог и төд, кытчө воштысьны...

Дзирья дорөдз өд локтїс. Думаыта, вот өнї йөрө воськовтас, керкаө вөйысьны кутас. Но мый сөсся лои, восьтөм дзирьяас джөм сувтлїс да друг бөр уськөдчис аслас туй кузяыс.

— Мыйкө сйөс повзьөдїс?

— Чайта да, кильчө помысь пызансө аддзис... Лунсө кызкө олі на, но өд думнам век виччыся — друг да бара петкөдчас. Он өд төд, кодї — крещеннөй али некрещеннөй.

— Сїдз-сїдз, а кысь и төдан...

— Тьөтө менам коркө томнас на аддзылөма... сылысь висьталөмсө юрын кутї. Мөдї пө коркө ыджыд Чиркысь пони Чиркө мөгөн, а туйыс сәнї кладбище дортыс мунө. Аддза: меным воча морт локтө. Юалї, мися, кодї нө тэ да кытчө мунан? Но сйө нинөм эз шу. А синмас сылы веськыда видзөдлыны ог вермы — аслам синмөй синваөн тыри. Мөдысь на юалї пө, крещеннөй али некрещеннөй да кытчө мунан? Сөсся тьөтө синсө чөвтас увлань, а кок лапьясыс паныда мортыдлөн разнөйлаө видзөдөны — топ паньтов. Сэтшөма повзьөма тьөтө — пышйөн мөдөма гортлань. Котөртө, а сйөс тройкаа вөв ордьөдас, төв нырөн дїнтыс мунас. Воас сиктө да первой жө керкаас и пырас. Бөрынджык пони Чиркөдзыс вокыс пищальөн колльөдөма.

— Быдторсө тай висьтавлөны бур йөзыс.

— ...Ставыс тайө юрам пондїс воны, да коймөд войсө эг и водлы, кутшөм нин узьөм. őшинь видзөдчысьсө, мед көть аддза жө, кодкө пондас кө матыстчыны керка дорам. Пукала сїдзи, быттьө вугыртла весиг. И друг... őшиняс мыйкө кызди тай тачмунлї... и вир тусьяс визнитїсны стеклө кузяыс. Палялї весь: лэбач али мый нө лөбөдчис?

Асывнас петї ывлаө да őшинь увсьыс и аддзи: кутшөмкө төдтөм лэбач кулөма. Мед көть эськө абу жө лектор водзө тайө, думаыта. А пызан дорас матыстчи да аддза: гөрд тусь кытыр. Мый нө, мися, тайө? Быттьө вир точөдөма кытшөнног. Вөлөмкө, вөр гормөг ягөд — ставсө турун сї йылө пысалөма. Кутшөм мича... А мый вөчны, ог гөгөрво. Кодї тадзсө тешитчө? Сйө мортыслөн өд и дукыс эз вөв. Вот сәки сьолөмөй и песовтчылїс: вөтлө менө татысь кутшөмкө вын, овны оз сет.

Сїдзи и ковмис мунны. Вои Косланө да воклы ставсө висьталї. А сйө шуис: «Оз ков татшөмторьяссыд повны. То Ликей баб нэмсө висьтавлїс, керкаөй пө муги рөдыслөн туй вылын сулалө, да мукөддырйиыс сараям войбыд сьылөны-йөктөны. Чер пө вөлі пукта порог дорө да шуа: «Со тїянлы! Төда өд, көрттө некод вуджны оз вермы», — сөсся мыйтакө чөв олөм бөрын вокө сөдтїс: — Но кодї пысавлїс вөр гормөг сикөтшө... та серти шуны нинөм ог куж».

— А пызаныс нө? — друг юавсис менам.

— Ёвла вылас и коли сулавны...

Галякөд та вылын и торйөдчим. Аскинас мөдөдчи гортө, а менам төдсаёй автобус дорө эз и лок. Сидзкө, думыс вежсис. Сылөн рыжыкъясыс воттөт и гагсяласны.

Пөим рөма сюзь***

*Нэм кежлө радейтана нывъёртъяслы:
Танялы, Танялы, Любалы, Леналы.*

Нывкалы вөлі тырмымөн керка саяныс коркө артмылөм ичөтик мьльк-тор — пуксяс сы вылө да пыр жө вөйтчө мөвпъясас. И некоді сэки сійөс оз аддзы, вир-яйнас татөн, а став ловтырнас көнкө мөдлаын, гөгөрвотөм кельылдөз ылнаас.

А нөшта нывка олөмын вөлі радейтана Пу. Сулаліс сійө ю дорын, сикт-сяныс верст кык сайын. Дерт, быд лун сы дорө он котөртлы, но өти классын велөдчыс нывъяскөд тулыс-арсө тшөкыда ветлывлісны. Тайө вөлі налөн Чом-йын гөститөм. Сэки нывкаяслы кажитчис: Пуыс сэтшөм ыджыд, мый сылөн вожъясыс шымыртөны ставнас енкөласө. Нывкаяс кавшасьлісны сой кыза вожъяс кузяыс вылөдз-вылөдз, нач нин кымөръяс весьтөдзыс, да сылысы анделъяс моз видзөдалісны югыдвөжөн ыпнитөм вөрсө, уна-уна вабергачөн ворсөдчыс юсө, сы вомөн кодөнкө нюжөдлөм важиник поссө. Нывкаяслы тані некор эз вөв гажтөм: пөттөдзныс мечтайтлісны, юксьылісны гусяторъясөн. А нөшта... Чом дорас волігъясө налөн быдөнлөн вөлі выль ним. Таняөс ас костаныс шуисны Пеппиөн (Пеппи Длинныйчулокөс спектакльын ворсіс да), мөд Таняөс шуисны Чөтласөн (синмыс чөтлас рөма да), Любаөс — Туриөн (вөсни кузь кокъяс пондаыс), Ленаөс — Бутлякөн (ов пондаыс), а мөд Ленаөс — Африкаөн (Африкан прадед сертиыс). Сэки налы вөлі кажитчө: некор нинөм оз вежсы, и нэмсө лоө тадз — сёрнитчөм лунъясө пондасны котравны Чомикө да юксьыны выльторъясөн, кодъясөс сьөкыд кутны ичөтик сьөлөманыс.

Но өти лунө... Чөтлас сөйис кисө горсйө. Мыйла, и ачыс эз төд. Кодкө быттьө тшөктіс. И судзөдіс сэтгыс куснялөм кабалатор:

— Нывъяс, видзөдлөй, мый нө тайө? — Чөтлас пондіс разыны кабалаторсө, а нывъяс сувтисны сы гөгөр да виччысисны. Пелькиник шыпасьясөн сэтчө вөлі гижөма кывбур. Төдчис, мый киподыс зонлөн.

— Поэт кодкө вөлөма... — шуис Чөтлас да мыччис Африкалы: — На, лыд-ды, тэнад лөсыда артмө.

*** *Кывбуръясыс висътас Жора Пилигримовлөн.*

Ме записка тэн эг ыстыв,
Ог куж шутитны ме торъя,
Но тэ меным быттьо пыста,
Коді воліс өшинь дорё.
Воліс, чивкнитіс и лэбис.
Всё! А мыйкё лои мекөд.
Тайё стихсё ставысь дзеба,
Мед оз аддзыв сійөс некод.

Сөмын тэ...

Та вылын кабалаторйыс помассис. И мышкас нинөм эз вөв гижөма.
— Интереснө, а мый эськө водзөсө вөлі? — быттьо садьмис, юалис Бутляк.
— И коді миян школаын Есениныс? — пөлөса нюмъевтіс Тури.
— Ме тай эг кывлы-а, — шуис Пеппи, кодлөн мамыс велөдіс литература.
— А ме... дворё кайигөн коркө аддзылі, кызди татчань вөлі мунөны ныла-зонма, — вомтырөн висьталіс Бутляк. Но Пеппи кызкө верстьо моз кывкөрталіс:

— Код тодас коді, но ме чайта, мый колө бөр пуктыны запискасө!

— Огө! Ме босьта аслым! — чорыда шуис Африка да суйыштис кабалаторсө зептас. Нывкаяс шөйөвошлісны, некызди эз виччысьны татшөмторсө, но мырддыны Африка кийсь кабалаторсө эз пондыны. Сөмын Пеппи усьөм гөлөсөн шуис:

— Тэ өні кодлыськө шудсө торкны верман...

— А сійө шудыс кө менам? — ярскөба вочавидзис Африка, сөсся мыйлакө видзөдліс вывлань да горөдчис: — Видзөдө, видзөдө, то сәні сюзь!

— Ме тай ог аддзы-а, — юрсө лэптывтөг шуис Тури.

— И ме ог!

— И ме!

— А ме аддза! — пыксис Африка. — То сійө!

Тайө здукас Тури кыпыда чукөстис:

— Нывъяс! А вайө мөдлапөлө вуджалам!

И найө лювгисны важ послань.

Кутшөмкө лунө Африка локтис чом дорө өтнасөн. Вөлі усьөма медводдзалам. Кор көсйис видлыны пу горсө, пемыдсьыс сылы паныд рывкнитисны кык ыджыд син. «Да тайө жө эсийө сюзьыс, кодөс тай аддзылі». Нывка чурмунлөмөн сетчыштис бөрвыв. «Тэ тәні... олан?» — быттьо важ төдсалысь юалис сійө. И тайө здукас тешкодь мөвп визьнитис юрас: «А друг сійө зонкаыс, коді гижөма кывбура запискасө, сюзьөн татчө воывлө?» — и аслыс жө лои деливө татшөм думъясьыс, да кокныда серөктис.

Коли некымын во. Нывъяс помалісны школа да разалісны коді кытчө. Сиктө кольчис өтнас Тури. Кутшөмкө тулысө Африка воис карысь. Өти рытө петис сиктө пальөдчыны и вочаасис Турикөд. Юасис став йылысь, казгыштисны и ассыныы Пусө:

— Кежавлан он Чомиканым?

— Кольём во гожёмнас өмидз вотигөн волі сэтчөдз. Мыйкө быттьө весиг вөрзыліс ме пытшкын, казгышти ставныдтө тьянөс, — коса нюммуниэ Тури.

Өти асылө нывлөн өшинь дорө воис гөсьт — пөим рөма сюзь. «Тэ нө ловъя на? — чуймис Африка. — Кутшөм дыр тэнө эг аддзыв. Кыдзи сэни мяян Пуным олө?»

Сюзь син лапнитлытөг дыр видзөдіс өшинь пыр кытчөкө керка пыдіө. «Коран менө ветлыны Пу дорө?» — вежөртис ныв, сэсса зэв өдйө вежис паськөмсө да петис керкасыс. Туйыс вөлі төдса и сэк жө төдтөм: ставыс быттьө сідзи, кыдзи и коркө, но мыйкө век жө вежсьөма. Кор матыстчис Пу дорас, шогпырысь ышловзис: кутшөма ляпкалөма! А коркө налы чайтсьыліс, быттьө енэжөдзис вөлі. Матыстчис, сывъяліс да тапкөдыштіс сарөг мышкас, сэсса видзөдліс горсьяс. Сюзь сэни эз вөв. Гурйыштіс пемыдсө, и ки улас мыйкө шеді. Сьөлөмыс өвкнитис: тайө вөлі записка. Төдчис, мый кольөлөмаөсь важөн нин. Видзчысьөмөн разис да нуөдіс син пыр быгалөм шыпасьяса гижөдсө:

Гажа выпускнөйсянь коли вежон.
 Быдса вежон! эг нин аддзыв тэнө.
 Нюжалөны луньяс черань везөн,
 Көка часі чотікталө стенин.
 Коркө ме и думайтны эг вермыв,
 Мый вот тадзи гажтөмтчыны позьө.
 Быдса вежон! Ог и төд, мый керны.
 Кыдзи тэтөг овны понда водзө?

Нывлөн вошліс кок ув муыс. Сьөлөмыс ытва моз тулі, а сэсса бөр не-уна лаймаліс: «Кымын во нин коли выпускнөйсяньным... Кодөс бара тайө письмөыс та дыра виччысьө? И коді гижысьыс?»

Африка вошөм морт моз лэччис юлань, мед личөдыштны зэлапөм ловсө. Но кыдзи лөнөдан сійөс, мый вежөртө өзтіс нин? Гортас воөм бөрын кутшөм уджө эз кутчысьлы, ставсө вөчис вөтын моз, а думнас бергөдліс гуся письмөясөн йитөм кык мортсө. И быд пөрийө воліс өти мөвпө... Корсис шкап йөртөдысь кабала лист, шөриаліс сійөс да гижис кык кыв: «Ме волі». Водөм бөрас дыр на падъяліс, нуны али не. Но водз асылыс лои сэтшөм шондіа да ясыд. Ныв тэрыба пасьтасис и мөдөдчис. Сарай вуджигөн пемыдсьыс кыліс шпоркнитөм шы. «Коді тан?» — стрөга юаліс Африка. И тайө здукас сарай матіч увті сылань веськыда лэбис сюзь.

— Кы-ысь! Пег татысь, пег! — и кияснас өласьөмөн ныв вөтліс кортөм гөсьтөс нагибөс вөсьса сарай ыбөслань. Сэсса пөдлаліс кильчө өдзөссө да тэрыб вөськовьясөн мөдөдчис Пу дорө.

Кутшөмкө асылө Африка вөтөн ли вемөсөн кыліс букөстөм. Ныв пуксис крөвать дорышас да садьмытөм на вежөрын думайтіс, эз-ө тайө бара сьлөн

сюзъыс волы. И мөдөдчис Пу дорө. Кутшөм лөнь вөлі тәні. Сөмын берегдор бадьясын сёлөдчысь юыс и шыаліс. Ныв матыстчис Пу дорө да медводз сывъяліс сійөс. «Корин менө? То и локті. Мый нө көсийн юөртны? Эз-ө вочавидз?!» — и Африкалөн кийс ачыс пырис төдса нин горсьяс...

Сэтшөм кокниа талунөдз олі,
Луннас удж вылө, рытнас гортө.
Весиг дум меным юрө эз волы,
Мый ме радейтлі век өти мортөс.

Эськө, олі и олі бы тадзи,
Сөмын... пуккыльтчыліс топ луныс,
Кор ме виччысьтөг талун аддзи,
Миян сикт кузя кызди мунін.

Кокни платтьөа, лэбысь походка.
Мыйкө вөрзъыліс мейн бара,
Сөмын вөлін тэ... ог төд, кодкөд.
Гөгөрвоа, ме абу тән пара.

Сьөлөм топавліс. Гортө кор вои,
Вөлі окота кавшасьны стенө.
Сэтшөм ясыда гөгөрвои,
Мый ме радейта сөмын тәнө.

«И коді менө вермис аддзывны?» — гортас нин, кор воыштис ас саяс, пондіс мөвпавны Африка. Сійө эз төд, кызди водзө кутны асьсө. Кутшөмкө визулөн өні быттьө нуис сійөс кытчөкө, и водзсасьны некутшөм вын эз вөв. Думнас эз көсий төдны — коді сійө мортис, и лоө ли оз ськөд аддзысьлөм. Но лолыс чепсасис, керкаас эз төр. Мыйтакө тадзи вермасис на аскөдыс, а сәсса пуксис да гижис вочакыв: «Ме регыд бөр муна карө. Ей богу, ог төд, коді тэ. И оз-ө ло бурджык, некор кө ог төдмав. Но кывбурьястө нуа аскөд». Рытъявылыс ветліс Пу дорө.

Кык лун мысти бара мөдөдчис. Медбөръяысь. Аски асыв колө вөлі петны туйө. Мир туйсө прөйдитөм бөрын воис векньыд ордым вылө кежанінө да сувтыштліс: быттьө мыйкө ли кодкө кутис водзө мунөмысь. Падьялыштис, но смелмөдчис да воськовтис водзө, пырис баддяинө. Пожөм дорас воөмөн тшөтш көсийс видлыны горссө. И тайө здукас кок ув муыс пондіс буждыны, Пуыс ылыстчис сыысь да упмунлі туөм юас, а ныв кисө водзлань чургөдөмөн сідзи и коли сулавны бужгөдөм береглөн дорыш вылө. «Мыйла нө тадзи?.. мыйла?..» — курыда мөвпыштис весьөпөрөм Африка.

Тайө здукас кыськө быттьө ва пьдөссьыс кыпөдчис сюзь да мөдіс лэбны веськыда нывлань. А сійө сулаліс и турун идз моз тіраліс став вир-яйнас. Лолыс кытөнкө пыдын-пыдын, ставнас көмөкасьсөма. Сәні, кытчө

лун-мөд сайын на овмөдчыліс тулысыс кодъ жö югыд да ытва моз ыльк-нитлөм радейтөм.

Тайö лунсянныс коли комын сайö во. Африка кадыс кадö воливліс гортас. Но дзольдырся ворсанінас некор нин сэсся эз ветлы. А тöндзия волігас пыраліс аслас вöвлөм велöдыс дорö. Быдтор сёрнитісны, казгыштісны и велöдчан вояссö. Кутшöмкө здукö Валентина Николаевна пондіс висьтавны аслас ученик йылысь:

— Тэ, көнкö, он и тöд, а тјан классыс öти зон кывбуръяс öд гижлöма. Неважөн меным вайисны со тайöс.

И мыччис Африкалы тетрадь. Турунвиж кышöд вылас вöлі пасйöма зонкалысь нимсö.

— Жора?.. — аслыс моз шöпкөдіс Африка. Сэсся бергöдчис велöдысьланьыс: — А сійö öні... кодарын?

— Пöгибнитöма öд... Кык во сайын!

— Пöгиб... Нинöм эг кывлы.

Велöдыс муніс занавес сайö тшай öшны, сы коста Африка топалöм лолөн восьтіс тетрадьсö да пондіс лыддыны:

Орчча сиктъясын тэкöд ми быдмим,
 Öні велöдчам öти классын.
 Вобыд аддзыла тэнö быд лун,
 Мыйкö лои друг мекöдö асы.
 Тайöс казялі кольöм во гожöм:
 Ставкөд важ моз ме шмонита-голя,
 Тэнö аддза, и кывворöй вошö,
 Йöй моз сулавны туй шөрö коля.
 Тэ жö нывъяскöд котралан-ворсан,
 А ме маитча быд перемена.
 Дзеба тайнаöс пыдöджык горсйö.
 Коркö аддзан кө, тöд, тайö тэныд.

«Тайö ме йылысь. Ме йылысь. А ме... Весиг мөвпыштлыны эг куж, мый Жора... радейтö менö! Нöшта на и кывбуръяс гижö. Да, а корсянь тайö ставыс заводитчис? Энлы, кор тай классөн ветлім походасьны Пу дорас... Көнкö, сэки и приметіс горссö. А кытшын ворсігөн мачсö вежджык меным сетльвліс. И быд пöрйö нюмёвтліс. Вот, сідзкö, мыйла», — таdzi Африкалы пондіс воавны серпас вылö серпас, быд виль кывбур содгыліс коркö öзтылөм биыслысь öдсö. Африка вунöдчөмөн лыддис и лыддис, и став томдыр кадыс исковтіс сълөн син водзті.

Кор тупкис тетрадьсö, мышладорсьыс аддзис ручкаөн вöчөм серпас — пöйм рöма сюзь пукалö налөн Пу вылын.

«Но кызди нö таdzi вермас лоны, кызди? Кымын во мысти сүөдіс! И сюзьыс тани! А көні нö менам нывъясöй? Кодлыкö öд тайöс висьтавны колö...»

Но нывъяс некызди эз чукөрмывны öтлаö. А кольöм воö олөмсьыс муніс Тури. Жора бөрся регыд и лои тайö.

Уральские ЭТЮДЫ

Живописная Россия: Уральскій хребетъ *

Отрывок

*«Ой ты нашъ хмурый, скалистый Уралъ!
Ты-ль не далеко на сѣверъ взбѣжалъ?
Тамъ въ Татарвѣ, изъ степей вырастая,
Тянешься къ острымъ горамъ Таганая,
До Благодати горы, до Высокой,
Дальше, все дальше, къ пустынь глубокой,
Росляя горы въ холмы обращаешь,
Плоскими тундрами къ морю сползаешь,
И разбѣгаешься въ краѣ пустомъ,
Спящемъ во тьмѣ шестимѣсячнымъ сном...
Слѣва Европа, — а справа Сибирь...
Какъ не прикинешь — великая ширь!»*

А рубежъ Европы и Азіи, среди однообразно унылыхъ равнинъ російской и западно-сибирской, возсталъ съ дальняго сѣвера каменистый кряжъ горъ и раскинулся, пройдя широкую и раздольную Русь-матушку до полуденныхъ странъ. Этотъ земной поясъ, какъ его иногда величаютъ, извѣстный въ глубокой еще древности подъ именемъ Рифей, служившихъ воротами для многочисленныхъ полчищъ двигавшихся въ Европу народовъ, несетъ названіе Уральскихъ горъ и служитъ естественной границей между двумя частями свѣта. Не мощна ширина хребта, за то взялъ онъ своею длиною; обнаживъ на крайнемъ сѣверѣ, среди мертвенной пониженной тундры, свои величественно-мрачныя, непривѣтливныя скалы, онъ подставилъ ихъ подъ тщетные удары вѣчно-плещущихся хладныхъ волнъ Ледовитаго океана, а на дальнемъ полуднѣ

* Главы из книги «Живописная Россия. Отчество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральскій край. 1901. 311 с.

Ураль закончился менѣ грозной возвышенностью Усть-Уртъ, которая одиноко стоитъ среди песчаной пустыни и молчаливо вслушивается въ отдаленный плескъ водъ Каспія и Арала.

Названіе «земной поясъ», придаваемое Уралу, не можетъ считаться безусловно вѣрнымъ географической точки зрѣнія, такъ какъ эта горная цѣпь не лежитъ дѣйствительно сплошнымъ поясомъ, а раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ, разорванныхъ то глубокими долинами и ущельями, то морскими проливами, хотя почти всюду и сохраняетъ единство протяженія.

Несравненно больше однообразія представляетъ онъ въ геологическомъ отношеніи, такъ какъ весь кряжъ состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же кристаллическихъ породъ, прикрытыхъ однородными послѣдующими образованиями, составляя лишь рѣзкій контрастъ съ разстилающимися по обѣ его стороны равнинами. Слово «Ураль», повидимому, происходитъ отъ остяцкаго названія «Уррь», что означаетъ группу или рядъ горъ. Вообще, нельзя не замѣтить, что инородцы этого края, особливо остяки и вогулы, теперешніе жители сѣвера, имѣютъ свою довольно хорошо выработанную терминологию для обозначенія горъ, что указываетъ на давность ихъ обитанія здѣсь. Такъ, напримѣръ, тумпъ — большая гора, отдѣльно стоящая отъ общаго горнаго

Видъ съ горы Качканаръ.

кряжа; нерьъ или неръ — гора, которой вершина или скаты покрыты пиками и утесами; чахль — остроконечная вершина горы.

Ураль — это самое большое меридианное поднятие, представляемое рельефомъ Азии — совершенно отдѣльная и почти непрерывная система горъ, на протяженіи болѣе 700 миль (около 30°), если за оконечность принимать собственно не берега Ледовитаго моря, а острова Вайгачъ и Новую Землю, съ другой же стороны южнымъ окончаніемъ считать Трухменскій перешеекъ, раздѣляющій Аральское и Каспійское моря. Собственно меридианною цѣпью хребетъ является только въ самой срединѣ, между 56 и 62 градусами широты, въ такъ-называемомъ «рудномъ Уралѣ»; къ сѣверу же и къ югу отъ этихъ предѣловъ онъ начинается подраздѣляться и давать отъ себя огромныя вѣтви. Проходя значительное число градусовъ широты, Ураль очевидно несетъ разные климатическіе пояса, которые въ свою очередь кладутъ извѣстный отпечатокъ какъ на растительный и животный міръ, такъ и на обитателя — человѣка; мощною длиною хребта, его континентальнымъ положеніемъ обуславливается то разнообразіе картинъ природы, какое мы здѣсь находимъ. Чтобы хотя въ общихъ чертахъ ознакомиться съ природою Урала, посѣтимъ послѣдовательно сѣверный, средній и южный — это именно тѣ отдѣлы, на которые принято дѣлить хребетъ, — побываемъ въ его альпійской области, которую несутъ какъ грозныя, неприступныя сопки сѣвера, такъ и мягкіе, живописные и величественные шиханы юга, посѣтимъ также озера и раздольныя степи, окаймляющія южныя предгорья хребта. Наиболѣе рѣзкій контрастъ между собою, конечно, представляютъ сѣверъ и югъ.

Возвышенности Урала вообще пологи и большею частью имѣютъ видъ высокихъ холмовъ, безъ тѣхъ рѣзкихъ очертаній утесовъ и скалъ, которыя составляютъ принадлежность настоящихъ горъ, каковы Альпы или Кавказъ. Съ высоты птичьяго полета Ураль, такъ сказать, имѣетъ видъ большого моря съ застывшими волнами. По тому понятно, почему съ перваго взгляда Уральскія горы не имѣютъ въ себѣ ничего поражающаго и величественнаго; особенно невыгодное мнѣніе получаетъ объ нихъ путешественникъ на перевалѣ черезъ Екатеринбургскій Ураль, имѣющій наименьшую вышину; съ недоумѣніемъ останавливается онъ предъ каменнымъ столбомъ съ надписью «Европа — Азія» и разочаровывается въ ожиданіяхъ своихъ увидать здѣсь что-нибудь, рѣзко отличающееся отъ родныхъ холмовъ Средней Россіи. Только на сѣверѣ, начиная съ Богословска, Ураль дѣйствительно представляетъ величественное зрѣлище, и далѣе къ сѣверу, къ Ледовитому океану, становится все скалистѣе, почему большая часть горъ называется не горами, а камнями, напримѣръ, Конжаковскій камень, Денежкинъ камень и т. д. Къ югу отъ Екатеринбурга, горы тоже постепенно повышаются, но нигдѣ, даже въ Златоустовской дачѣ, не получаютъ рѣзкихъ, характерныхъ очертаній; вершины горъ и холмовъ только изрѣдка бываютъ исключительно заняты большими камнями, и такія груды обыкновенно извѣстны подъ названіемъ каменнымъ палатокъ или чортовыхъ городищъ.

Среди безбрежнаго океана льдовъ покоятся послѣднія звенья Уральского хребта: таковы оторванные проливами, они представляютъ собою острова,

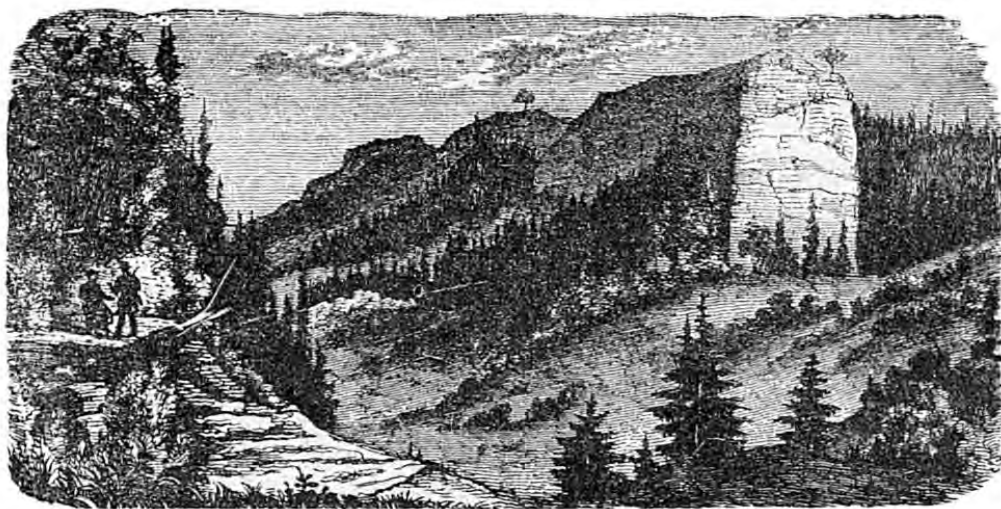
съ высотами до 4,000 футовъ, которые удерживаютъ направлени берегового кряжа Урала, Пай-Хой.

Область сѣвернаго Урала, съ почти самостоятельными хребтами Пай-Хой и Тиманскимъ, омываемая на сѣверѣ водами Ледовитаго моря, на югѣ ограничивается тѣми вершинами горъ, на которыхъ получаетъ начало многоводная Печора, изливающаяся въ океанъ, и откуда вытекаютъ на другой склонъ большіе притоки Оби. На необъятную ширь раскинулась молчаливая и вѣчно-унылая тундра, утопающая на сѣверѣ въ волнахъ негостепріимнаго моря, съ другой же стороны окаймленная вѣчно зеленой тайгой. Лишь суровый Пай-Хой, врѣзавшись въ самый океанъ, нарушилъ обычный пониженный характеръ тундры и уныло и непривѣтливо озирается вокругъ на бездольныя низины. Все живое бѣжить изъ этого ледяного царства, даже жесткій камень, закованный словно булатъ, и тотъ разсыпается въ дресву и при помощи свирѣпыхъ вѣтровъ стелется пескомъ. Ягиль да кукушкинъ ленъ — почти единственные представители растительнаго царства, развѣ гдѣ изрѣдка еще, нѣсколько южнѣе, на берегу рѣки увидишь тощій ивнякъ, приземистый ерникъ да березу.

Съ окончаніемъ Урала, какъ-бы взамѣнъ его, подъ тою-же широтою, или нѣсколько южнѣе, съ западной стороны хребта, отдѣленная мшистой тундрой, является длинная вѣтвь, прямо направляющаяся къ Югорскому заливу и острову Вайгачу. Вѣтвь эта, подобно Тиманскимъ горамъ, не была извѣстна до самаго послѣдняго времени, до 1853–56 годовъ, и описана уральскою экспедиціею, снаряженною Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, подъ названіемъ берегового хребта Пай-Хой.

Пай-Хой, въ буквальномъ переводѣ этого самоѣдскаго имени, означаетъ «Каменный хребетъ», начинается отъ Иоденея и повидимому протягивается въ соединеніи съ нимъ къ западо-сѣверо-западу. Весь хребетъ вообще не высокъ, только нѣкоторыя вершины превышаютъ немногимъ тысячу футовъ, но на немъ видно много снѣжныхъ пятенъ. Издали хребетъ этотъ кажется съ ровныхъ окрестностей довольно высокими горами, но чѣмъ ближе подѣзжаешь къ нему, тѣмъ больше исчезаетъ его горообразный видъ. Къ сѣверу открывается широкой лиманъ Кары и море, прикрытое туманомъ. «Самостоятельность хребта Пай-Хой и его особенное названіе», пишетъ г. Гофманъ, «оправдываются его направлениемъ и внѣшнею формою горъ, хотя онъ и не отличается геологическимъ строениемъ отъ Урала, къ которому онъ находится въ такомъ-же отношеніи, какъ и Тиманскія горы. Укажемъ на то различіе между обѣими горными цѣпями, которое бросается въ глаза съ перваго взгляда. Ураль въ своемъ сѣверномъ направленіи простирается прямо съ юга на сѣверъ и образуетъ непрерывную каменную стѣну, крутая, обнаженная скалы которой сходятся на вершинѣ въ зубчатый, мѣстами разорванный хребетъ, возвышающійся тысячи на двѣ футовъ надъ прилежающею тундрою. Въ ущельяхъ и въ мѣстахъ, заслоненныхъ отъ солнца, лежатъ на немъ еще и въ августѣ толстые слои снѣга. Напротивъ, Пай-Хой состоитъ изъ отдѣльныхъ горъ и горныхъ цѣпей, отдѣленныхъ одна отъ другой болотистою тундрою. Продольныя оси ихъ имѣютъ разнообразныя

Могильный камень въ Уральскихъ горахъ (рис. съ нат. Людвигомъ)

направленія, которыя, однакожь, всё вмѣстѣ образуютъ одну систему горъ, простирающихся съ юго-востока на сѣверо-западъ. Горы здѣсь округлены, имѣютъ не крутые спуски, поросли травою и мхомъ, изъ-подъ которыхъ только мѣстами поднимаются каменныя стѣны. Обѣ высшія горы въ цѣпи Паидая и Вазаемъ-Пай не возвышаются даже на тысячу футовъ надъ сосѣднею тундрою. Къ Югорскому проливу горы дѣлаются все ниже и ниже, наконецъ, послѣднія скалы, которыя падаютъ въ него крутыми стѣнами, едва-ли имѣютъ и по сто футовъ высоты. Снѣгъ въ августѣ только изрѣдка попадаетъ на горахъ этой цѣпи.

Не доходя до Ледовитаго моря верстѣ сорока, центральный Уральскій хребетъ совершенно оканчивается на тундрѣ кряжемъ Минисей, состоящимъ изъ трехъ значительныхъ горъ: Арка-Пай, собственно Минисей, и третьей, самой сѣверной, подъ $68^{\circ}29'$ сѣверной широты, $83^{\circ}57'$ — долготы отъ перваго меридіана, Константинова камня. На этомъ послѣднемъ звенѣ обширнаго хребта, въ 1848 году, была блестяще закончена плодотворная Уральская экспедиція, имѣвшая главною своею задачею — опредѣлить протяженіе Уральского хребта, и эта раньше безыменная гора, стоящая сторожевой пограничной твердыней двухъ частей свѣта, получила названіе въ честь тогдашняго Президента Русскаго Географическаго Общества в. к. Константина Николаевича. Гора эта хотя уступаетъ высотой даже сосѣднимъ скаламъ, Минисею и Арка-Паю, за то поражаетъ своею массою глядящаго на нее съ равнины тундры.

Достигнувъ подошвы горы, экспедиція оставила свои нарты, взяла съ собою всё свои огнестрѣльные снаряды, чтобы послать привѣтъ морю, котораго видъ оттуда былъ ей обѣщанъ, и отправилась въ путь. Карабкаясь по огромнымъ глыбамъ зернистаго краснаго кварцита, черезъ часъ они достигли

вершины. Предъ ними открылся поразительный видъ. Это была дѣйстви- тельно самая сѣверная гора Уральскаго хребта, круто падающая въ тундру. Съ высоты ея взоръ безпрепятственно достигаетъ чрезъ непрерывную рав- нину до моря, закрытаго туманомъ. Только изрѣдка море блистало минут- нымъ свѣтомъ, когда порывъ вѣтра расторгалъ висящую надъ нимъ туманную завѣсу. Къ сѣверо-западу и къ сѣверо-востоку тундра кажется безконечною, но къ западу изъ нея поднимаются, почти въ такомъ же отдаленіи, еще другія горы: наконецъ, къ югу, на разстояніи, доступномъ зрѣнію, виднѣется запад- ный склонъ Урала съ его пиками и шапками, надъ которыми господствуетъ Гнетью, и въ туманномъ отдаленіи Енга-Пае замыкаетъ горизонтъ. Плоскость вершины горы спускается къ западу сперва тремя уступами, но потомъ также падаетъ въ тундру круто. Подошва омывается волнами тундряного озера, изъ котораго она встаетъ въ видѣ предгорья. Высота этой сѣверной оконечности длинной Уральской цѣпи восходитъ до 1,491 футовъ надъ поверхностью моря.

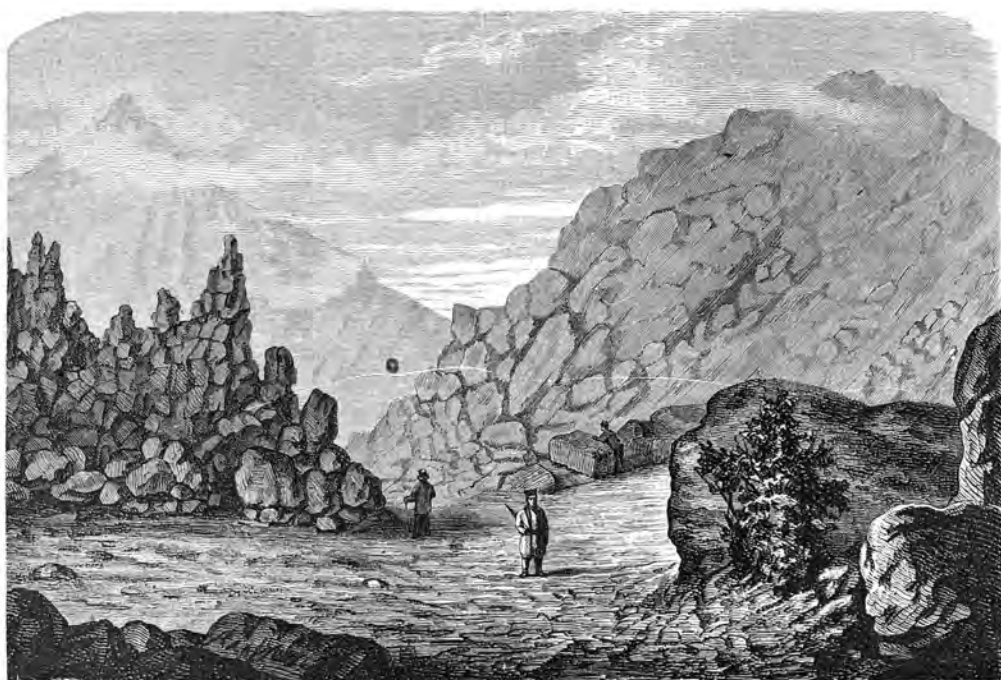
Члены Уральской экспедиціи отъ Константинова камня отправились пря- мо на сѣверъ чрезъ тундру къ морю, до котораго протягиваются ряды хол- мовъ, съ тою только разницею отъ прежнихъ, что они состоятъ уже не изъ песчаника, а изъ земли. У лимана Ои-Яги они достигли моря. Тундра падаетъ здѣсь отвѣсною стѣною, отъ 20 до 30 футовъ высоты, на песчаный морской берегъ, на который море выбрасываетъ только изрѣдка небольшіе валуны. Между ними попадаются кусочки каменнаго угля и обломки песчаника съ от- печатками растений. Берегъ былъ мертвъ; на немъ лежало только нѣсколько маленькихъ морскихъ животныхъ, немного раковинъ и еще меньше Fucus. Наноснаго дерева было также очень мало, но все-же между нимъ попал- ся большой обломокъ здороваго и крѣпкаго березоваго пня, занесеннаго вѣроятно въ море Печорою, такъ какъ это ближайшая рѣка, вытекающая изъ березовыхъ лѣсовъ въ море. Высота прилива должна быть весьма мала, какъ это можно заключить изъ того, что на песчаномъ берегу, у подошвы крутой береговой стѣны, гдѣ она обращена къ югу, лежала еще большая масса снѣга, который показывалъ, что волны до него не касались. Всѣ почти птицы поки- нули уже море, хотя было только 9 августа; на тундрѣ среди привлекающихъ взоръ цвѣтовъ цвѣли еще мелкія гвоздики и незабудки.

Отъ Константинова камня до 66° широты Уралъ идетъ въ юго-запад- номъ направленіи, довольно высокою и весьма скалистою цѣпью горъ, кото- рая доставляетъ много преградъ для переходовъ. Здѣсь горы совершенно об- нажены отъ лѣса, который все-же есть вдали отъ склоновъ хребта и постепен- но рѣдѣетъ въ предѣлахъ открытой тундры. Здѣсь беретъ начало рѣка Кара, съ западнаго склона и до впаденія въ Ледовитый океанъ течетъ къ сѣверу, придерживаясь направленія хребта. По выходѣ изъ горъ она имѣетъ глубоко прорѣзанные каменные берега, въ которыхъ течетъ пѣнясь и кипя, но ши- рина ея весьма незначительна. За рѣкой возвышается на Уралѣ высокая, выдающаяся на равнину масса горъ: она имѣетъ стремнистую, дикую наруж- ность и увѣнчана зубчатымъ гребнемъ. Это Гнетью-Пае. Нѣсколько южнѣ, параллельно Уралу идетъ небольшая цѣпь горъ — Енга-Пае, что въ переводѣ

означает «отдѣльныя скалы»; гладкая, болотистая равнина, поросшая приземистой березой и ивнякомъ, разстилается между ними, лощины же одѣты чистымъ мхомъ или травою. Тамъ и сямъ виднѣются небольшіе ручейки. Горы эти, немного переходящія за двѣ тысячи футовъ, совершенно покрыты каменными обломками, но между камней, у подошвы ихъ, растетъ довольно много лиственницъ, которыя, благодаря защитѣ горъ Енга-Пае отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, на видъ здоровы и достигаютъ значительнаго роста.

Среди горъ Урала здѣсь находится высочайшая вершина всего сѣвера, выдвинувшаяся на 4,658 фут. надъ уровнемъ моря, по измѣренію г. Ковальскаго. Названіе ея, данное самоѣдами — Пае-ерь, достаточно говорить объ ея превосходствѣ, — это означаетъ «владыка горъ»; снѣгъ никогда не таетъ на ней совершенно, вслѣдствіе чего всегда здѣсь въ ущельяхъ или на сѣверныхъ склонахъ можно встрѣтить значительныя снѣжныя поляны. Уралъ быстро поворачиваетъ къ востоку, дѣлая этотъ изгибъ до горы Сабли, такъ что подъ 67½ широты, достигаетъ 66 меридіана отъ Гринвича.

Весь западный склонъ хребта образуетъ глубокую дугу, въ которой высокіе утесы удаляются отъ углубившейся въ горы равнины и приближаются къ восточнымъ склонамъ поближе къ рѣкѣ Оби. Высочайшія изъ этихъ вершинъ видны изъ Обдорска и потому носятъ названіе «Обдорскихъ горъ». Но не всегда Уралъ виденъ изъ Обдорска, отстоящаго на 80 верстъ съ одинаковою

Ворота въ Денежкиномъ камнѣ

ясностью; въ ненастную, пасмурную погоду онъ обыкновенно скрывается изъ виду, совершенно окутанный туманами; нерѣдко облака скрываютъ отъ глазъ его отдѣльныя вершины; въ ясную погоду онъ рисуется на горизонтѣ болѣе отчетливо, одѣваясь, при значительной влажности въ воздухѣ, болѣе или менѣе прозрачной дымкой; съ воздухомъ болѣе чистымъ онъ какъ бы приближается къ Обдорску и обнажаетъ весь свой мрачный остовъ со всѣми подробностями его изгибовъ и очертаній. Прежде всего отсюда рисуется широкая, однообразная низменность, на западной окраинѣ которой рѣзко выступаетъ Уралъ, довольно крутой стѣной, безъ особенно замѣтныхъ предгорій. Часть Урала, составляющая южную его половину, состоитъ изъ ряда массъ, круто спускающихся къ низменности, а иногда еще болѣе круто и внезапно кончающихся по направлению къ сѣверу. Скалистый и каменистый, расщепленный въ разныхъ направленіяхъ и лишенный на большей части своихъ высотъ растительности, онъ, мрачный и морщинистый, носить на себѣ еще больше отпечатокъ мертвенности и нелюдимости, чѣмъ раскинутая у его восточнаго подножія низменность, хотя въ то-же время видъ на него, при здѣшнемъ однообразіи, не лишенъ величія и нѣкоторой весьма своеобразной красоты.

На юго-западѣ, какъ-бы предѣльнымъ пунктомъ Обдорской излучины, возстаетъ Сабля (5,142 ф.), которая не составляетъ отдѣльнаго отъ Урала, изолированнаго хребта, какимъ она кажется съ Печоры, а только западную его отрасль. Ея четырнадцать зубчатыхъ вершинъ рѣдко покрываются снѣгомъ, зато онъ одѣваетъ всю остальную массу. Высочайшій шпигъ похожъ на острый гвоздь и не представляетъ никакой возможности для восхожденія, по крайней мѣрѣ таковъ онъ съ запада. Отъ 65° сѣвер. широты до высотъ Телпосъ-изъ Уралъ удерживаетъ свое меридіанное направленіе: здѣсь Уралъ съ востока и запада окаймляется тремя параллельными горными цѣпами, которыя носятъ названіе Хабей-Хунгарь. Этотъ хребетъ, возвышающійся надъ уровнемъ моря на 2,100 футовъ, былъ посѣщенъ въ іюнѣ 1848 года генераломъ Гофманомъ; послѣдній такъ описываетъ открывающійся съ него видъ на окрестности: «Предъ нами на западъ лежалъ весь открытый хребетъ Сабли, на сѣверъ чрезъ широкую долину Сипы видна была упадающая къ Уссъ лѣсистая равнина. На востокѣ возвышалась надъ восходящимъ въ видѣ амфитеатра, окруленнымъ, безлѣснымъ предгорьемъ, зубчатая, еще покрытая снѣгомъ вершина Урала, а на югѣ тянулась лѣсистая равнина, идущая къ Щугору и Печорѣ».

Съ низкой водораздѣльной лѣистой сопки, связывающей хребты Липка-Уррь и Яруте-Уррь, берутъ начало притоки рѣки Печоры. Притокъ Щугоръ останавливаетъ на себѣ вниманіе; вытекаетъ онъ нѣсколькими истоками, направляясь на сѣверъ по широкой десяти верстной долинь. Многочисленные опасные пороги и перекаты не мало страха вселяютъ въ умы туземцевъ; пловцы съ боязнью подходятъ къ нимъ, оставляютъ въ лодкѣ только двухъ гребцовъ, чтобъ давать ей направленіе и пускаютъ ее внизъ бичевою по обоимъ берегамъ. Въ трехъ мѣстахъ рѣка стѣсняется массивными скалами — это Щугорскія ворота. Первая изъ нихъ, называемая Вельдоръ-Кырта,

находятся на высотѣ 346 футовъ надъ уровнемъ моря, образованы онѣ бѣлымъ известнякомъ, рѣзко выдѣляющимся отъ скалъ песчаника перечнаго цвѣта висящаго и лежащихъ боковъ. Въ стѣнѣ праваго берега открывается въ рѣку разсѣлина, изъ которой водопадомъ бьетъ пѣнящійся ручей Вельдоръ-Кырталель. Чтобы достигнуть водопада, необходимо пройти нѣсколько вверхъ по ручью. Здѣсь громовой гулъ вскорѣ возвѣщаетъ о близости водопада и, пройдя еще нѣсколько извилинъ ручья, мы достигаемъ каменнаго котла шаговъ тридцать въ длину и ширину, заключеннаго въ каменные стѣны, поднимающіяся болѣе чѣмъ на сто футовъ. Дно котловины заполнено водою и въ этотъ прудъ низвергается влѣво отъ входа пѣнящійся ручей, падая отвѣсно съ 50 футовъ. Водопадъ придаетъ мѣстности такую своеобразную прелесть, какой въ другомъ мѣстѣ Урала не найдешь. Скалы вторыхъ воротъ — Шерь-Кырта выше первыхъ. Общій характеръ поверхности — плоскость, среди которой словно въ разсѣлинѣ, прорванной водой, идетъ русло рѣки, окаймленное очень высокими, почти отвѣсными скалами. Особенно живописна мѣстность у Желѣзныхъ воротъ или Ульдоръ-Кырта, гдѣ широкая рѣка стѣсняется боковыми скалами. Когда покидаешь ворота и оглянешься назадъ, то видно, какъ, начиная съ самаго узкаго мѣста, каждый новый пластъ отходить отъ другого въ сторону, отчего ворота принимаютъ такой видъ, какъ-будто онѣ устроены изъ вертикальныхъ уступовъ. Самые пласты обнажены, гладки и ослѣпительно бѣлы, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прилегаютъ одинъ къ другому, по раздѣляющимъ ихъ трещинамъ спускаются внизъ отъ покрывающаго вершину лѣса зеленныя полоски дерна, кустарники и деревья. Сквозь эти каменные рамы видна по ту сторону воротъ широкая, гладкая равнина рѣки съ ея зелеными берегами, а въ отдаленіи — темный хвойный лѣсъ, занимающій ландшафтъ. Передъ воротами разстилается такое же великолѣпное водное зеркало. Стѣсненіе быстрого потока воротами не увеличиваетъ скорости теченія, что, вѣроятно, зависитъ отъ того, что рѣка здѣсь значительно глубже.

Съ рѣки Щугоръ нѣсколько разъ открывается видъ на колоссальную сопку Тельпось или Не-Пуби-Уррь, принадлежащую къ западнымъ отрогамъ Урала, которые значительно выше водораздѣла. Вершина Тельпось, возвышающаяся на 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря, состоитъ изъ двухъ параллельныхъ кряжей съ зубчатымъ гребнемъ, надъ которыми высятся два пика; она обнажена и покрыта каменными обломками. По высотѣ, послѣ Сабли, это первая гора. Съ благоговѣніемъ и суевѣрнымъ страхомъ говорятъ объ этой горѣ туземцы — остяки и зыряне; они преклоняются предъ ея грознымъ видомъ, малодоступностью и причудливостью очертаній, и воображеніе ихъ принимаетъ вершину за обиталище нечистаго духа. По ихъ мнѣнію, ни одинъ смертный не можетъ достигнуть верхнихъ скалъ, и всѣ отважные смѣльчаки, увлеченные любопытствомъ, погибли на пути къ ней, застигнутые страшной бурей.

Далѣе на югъ отъ описанной горной группы Уральскій хребетъ, нѣсколько понижаясь, состоитъ изъ одного главнаго кряжа, непрерывно продолжающагося почти на двѣсти верствъ до вершинъ Яны-Бачеть-Уррь; боковые отдѣльные

Бурлаки на рѣкѣ Щугорѣ

его кряжи расположены на западной сторонѣ. На востокѣ же возвышается также неразрывный кряжъ, несущій рядъ названій: Гачеть-Уррь, Яны-Квотъ-неръ и другіе; къ сѣверу отъ послѣдняго хребта тянется высокій кряжъ Пась-неръ, который неразрывенъ и къ востоку вездѣ весьма обрывисто опускается въ долину, на западъ же даетъ небольшіе отроги къ боковымъ западнымъ кряжамъ.

Водораздѣлъ здѣсь не широкъ и весьма извилистъ. Массивная колыбель рѣкъ Печоры и Сосвы покоится на горахъ Печорь-Ятоলেখъ-чахль и разстояніе между истоками ихъ, вытекающими на разные склоны, менѣе двухсотъ сажень. Изъ горъ, прилегающихъ къ верховьямъ Печоры, замѣчательны по высотѣ и виду: на сѣверѣ — Болванъ-изъ и далѣе Койбъ, Медвѣжій-камень и Сѣдло. Болванъ-изъ или «гора идоловъ» весьма чтима туземцами, какъ мѣстожительство боговъ; она образуетъ массивный кряжъ, вершина котораго, иззубренная временемъ, распадается на нѣсколько причудливыхъ скалъ, похожихъ на гигантскія статуи; центральная изъ нихъ выдвинута еще футовъ на сорокъ вверхъ. Графъ Кейзерлингъ, во время своего путешествія по Печорскому краю, былъ на этой горѣ и сдѣлалъ снимокъ. Гора Сѣдло, состоя изъ двухъ конусообразныхъ скалъ, напоминаетъ видъ сѣдла: Медвѣжій же камень на хребтѣ своемъ представляетъ изъ скалъ какую-то неопредѣленную фигуру, и нужна слишкомъ большая фантазія, чтобы въ очертаніяхъ этихъ зубцовъ видѣть изображеніе лежащаго медвѣдя, какъ то усматриваютъ туземцы.

«Кто знакомъ съ горными кряжами, тотъ, конечно, не станеть съ удивленіемъ останавливаться предъ каждымъ нагорнымъ ключемъ, потому что онъ не подаетъ еще никакой идеи о будущемъ своемъ величіи», пишетъ г. Бурнашевъ, бывший здѣсь въ 1844 году; «но можно ли равнодушно наблюдать сліяніе двухъ потоковъ, съ шумомъ падающихъ съ крутизны кряжа, зная, что эти ничтожные потоки даютъ жизнь извѣстной рѣкѣ, имѣющей болѣе 1,700 верстъ теченія? Я говорю о Печорѣ. Сколько различныхъ племенъ, различныхъ климатовъ обнимаетъ она обширнымъ своимъ теченіемъ! Уральскіе остяки пасутъ своихъ оленей на ея вершинахъ; крестьяне воздѣлываютъ землю береговъ ея въ предѣлахъ Пермской губерніи; зыряне населяютъ ее въ Вологодской и самоѣды въ полярныхъ странахъ Архангельской губерніи. Сначала Печора течетъ прямо на западъ, только около устья рѣки Юумы дѣлая замѣтный изгибъ въ полуденную сторону. Отъ рѣки Большого Шижима до устья рѣки Уньи измѣняетъ направленіе свое на полдень съ весьма малымъ уклоненіемъ на западъ, потомъ, вдавшись большимъ колѣномъ на полдень, отъ Якшинской пристани течетъ на сѣверъ до самаго впаденія въ Ледовитое море, на всемъ этомъ протяженіи отклоняясь къ Уралу только около рѣкъ Подчерьи и Щугора.

Бурно кипитъ Печора въ ущельяхъ Урала, пробираясь межъ камней, по глубокимъ рытвинамъ и оврагамъ; но, вырвавшись изъ тѣсныхъ предѣловъ, получаетъ болѣе покойное теченіе; только при началѣ вступленія ея въ обширную долину, огромныя каменные глыбы, загромождающія русло, составляютъ по ней мѣстами крутые пороги, по которымъ вода несется стремглавъ. Самый большой порогъ Печоры находится верстахъ въ тридцати отъ Урала, простираясь внизъ отъ Медвѣжьего камня на восемь верстъ. Шумный въ большую воду и замѣчательный по величинѣ порогъ этотъ однакоже не опасенъ для плаванія. Онъ не можетъ дать никакого понятія о тѣхъ ужасахъ, которыми сопровождается переправа чрезъ извѣстный Лозвинскій порогъ, выше устья рѣчки Люльи, гдѣ цѣлыя подводныя скалы загромождаютъ недосыгаемое русло рѣки, и однѣ только обнаженныя отъ воды вершины ихъ представляютъ искусному пловцу точки опоры для управленія легкимъ челномъ на быстромъ его полетѣ. За Медвѣжьимъ порогомъ быстрота теченія Печоры замѣтно уменьшается, и за устьемъ рѣки Юумы она является уже большою рѣкой, покойно текущей по глубокому руслу, орошая населенныя мѣста. Печора здѣсь несравненно обширнѣе, величественнѣе: длинный рядъ мачтъ, расцвѣченныхъ флагами, уже достаточно доказываетъ могущество ея около Якшинской пристани. Поглощая множество рѣкъ и рѣчекъ, Печора быстро растетъ на своемъ теченіи, такъ что около устья рѣки Тильмы достигаетъ пяти верстъ ширины. Отсюда до самаго впаденія въ морской заливъ она сохраняетъ постоянно огромную ширину свою.

М. В. МАЛАХОВЪ

Флегонт АРСЕНЬЕВ

Флегонт Арсеньевич Арсеньев — этнограф; родился 2 апреля 1832 г. в селе Красном Моложского уезда, Ярославской губ., образование получил в Демидовском лицее. В 1867 г. занял место секретаря Вологодского статистического комитета, а с 1882 г. состоял чиновником по крестьянским делам Усть-Сысольского уезда Вологодской губ. Его литературные труды посвящены географическо-статистическому описанию и изучению быта Вологодского и Пришекснинского края; печатались они отдельно, а также в местных и столичных журналах и изданиях. Умер 18 [30] ноября 1889, в г. Усть-Сысольск, Вологодской губернии.

Щугор

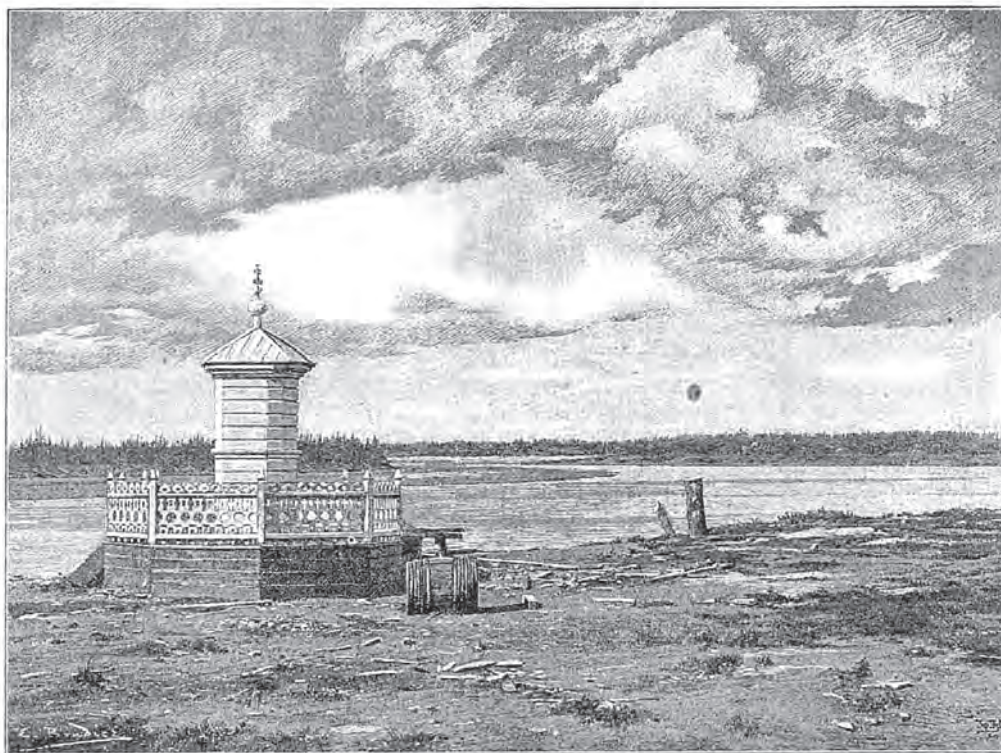
Русский охотничий рассказ

ПОЧТИ параллельно Уральскому хребту величаво улеглась в обрывистые берега громадная северная река Печора. Вытекая из Пермской губернии и принимая на своём двухтысячном протяжении довольно много больших и малых притоков, река эта широким руслом вливается в Ледовитый океан. Уральские горы местами так близки к печорским берегам, что кажется, тут и есть, рукой подать: так отчётливо и резко рисуется этот горный кряж на восточном горизонте. На равнине, между Печорою и Уралом, параллельно с последним, часто встречаются отдельные кряжи, которые зыряне называют пармами. Одни из парм длинные, другие короче, но все они образовались в виде складок при поднятии Уральского хребта. Самая длинная цепь этих гор известна под именем Высокой Пармы. Она поворачивает к северо-западу, проходит около деревни Почерем и расстилается затем в плоскость по берегам Печоры. Долины у подошвы уральских откосов и отдельных кряжей покрыты густым хвойным лесом, который, постепенно редая и перемешиваясь с лиственными породами, восходит до известной высоты, сохраняя прямизну деревьев и здоровый их вид. Граница произрастания леса возвышается и понижается, смотря по крутизне склонов и по стране света, к которой они сходят; более всего понижается эта граница обыкновенно на северо-западной стороне гор, потому что дующие с северо-запада холодные ветры задерживают рост и развитие деревьев. Над чертою леса крутыми подъёмами возвышаются горы, которых самые

крайние очерки принимают преимущественно две отличные одна от другой формы: или длинные хребты с скалистыми рёбрами, или круглые кегли, совершенно похожие на базальтовые и трахитовые горные вершины других стран. Пологости и проходы в горах покрыты мохом и чахлою травой, выступающей из чёрных щелей и трещин дикого камня. Вдоль источников, которые обыкновенно здесь берут своё начало с гор, тянется местами ивовый кустарник, заглушённый высокими травами и представляющий разным водоплавающим птицам излюбленнейшие места для свивания гнёзд. Крутые скаты и вершины всех гор представляют нагромождённые в беспорядке кучи каменных глыб, переходящие иногда в отвесные, зубчатые, изрезанные щелями стены. На высотах, покрытых кучами камней, растут одни только лишай. Ещё выше, и только там, где отвесные скалы оканчиваются небольшими площадками, по берегам пробивающихся изредка источников заседает мох и мурава — единственные признаки жизни мёртвых окрестностей. Выход на эти горные стремнины весьма затруднителен: надобно подниматься с большою осторожностью, чтоб не ступить на шаткий камень, который легко может потерять равновесие и покатиться в пропасть вместе с входящим человеком; но зато по этим глыбам можно, как по лестнице, достигнуть таких высот, на какие при другом образовании гор не мог бы взобраться и самый отважный альпийский охотник. На одном из откосов Урала возвышается гора с обнажённым теменем, известная под именем Моицкого Болвана. Остяцкое название: остяки называют себя — манци. Это одно из тех мест, на которых ещё до сих пор сохранился обычай остяков приносить своим идолам жертвы. На таких жертвенниках нередко встречаются поставленные на камнях или воткнутые на шесте олени черепа с рогами и разбросанные в беспорядке кости заколотых в жертву животных. Странен обычай остяков убивать животных, назначенных для этой цели: они заколачивают оленю все отверстия — ноздри, рот, уши и проч. — деревянными кольями и этим мучительным способом умерщвляют его. В прежние времена, впрочем давние, остяки приносили в жертву идолам, кроме оленей, также серебряные украшения и монеты, но с того времени, как некоторые ссыльные в Обдорске сделали в отыскании остяцких жертвенников и в обирании с них серебра очень выгодный для себя промысел, такие жертвоприношения прекратились.

ПРОТИВ селения Усть-Щугора, прорезав Ыджеди Парму, впадает в Печору Щугор, вытекая из Уральских гор. Река эта по своему чрезвычайно извилистому пути имеет протяжение, не более 350 вёрст; она очень глубока и необыкновенно быстра, как вообще все горные реки, имеющие крутое падение. Прозрачность воды в Щугоре изумительная: маленькие камешки, песчинки крупного хряща можно рассмотреть в ней на саженной глубине. Вода в Печоре довольно чиста, но, когда вливает в неё свои струи Щугор, они резко отличаются от печорской воды, не утрачивая своей прозрачности на несколько вёрст вниз по течению Печоры, около правого её берега.

Печора у Усть-Щугора

В конце июля 186... года, в лёгкой, но приспособленной для дальних переездов лодочке, спускаясь вниз по течению Печоры вместе с товарищем моим по путешествию П. Д. Волковым и промышленником Зыряниным, заматерелым охотником и рыболовом Алексеем Теньюковым, добрались мы до устья Щугора, исследование которого входило в план нашей поездки по Печорскому краю. Погода стояла превосходная. Мучительное комариное время уже прошло. Мы перенесли его на верховьях Печоры. Комары на Печоре, в конце мая, июне и начале июля — это одна из невыносимых казней египетских. Мириады этих кровопийц, каких-то особенных, необыкновенно крупных, рыжеголовых, нападают на человека и на всякое живое существо тучами, мешают есть, пить, работать, думать; от них нет спасения: накомарники (сетки, надеваемые на голову и лицо вроде пчелиных, употребляемых при вынимании мёда из ульев) не помогают; они как-то ухитряются залезть и под них; да в знойные дни и душно в накомарниках; смазывание открытых мест тела пахучими веществами не служит ни к чему. Один только ветер несколько прогоняет несносных пискунов.

К Щугору мы прибыли на солнечном восходе. Над водою колыхался туман. По левую сторону Печоры бесконечно широко расстилалась равнина с поросшим на ней тёмным лесом, по правую, вдали от береговой полосы,

возвышались горы, из-за которых солнечные лучи золотом обливали покойную поверхность вод Щугорского устья, доходящего сажен до ста ширины. Берега Щугора при устье на пространстве двух или трех вёрст состоят из наносной равнины, поросшей берёзами и ивами, и чем далее к Камню (Горный краж Урала), тем выше они поднимаются, переходят в угоры, делаются каменистее и покрываются хвойным лесом. По прибрежной равнине Щугора кое-где разбросаны поляны. Дымившийся пар с этих полян и крик чаек изобличали присутствие курей (луговых озёр). Мы сделали привал к луговой части берега, заехавши в заводь, образовавшуюся под небольшою острою коскою. На красивой луговинке, под раскидистой ивой, в виду двух громадных рек, устроилась наша временная стоянка.

— Как у нас запас провизии, Павел Дмитриевич? На исходе надо полагать? — обратился я к своему товарищу, заведовавшему в пути хозяйством.

— Поиздержались-таки; чаю и сахару ещё много; а вот насчёт хлеба насущного — плоховато: одни только сухари и остались; соли довольно.

— Значит — жить ещё можно; о приварке только позаботиться следует: экскурсию охотничью сочинить нужно.

— Вали на курьи; всякой утки здесь, что мякины — не перестрелять; а мы с Алексеем в прозрачных чертогах справку наведём: рыбёшки не поймем ли.

С собою взяты были разные рыболовные принадлежности: удильные крючки, животные крюки, жерлицы и даже небольшие ботальные мерёжи. В длинном путешествии по малонаселённому краю эти рыболовные снасти оказывали нам большую услугу в продовольственном отношении.

Затянув патронташ, перекинув сумку через плечо и ружьё за спину, я направился на крик чаек, рассчитывая попасть или на большое торфяное озеро, или на водомоину. Последние часто встречаются в луговых припечорских низинах. Образованием их служат быстро стекающие с гор потоки, во время весеннего таяния снегов. Такие водомоины, или черторои, обрастают по берегам ракитником, заглушаются болотными травами и служат превосходнейшим местом для обитания уток.

Сначала пришлось мне пробираться сквозь частый кустарник, но я скоро вышел на луговину, которая извилистым долочком тянулась около берёзовой рощи. Через четверть часа ходьбы долина начала принимать всё более широкие размеры и наконец раскинулась обширным сенокосным наволоком. Налево, к угору, сверкнула вода; я повернул к ней. Подхожу — лог, сажен около двадцати ширины, с сухими берёзами; по окраинам — осока, на воде широкие листья лопуха покачиваются ветерком, и местами резун плотно заткнул воду, разбросавшись по ней своими колючими, мясистыми листьями. Из-под ног, из осоки, сорвалась кряковая утка: ружьё было на плече, я сбросил его, взял на прицел, но было уже не в меру, не успел выстрелить: утянула. Через несколько шагов ещё поднимается пара; я ударил по правой: со всего размаха шлёпнулся в воду тяжёлый кряковень, гулко раздался выстрел, как-то перекастистым эхом застонал он по равнине, и вот громаднейшие

стада уток различных видов начали взлетать из осоки и из-под нависели ракитника и закружились в воздухе. Шурканье крыльев, крякотня, свист раздавались со всех сторон. Выстрел мой наделал необычайный переполох обитателям здешних болот и озёр: всюду залетали стада, то опускаясь далее вновь на воду, то забираясь высоко в воздух. Вот мчится прямо на меня несколько десятков свизей: я дал им сравняться, они взмыли над моею головою, порвались вправо и сплотились в клубок. Я шарахнул в самую гущу: три штуки покатались в середину лога. В горячности я и не заметил, что нагнул: утки упали далеко от берега, достать их невозможно, значит, незачем было и стрелять по направлению к воде. Сломил я хворостину аршина в четыре, попытал глубину у берега: не хватает до дна; плыть нельзя: водяная растительность, плотным ковром засевавшая около берегов, не позволила бы двинуться. А убитая дичь покачивается на воде: одна свизь лежит кверху брюшком; ярко блестит на солнце её белесоватая хлупь; три штуки вверх спинками, опустивши вниз головки. Жаль уток, хочется их добыть, но я не мог придумать средство — как бы это сделать: хоть бы верёвка была, навязать бы палку, забросить далее за уток и таким способом приплавить их к берегу. Это случалось практиковать с успехом, но верёвки не было.

Ветерок стал дуть посильнее, зарябил поверхность лога и погнал мою дичь к противоположной стороне. Две утки, занесённые в резун, засели в нём безнадежно, другие две угодили в небольшую чистенькую прогалинку и довольно близко подбились к берегу; по крайней мере мне так показалось отсюда. Следовало обойти лог, чтобы достать уток с той стороны. Зарядив ружьё, я пошёл по окраине лога, по направлению к лесу. Печора оставалась у меня назади, а Щугор с левой руки. Не прошёл я и ста шагов, как услышал позади себя необыкновенный шум в воздухе: я обернулся, вижу — летит какой-то большой ястреб, сделал круг над моими убитыми утками, лёг над водою, вытянул поджатые ноги и, подхватив крякушу, тяжело поднялся с нею на противоположный берег, пролетел над ракитовою зарослью и спустился за кустом. Обидно, подумал я, досталась добыча чёрту в лапы, а поделать ничего нельзя: не перескочишь через воду. Я прибавил шагу из опасения, чтобы и остальных уток не постигла та же участь.

Местность начала понижаться, перейдя в сыроватую с небольшими болотистыми впадинами. Наконец, я упёрся в довольно большое кочковатое болото, сплошь заросшее густою осокою. Из лога вдавался в это болото залив. По берегу лога пробираться далее не было возможности, я взял влево и пошёл в обход болота, держась его окраины. Из-под ног вырвался бекас, потом другой, наконец вдруг поднялось штук пять: я не выдержал и наслал голенастикам два выстрела вдогонку: крупная дробь не задела ни одного, но выстрелы подняли вновь бесчисленное множество дичи: кроме уток, всюду залетали стада куликов, быстро помчалась возле меня станичка ржанок, закружились в воздухе кроншнепы, зычно где-то крикнул гусь и благим матом загалдели журавли. Воистину, великое и обильное царство пернатых. От такого множества всевозможной болотной дичи рьяному охот-

нику можно обезуметь. Я и обезумел; с изумлением, как шальной, забыв зарядить ружьё, смотрел я на кружащиеся стада. Если сравнить их со стаями летающих грачей над вершинами старых берёз обширного заброшенного сада или с сеткою галок над городскими церквями, то это будет весьма слабое понятие того, что совершалось надо мною... И всё это пищало, кричало, крякало, всё это производило какой-то невообразимый смешанный гвалт. Через четверть часа расселась снова дичь по местам, снова всё затихло, лишь изредка слышалась перекличка кряковых уток и клыканье белоголовика, на недостижимой высоте парившего над озёрами. Зарядив ружьё, я двинулся по избранному пути. Болото становилось глуше, водянистее. Из травы грузно поднялась утка и повалилась с выстрела; из налетевшего на меня вслед за этим стада ржанок, я из левого ствола вышиб трёх штук; потом ещё убил вскоре пару уток. Через четверть версты берег болота сделался суше. Показались кустарники можжевельника и редочи еловой подросли. Вдруг из одного елового куста, мимо которого я проходил, поднялась с большим шумом какая-то крупная птица; на секунду она застряла в вершинах дерев и потом вытянула предо мною на чистовину; вижу — глухарь; я хватил его впоперечь: свалился, как сноп. Выстрел до того был удачен, что даже досадно сделалось, что некому было полюбоваться на него со стороны; глухарь матёрый, громадных размеров — около 20 фунтов весу. Заряд угодил ему в бок и уложил наповал. Казалось бы, и будет дичи, можно бы и назад возвратиться к лодке, но жаль было оставить убитых уток, за которыми я пошёл в обход, да и местность настолько меня заинтересовала, что мне захотелось ещё походить, исследовать её. Двинулся далее. Кустарник делался плотнее и, наконец, перешёл в еловую чащу, составляющую опушку сплошного леса, в который с правой стороны от болота вдавалось острым углом чистое озерко. Продираясь сквозь ельник, я начал обходить это озерко. На середине его, вне выстрела, ныряли около десятка чернетей. Заметив меня, они сжались в кучу и, покеркивая, изогнув головки несколько в сторону, вдавившись как-то в воду по самую шею, бойко поплыли к противоположному берегу. Обойдя озерко, я снова вышел на обширную луговую пожню и, всё держась берега, начал, как мне показалось, возвращаться с противоположной стороны назад, к тому месту, где оставил убитых уток, но вдруг я упёрся в поперечную промоину, сажен около семи ширины; она отрезала мне возможность обхода. Следовало бы воротиться назад, но продираться вновь сквозь лесную чащу, идти старым местом, не достигнув цели, мне не захотелось, и я пошёл по берегу промоины, в надежде отыскать брод. Местами промоина суживалась до трёх сажен, местами расширялась сажен до двадцати и более. Из-под нависели ракушечника, кой-где раскидавшегоса по окраине промоины, поднимались довольно часто связыи и кряковые; но пыл во мне уже поулёгся: я не стрелял их — не потому, впрочем, что находил свой ягдташ достаточно наполненным, но с подъёма утки направлялись на противоположную сторону, и я не был уверен, что, убивши, воспользуюсь ими.

Я шёл по берегу промоины около версты: место было открытое, плоское. Вижу — впереди опять вода. Я натолкнулся на новое озеро, с которым соединялась промоина, представлявшая таким образом пролив между двумя небольшими водоёмами. Почувствовав некоторую усталость, я присел отдохнуть на берегу озера...

Время близилось к полудню. Солнце пригревало так усердно своими горячими лучами, что мне захотелось поосвежиться в озере, светлая прозрачная вода которого так и тянула выкупаться. Раздевшись, я бросился в воду; у самого берега глубина озера оказалась чрезвычайная: опустившись, я не мог достать дна; берега сходили в воду не только отвесной стеной, но ещё имели под себя подмоины, или, как называют рыбаки, пазухи, куда удобно укрыться рыбе при ловле её неводом и вообще всякими сетями. Мне не раз случалось видеть в окрестностях Шексны небольшие с подобными свойствами озерины. В них всегда было множество рыбы, которую из этих бездонных котлов, с глубокими рытвинами, далеко уходящими под берега, невозможно добыть никакими снастями, кроме единственной, самой ничтожной между рыболовными принадлежностями, — это удочки. И здесь, купаясь в водах неизвестного мне озера, приютившегося в пустынной местности на склоне уральских отрогов, я искренне пожалел, что в моём ягдташе не было в запасе этого скромного рыболовного снаряда. Невзирая на моё бултыханье в воде, рыба то и дело плавилась во всех местах озера, даже около самого меня. Часто, при сильном всплеске, дробно рассыпалась мелкая рыбёшка в разные стороны, по чему можно было безошибочно судить, что эти щуки или окуни гонялись за добычей. «Жерлицы бы пустить на колодках, животные крюки поставить бы, — мелькало у меня на мыслях, — не остаться ли на устье Щугора на сутки для потехи, прийти сюда с Павлом Дмитриевичем и попытать счастья; ужо поговорю с ним, — размышлял я, — может, и согласится».

После купанья меня начало клонить ко сну. Накануне, плывя по Печоре, мы почти всю ночь не спали из желания поспеть к утру на устье Щугора, да и побродил я, должно быть, много: делая обходы пологих болот и озерин, я исколесил порядочное пространство, так что чувствовал утомление. Я прилёг на случившийся тут небольшой холмик. Надо мною раскидывалась бесконечная, недосыгаемая высь бледно-голубого неба; солнце сияло ярко; на западе громоздились отличавшие жемчужным блеском комья небольших облаков; на востоке обрисовались зубчатые вершины горного кряжа, вздымаясь в высоту какими-то фиолетовыми буграми; ниже их тёмною полосой расстилался хвойный лес. Направо, верстах в четырёх, виднелись береговые очертания Печоры, верхние плеса которой в крутых изворотах блестели широкими серебряными лентами. Оглядевши местность, я сообразил, где находится устье Щугора и наша стоянка. Заблудиться было невозможно. Хотя я на этот счёт и успокоился, но среди пустынной, безлюдной местности чувствовал как-то совершенно себя одиноким; ничто здесь не изобличало присутствия человека, не было слышно ни говора, ни песни людской, никакого отклика. Но в то же время иная жизнь, жизнь природы непрерывно обхва-

Льс близь Усть-Щугора

тивала меня со всех сторон, бесчисленные голоса чаек оглашали окрестность громкими, словно чего-то вымаливающими криками; стаи куликов сновали передо мною беспрестанно, переключка кряковых уток раздавалась со всех сторон. Плюханье рыб по озеру, стон крачек, перелёт нырков, голоса на воде, голоса в воздухе не прекращались ни на минуту. Вдруг около самого меня шархнула какая-то разом обвеявшая меня масса: это белоголовик кубарем ударился в воду, подхватил довольно большую рыбину, взмыл вверх и, ровно махая крыльями, полетел за озеро, в полосу чернеющего леса; его со страшным гвалтом преследовали чайки.

Солнце жгло меня на пригорке невыносимо. Я перебрался в тень, под раkitовый куст, к самому озеру, положил ружьё около себя и скоро заснул крепким сном.

Проспал я около трёх часов. Когда проснулся — погода поизменилась: с запада подувал довольно крепкий ветерок; кучевые облачка похаживали по небу. В воздухе свежело. На озере, шагах в тридцати от меня, плавало стадо штук в тридцать чернетей, беспрестанно нырявших. Я заслонён был от них кустиком раkitника, сквозь ветви которого и осмотрел уток. Осторожно подняв ружьё, подполз я ещё ближе к кусту, просунув сквозь ветви стволы, и,

выждав тот момент, когда чернети скучились, выстрелил в середину стада; три остались на месте, остальные, поднявшись, залепетали по воде. Из второго ствола, в угонку, ещё вырвал одну штуку. Ветерок погнал убитых уток к тому берегу. Я был вполне уверен, что их прибуёт к нему прежде, нежели я успею обойти озеро; к обходу же не представлялась, по-видимому, никаких препятствий. Берега сухие и возвышенные. Обход не велик, немного более версты, времени до вечера ещё много, силы подкрепились сном. Я бодро пустился в путь. На половине обхода окраина озера понизилась, берега отлого сбежали к воде и образовался узкий залив, вдавшийся в виде языка сажен на сорок в ложину лугового пространства. Залива этого я прежде не заметил: его закрывал от меня ракитник и ольховые кусты...

При обходе залива я встретил поток, узеньким ручейком пробирающийся по луговой ложбине. Свободно перешагнув его, я скоро достиг вновь сухой местности и, огибая озеро уже с противоположной стороны, поднимался постепенно всё выше и выше. Вот и сосновый лесок, который я видел с того берега. Почва сухая, песчаная, поросшая серо-пепельными лишаями. Сосны небольшие, приземистые, с кужлавыми раскидистыми верхушками. Местами подъём был крут; я шёл всё кверху, всё в гору. Сосновая группа деревьев раздалась; я вышел на небольшую площадку и ахнул от изумления: передо мною развернулся вдруг великолепный, поражающий пейзаж; под ногами, над крутым обрывом, круглое, чистое глубокое озеро. Кужлавые сосны и густые ивы, и береговая песчаная отсыпь опрокинулись через отражение в тихую гладь его вод; далее — на запад обширное луговое пространство, по которому точно сотни раскиданных исполинских стёкол ярко блестели по всем направлениям курьи и полой, озерины и протоки; ещё далее — широкое плесо величественной Печоры, а за нею тёмное море бесконечного леса, сливающегося непрерывною массою с горизонтом. На востоке тоже тёмная полоса лесного пространства, но ограниченная далее волнистою грядою уральских предгорий, резко обрисовывавшихся в воздухе своими голыми вершинами. Солнце зашло за тучку: вся даль, вся эта обширная плоскость с бесчисленными озеринами потонула в алом блеске, облившем багровым цветом и широкое плесо Печоры. Как хорошо здесь: конца-краю нет этому дикому приволью, не налюбуйешься им вдосталь. И невольно пришло на мысль: «Что бы здесь, вот на этом самом месте, на взлобке, где стою, построить уютный домик, поселиться в нём с самыми близкими людьми и в этом уединённом угле, среди богато населённой рыбой и дичью природы, среди немолчных голосов обитателей леса и вод, пожить на свободе и вдали от горя и подённых забот, отдохнуть душою от нашей тяжёлой, исковерканной неправдой людской и общественными условиями жизни!..»

Береговой обрыв против меня возвышался сажен на сорок над водою, но сойти по нему было возможно, что я и сделал, спустившись к самому заплеску воды, и пошёл по песчаной отмели, тянувшейся узкою полоскою под береговою кручею. Отсыпь в разрезе состояла из слоистой глины, в которой последовательно залегали светло-серый плотный известняк, глинистый чёрный

сланец и зернистый кварцит. Скоро нашёл я убитых мною уток; их поднесло всех четырёх к берегу почти в одно место. Приторочив свою добычу к ягдташу, я снова начал подниматься на береговую окраину, несколько понизившуюся в этом месте. Через несколько шагов я попал на тропу, торно пробитую по береговому откосу. Всмотревшись в неё, я различил оттиски раздвоенных копыт, отчётливо отпечатанных на глинистой почве. Ясно — это тропа оленей; они ходят по ней к озеру на водопой и купанье. На кустах ельника и вересняка, между которыми извивалась тропа, висели кое-где клочки оленьей шерсти.

Известно, что в знойные летние дни на оленей кучами нападают насекомые, преимущественно овода и слепни, кусают и кладут в густую шерсть их свои яйца. В эту пору олени — великие страдальцы, вода для них спасение. Забравшись в неё по шею, они простаивают таким образом целые дни, выставивши на поверхность одну голову с ветвистыми рогами. Именно на такое место попал я в настоящую минуту. Спустившись по тропе к самой воде, я вышел на песчаную отмель; весь песок около воды измят был копытами: именно тут, в этом месте купаются олени. Но время для этого уже прошло: в конце июля овода от холодных ночей пропадают и олени перестают принимать ванны, а то удобно было бы и постеречь их здесь, конечно, с раннего утра, запасшись для этой цели особыми охотничьими снарядами.

Не отошёл я и десяти сажен от оленьей тропы, как заметил на песке другой след, совершенно свежий, подействовавший на меня весьма внушительно: широкая лапа и оттиски громадных когтей несомненно убеждали меня, что сюда же является Михаил Иваныч для освежения озёрной водой своей клокастой особы. Встретиться с ним, в моём одиночном положении, при настоящих слабых средствах для борьбы, т. е. с простым дробовиком, с запасом одной шестого номера дроби, было весьма неприятно. Признаюсь откровенно, мне сделалось жутко, как Робинзону, открывшему следы дикарей на своём необитаемом острове. Помнится, у меня как будто шевельнулось что-то под картузом, мурашки какие-то пробежали по коже. А след был так свеж, так отчётлив, что, казалось, медведь был здесь не только сегодня, но несколько минут тому назад. Мне даже послышался шелест в ивовых кустах, засевших далее сплошной массой около самой воды озера. Первым моим после такого открытия делом было подняться снова наверх, на ту площадку, с которой я любовался величественным видом. Затем предстояло решить, каким путём воротиться назад к устью Щугора: идти теми же местами, какими шёл сюда — надо продираться сквозь лесную чащу, чего мне, из опасения встречи с медведем, крайне не хотелось; взять направление влево, на берег Печоры и затем Печорою дойти до устья Щугора — было далеко. Но всё-таки я остановился на последнем: этот путь предстоял по открытым местам, где сбиться невозможно, да и Печора в виду; значительная часть её плёса видна отсюда, а если и скроется она от меня, когда спущусь в низины, то береговые урезы этой громадной реки всё-таки будут перед моими глазами. Придётся, может быть, делать обходы озерин и курей, но это ничего: лишние две-три версты не составят для такого ходака, как я, большой важности. Да кстати, возвращаясь этим направлением, я мог

подобрать и уток, убитых первыми выстрелами и оставленных на логу. И так надумал я взять левое направление и с этим решением обошёл правую юго-восточную часть озера и спустился в луговую плоскость.

Но недолго шёл я по избранному пути; не более как через четверть часа я упёрся в широкий пролив: справа он соединился, по моему соображению, с тем логом, на котором остались утки, слева уходил в луговое пространство, неизвестно на какое расстояние. Я пошёл в обход. К счастью, пролой сузился сажен до десяти. По растущей в узком месте густой осоке и болотному хвощу можно было заметить, что тут неглубоко. Я разделся с намерением перебраться на другую сторону. Спустившись в воду, попробовал с осторожностью дно, боясь попасть в вязиль, из которого, пожалуй, ног не вытащишь. Тинистые, засасывающие озерины зачастую попадают на севере, да и везде они не редки. Охотясь в вычегодских болотах, близ Усть-Сы сольска, я один раз забился в такую зыбучую урему, что если б не товарищи, так бы и покончил в ней своё земное странствие. Дно в пролое оказалось хотя и илистое, но довольно твёрдое, глубина немного выше колена. Перебродя, я поднял трёх кряковых уток: они с шумом взвились в воздух, сделали небольшой круг и спустились в этот же пролой, сажен пятьдесят от меня далее. Но мне было не до уток: поспешно одевшись, я почти бегом пустился вперёд, по направлению к Печоре. Торопиться следовало: солнце склонялось к западу, и, кроме того, я с утра ничего не ел: меня довольно чувствительно начал допекать голод. Всё более надвигался вечер. Вот золотистый диск солнца врезался в тёмно-серую полосу облака, растянувшегося на горизонте над самыми верхушками леса; яркими, ослепительными цветами заиграли края этого облака, принимая причудливые формы. Лиловый блеск вечера мягко ложился на широкий простор Припечорья. Но когда душа непокойна, голова полна тревожными мыслями и желудок пуст, то не до красот природы. Я спешил изо всех сил, а они всё более и более ослабевали: в ягдташе моём было порядочно дичи, от которой он делался час от часу тяжелее и страшно оттягивал плечо. Я отцепил уже глухаря от тороков и нёс его в правой руке: так как будто полегчало.

Долго бродил я между курьями и озеринами, то перебродя их в мелких местах, то делая обходы. Всё чаще и чаще встречались на моём пути препятствия в виде пролов, промоин, горловин, проливов, логов и болот. Иногда подходил я к Печоре весьма близко, казалось, был от неё не более версты, но вдруг встретившийся какой-нибудь водоём уклонял меня в противоположную сторону, и я снова шёл прочь от Печоры, путаясь между озеринами. Усталость и голод мучили меня невыносимо, беспомощность положения и приближающаяся ночь наводили страх. Я боялся запоздать; мне жутко было ночевать в этом лабиринте вод, в котором я совершенно сбился с пути и не знал, где отыскать выхода, попав в бесконечный переплёт воды и земли между собою.

Давно закатилось солнце. Всё гуще и темнее становились сумерки, всё реже слышались голоса птиц и их перелёты. Вот и молодой месяц блеснул на небе золотым краем, звёздочки вспыхнули на востоке, заря вечерняя побледнела, стих гомон чаек, не слышно переклички уток. Настала ночь. Где-то вдали, далеко ухнул филин, гагайкнула сова, потом простонало что-то,

не то олень проревел, не то росомаха, а может быть, и медведь. Я всё шёл, всё блудился по суходолам между озерами. Наконец, попал я на чистое, длинное озеро и поплёлся по его берегу, как будто по направлению к Печоре. Ноги едва двигались, более по инерции. Я был чрезвычайно утомлён. Через четверть часа я наткнулся на новую воду: широкая курья соединялась под острым углом с тем озером, на берегу которого я стоял, и пресекла мне путь. В изнеможении я опустился на траву и решительно растерялся: ночевать, развести огня — спичек с собою не было. А в воздухе стало холодать, ночь темнела, расстроенное воображение начало представлять крайние случаи. Пропадёшь, думалось, в этих озёрах, не выйти из них ни ночью, ни днём, с голоду умрёшь или с отчаяния пойдёшь по прямой линии и, перебираясь через курьи и полой то вброд, то вплавь, засядешь в какой-нибудь тине, где так и погибнешь; а может быть, и медведь прикончит: по кустам всё малинник тут, может быть, косолопая животина ходит по нем, натолкнёшься на него, изуродует, искалечит — так и богу душу отдашь мучительной смертью.

Около часа пролежал я на луговине без движения. Сильно начал прохватывать меня ночной холод, а подняться, походить, чтобы согреться, возможности нет: все члены отяжелели и требовали отдыха. Ночь была тихая: ни звука жизни. Вдруг донеслись до меня какие-то глухие удары. Я начал прислушиваться. Шлёпанье по воде, бульканье всё приближалось. Месяц выкатился из-за тучи и облил серебром расстилавшееся передо мною озеро. Вижу — какая-то тёмная масса движется по направлению ко мне. Что бы это такое? Слежу внимательно, всматриваюсь: лодка. Сердце взыграло радостью: «Господи! Неожиданная помощь. Но кто же здесь в этом глухом углу и ночью, зачем, что делать в такую пору?»

— Коды таны — кто здесь? — закричал я по-зырянски.

— Кодэс ен ваэ — кого бог даёт? — отвечал мне густой, крепкий голос человека с лодки.

— Кывт тадче, бур морт, отсав меным: мэ воши и кула чыг-понда — подплывай сюда скорее, добрый человек, помоги мне: я заблудился и умираю с голоду!

Лодка приблизилась. Едва коснулась она носом берега, как я поспешно в неё ввалился: куда и усталость девалась.

— Коды тэ сэчэм — кто ты такой? — спросил меня зырянин, увидев во все не своего собрата, а какого-то чужака, неведомо как сюда забравшегося. Я объяснил ему о себе подробно и просил доставить к товарищам на устье Щугора, обещая за это вознаградить его деньгами или порохом.

— Ничего не нужно {Находя не совсем удобным для чтения приводить в разговоре зырянские фразы, я буду передавать их на одном русском языке, чего намерен держаться и далее при моих последующих встречах с зырянами в этой поездке. (Примеч. автора.)}, какие тут деньги; на соль разве что дашь, и спасибо. Да и самому мне туда же надо: я из села Усть-Щугора, приезжал сюда рыбу ботать: вишь каких карасей наловил. — И зырянин показал мне действительно большого, фунта в полтора, караса, достав его из-под доски со дна лодки.

— Как же мы отсюда выедем? — спросил я.

— А вот всё этой курьей; там будет волока: лодку перетащим. Вот вишь какая у меня для этого колесница.

В лодке лежали два колеса, выпиленные из толстого кряжа и надетые на деревянную, грубо обделанную ось, к которой привязаны для тяги две верёвки вроде постромок. Такие скаты часто употребляют зыряне на волоках, когда приходится им перетаскивать лодки через речные перешейки или суходолы между озёрами.

Перетащив лодку в разных местах раза три, наконец мы добрались до Печоры. Слава богу, сердце стало на место.

— Далеко ли отсюда до Усть-Щугора?

— Да чекмоса два с лишком будет.

В чекмосе семь вёрст. Далеко же забрался я, путаясь в луговой низине Припечорья, в лабиринте озёр и болот.

Около полуночи подъехали мы к нашей стоянке. На берегу у товарищей разведён был громадный пажог. Высокая, сутуловатая фигура Павла Дмитриевича ясно обрисовывалась против огня на тёмном фоне ночи.

— Ну, разодолжил! — протяжно воскликнул Павел Дмитриевич, когда я, выдвинувшись из темноты и вступив в круг яркого света, разливаемого огнём, вдруг явился перед ним, как лист перед травой.

— Куда это тебя нелёгкая занесла? Мы до страсти перетревожились, думали — случилось что-нибудь. Алексей и до сих пор тебя ищет: в пятый раз его послал!

— Да и то случилось: запутался в озёрах; и не выйти бы, если б здешний рыболов из Усть-Щугора не помог, — отвечал я на вопросы Павла Дмитриевича, поспешно сбросив с себя ягдташ и с наслаждением повалившись на разостланную около костра полсть.

— Здесь это возможно; со мной в этих же местах года три тому назад такая оказия чуть не произошла, да я был с промышленниками, так те вывели. Из ума вон предупредить тебя об этом. Как же это ты, с которого места запутался-то?

— Во-первых, есть давай что-нибудь, я голоден, как акула!

— Где же рыбак-то?

— Лодку привязывает. Дай же Христа ради чего-нибудь перекусить!

— Угощу претотменно: Алексей шуку фунтов в десять вытащил на жерлицу, да я пару окуней выудил громаднейших, что твои поросята: ушицу сварили первый сорт. Сейчас разогрею.

И Павел Дмитриевич повесил котелок с остатками ухи на колышек, позырянски воткнутый наискось над огнём.

Зыряне весьма опытные в приспособлениях при ночлегах под открытым небом, не делают козлов для котелка, как это водится у русских, а втыкают в землю колышек таким образом, чтоб верхний конец его приходился как раз над угольями. Повешенный на колышке котелок удобнее тогда отводить от огня в сторону, когда это бывает нужно.

Явился и проводник мой.

- Вот мой спаситель, рекомендую!
- Товарища моего от злой напасти спас!.. Спасибо, дружище! Как тебя звать-то? — обратился к нему Павел Дмитриевич.
- Назар, из Усть-Щугора. Вишь, в курьях заплутался: местов здешних не знает, а я на этот раз рыбу ботать выехал.
- Возьми, брат, вот тебе за твою услугу целковый: мало, прибавлю, — сказал я, подавая Назару рублёвую бумажку.
- На что мне целковый; не надо мне твоего целкового, не стоит; по пути ехал; гривенник дай на соль да порошку малость.
- Я дал ему гривенник и пороху целый фунт, чем Назар чрезвычайно остался доволен, благодарил много и искренно, подарил нам пару больших карасей и, простившись, уехал.
- Удовлетворив свой голод вдосталь ухом и затем напившись чаю, я сообщил Павлу Дмитриевичу подробно о своих странствованиях.
- Чего ж ты боялся без огня остаться; огонь всегда достать можно, когда ружьё да порох есть: надави пороховой пыли, обваляй в ней кудельный пыж и выстрели лёгоньким холостым зарядом; пыж затлеет, а ты к нему сухой травы подложи, раздуй — вот тебе и огонь.
- Знаю! Да в тот раз, когда отчаяние меня пробирать начало, всякое соображение из головы вон повыскочило. После, может быть, и обдумался бы. Но скажи пожалуйста — где же Алексей-то? Как бы и он не заблудился?
- Не заблудится: не впервые в здешних местах, да и matka {зырянский карманный компас} с ним.
- И я, в сущности, не заблудился: Печора у меня была постоянно перед глазами, в каком направлении наша стоянка — я знал, но запутался в неисчислимом множестве озёр и курей и не мог найти из них выходу; то же может случиться и с Алексеем, — возразил я.
- В курьях он отыскивал тебя днём, а теперь пошёл вверх по Щугору: нечего тревожиться, придёт, — успокаивал меня Павел Дмитриевич, подкидывая на пажок дрова.
- Глухая, тихая, звёздная ночь. Впечатления ночного мрака подкрадываются в душу, словно в ней самой сгущается этот мрак. Ни малейший шелест не нарушал тишины. Закатился месяц. За кругом света от огня темнота казалась совершенно чёрною и непроницаемою; зато ближайшие предметы к огню освещались необыкновенно ярко, так что каждый листочек ветлы, под которою разложен был пажок, отчётливо обрисовывался в воздухе. Вдруг выстрел; эхо как-то глухо, отрывисто на него откликнулось и замерло.
- Это Алексей сигнал подаёт, — заметил Павел Дмитриевич, взял моё ружьё и выстрелил в воздух. — Спрячься! Скажу, что ты не пришёл, напугаю его: на поиски, мол, опять надо идти! То-то охать да стонать будет.
- Притомился, брат, я: не до того мне, да и около огня так развалило, что и встать не хочется; какие тут прятки!
- Через четверть часа явился Алексей, увидел меня и обрадовался.
- Слава богу, отыскался. Где пропадали?

— Путался в курьях, кабы не зырянин здешний, и не вышел бы.

Рассказал я и Алексею, как было дело. Пожалел и поахал он обо мне, не менее пожалел и об утках, оставшихся зря, занапрасно на курье.

— Не благословясь пошли; поглумилися над вами вэрса, а может, и куль-ва {вэрса — леший, куль-ва — водяной} подшутили, — добавил он в заключение своих соболезнований.

— Надо полагать, что они; а много их здесь живёт?

— На каждом месте их тьма-тьмушая, особливо в здешних трущобах им житьё привольное, церквей мало, ну и варзают.

— По этой части не знаешь ли ты чего-нибудь такого? Порассказал бы!

— Со мной не случалось, а с иными промышленниками всего бывало: блудились и пропадали, в дома свои не возвращались. Многим Морт-юр казался.

— Кто такой Морт-юр?

— А безголовый человек такой ходит по речонке, что в Ыльдзь впадает.

— Басня эта мне знакома, — заговорил Павел Дмитриевич, закуривши папироску и разлѣгшись рядом со мною на полсть. — Здесь Морт-юра мало знают; предание об нём всецело хранится между жителями Печорского верховья. Тебе известно, что Печора при выходе из Пермской губернии в Вологодскую, в тридцати верстах от знаменитой в том крае Якшинской пристани, называется Малою Печорою. Это название она удерживает за собою до впадения в неё реки Ыльдзи, которая течёт, как и Шугор же, от Уральского хребта и, не уступая по обилию воды самой Печоре, увеличивает эту реку от слияния с нею более нежели вдвое, так что после впадения Ыльдзи Печора называется уже Большою. В Ыльдзь, вѣрст около полутораста вверх от её устья, вливается небольшая, извилистая и быстрая река Морт-юр.

— Постой, однако ж, как же это: то Морт-юр — безголовый человек, то река? Не понимаю.

— А вот слушай! Морт-юр в прямом переводе значит человекья голова. Давно тому назад речка эта была безымянная. На берегах её начал появляться безголовый человек; с тех пор она и получила название Морт-юр. Почему появлялся безголовый человек на берегах этой речки, рассказывают следующее предание. Когда-то два товарища-промышленника охотились тут на птицу и разного зверя. Одному из них счастливило необыкновенно: много убил он рябчиков, куниц, белок, даже несколько штук соболей хранилось у него при ночлежном пывзане {пывзан — ночлежная избушка} в шамье {шамья — амбарчик на столбе для склада дичи и провизии} за своими метками. Другому вовсе несчастливо: измученный, усталый и постоянно с пустыми руками возвращался он на место ночлега и, видя необыкновенную удачу своего товарища, начал сильно завидовать ему. Кончилось тем, что неудачно охотившийся промышленник убил своего товарища в то время, когда тот наклонился к речке пить, отрубил ему голову, далеко забросил её в чашу леса, а труп столкнул в воду. С тех пор обезглавленный человек ищет в тёмные осенние ночи своей головы, пугая случайно заходящих на речку Морт-юр промышленников.

По поводу Морт-юра со мною в тех местах случилось небольшое приключение, — продолжал Павел Дмитриевич. — Это было лет пять-шесть тому назад, в самый разгар лесной деятельности Латкина и компании, сгубившей множество печорских лесов, заготавливаемых для заграничного отпуска, почти что несостоявшегося. В то время работал здесь уполномоченный от компании, некто Газе, господин характера твёрдого и воли несокрушимой, имевший железное терпение прожить лето безвыездно в лесах Припечорья. Лиственничный лес ценных сортиментов в среднем Печорском бассейне подобрался. Газе командировал меня на разведки в верховьях Печоры, поручив сколь возможно далее подняться по Ыльдзи и осмотреть речки, в неё вливающиеся, в особенности Морт-юр, где, как нам сказывали, сохранилось много хорошего лиственничного леса. В здешних широтах летние ночи почти неприметны: читать очень мелкую печать в них можно насквозь; но осенью ночи бывают до того темны, что не уступают знаменитым воробьиным ночам Малороссии. Можешь себе представить, какой мрак в такие ночи покрывает воды маленькой речки, излучисто текущей по дремучему лесу и над которой между деревьями прорезывается лишь узенькая полоса небесного свода. Небесный же свод в эту пору не теплится ни одной звёздочкой, а бывает покрыт густым слоем туч, из которых сыплется не дождь, а какие-то мелкие-премелкие, частые, насквозь пронизывающие капли — жмычка, как называют промышленники.

Была уже глубокая осень, когда я с четырьмя рабочими отправился вверх по Печоре, по которой предстояло проехать до устья Ыльдзи восемь зырянских чемкосов, или пятьдесят шесть вёрст с небольшим хвостиком, при переложении чемкосов на вёрсты. Из числа рабочих на моей лодке один по имени Пэдер (Фёдор) не был печорский уроженец, но зашёл сюда из любознательности с Удоры, другой зырянской стороны, лежащей в северо-восточной части Яренского уезда по рекам Вашке, Елве и Ирве. Удорские зыряне во многом отличаются от зырян — обитателей Печоры, Вычегды, Сысолы и Лузы; даже язык их имеет много особенностей, не вполне понятных не туземцам. Пэдер отличался совершенным отсутствием суеверия, что великая редкость между зырянами; и страстной охотой к пению. Это последнее достоинство он выказал ранее, чем скрылись от нас крайние дома поселения правого берега Мылвы. Голос певца был чрезвычайно чистый и приятный тенор. Сначала я не мог разобрать длинной протяжной песни, которую пел он, хотя напев напоминал известную русскую песню «Зелёная ивушка». Когда же вслушался хорошенько в его тонкие протяжные и как бы ласкающие звуки, усвоил несколько слов из песни, то понял, что это точно была «Ивушка», буквально переведённая на зырянский язык. Замечательно, что у зырян нет родных песен. Душевные восторги, изливания горя и радости не отразились у них в песне, для которой оказался слишком бедным их язык. Вообще же зыряне петь очень любят, но поют русские песни, часто не понимая их слов.

В два дня мы проехали по Ыльдзи пятнадцать зырянских чемкосов, или сто русских вёрст с походцем, и достигли наконец устья таинственного Морт-юра, имеющего при впадении до пятнадцати сажен ширины. В продолжение

этих двух дней ничего особенного с нами не случилось, только множились и плодились рассказы о похождениях безголового человека, по мере приближения к месту его воображаемого появления, и часто слышались в носу или корме лодки, смотря по месту, где собиралась компания, известные восклицания: «Ну вот, ладно, хорошо!» — непременно сопровождающие каждый зырянский рассказ, да скептические замечания невозмутимого Пэдера, оканчивавшего всякое мудрёное повествование словом: пэръялан — надуваешь, обманываешь. Напрасно мой красноречивый лоцман — Иван Казаков приводил множество примеров и доказательств, напрасно говорил, что «ачись синтэм старик вичкодорыс адзиыс — сам слепой старик из погоста видел». Непременным следствием рассказа из уст неверующего и неумолимого Пэдера было то же: «Пэръялан, вок, пэръялан — надуваешь, брат, надуваешь». Уж как он его ни уговаривал, сколько ни называл Пэдера и «сё шайт Удорысь — сто рублей с Удоры», и «зарни морт — золотой человек», Пэдер не поддавался, а мы всё ехали, да ехали вверх по Ылдызи.

В устье Морт-юра сделали привал, зажарили на сковороде и съели несколько шанег, лепёшек из пшеничной муки на коровьем масле (любимое кушанье зырян) и, отдохнувши хорошенько, отправились по Морт-юру против извилистого довольно быстрого течения.

В конце первых суток плавания по этой речке нас застала тёмная, непроглядная ночь. Ни одной звёздочки на облачном небе, а на воде мрак и тьма такие, что с кормы не видно было мачты, стоявшей на конце берестяной палубы. Плыли молча; рассказы прекратились, даже Пэдер перестал мурлыкать свою любимую «Ивушку», как вдруг на левом берегу посреди непроницаемого мрака сверкнул огонёк. Жилья не было на сотни вёрст кругом, зырянам-промышленникам было ещё рано заходить в глубь лесов, и у всех на языке шевелилось слово «Морт-юр», а лоцман Иван Казаков многозначительно толкнул Пэдера и благоразумно надвинул лузан (наплечник из домашнего сукна с внутренними сумами — спереди и сзади — для склада дичи) себе на голову... Вёсла перестали действовать, руки гребцов невольно опустились, и лодка остановилась...

«Мый оны кэрны — что теперь делать? — спрашивали шёпотом друг у друга испуганные зыряне. — Омель делэ якшасьны Морт-юркод — плохо иметь дело с Морт-юром». Пэдер, схватив свою длинную винтовку-моржовку, выскочил на берег и исчез по направлению к огню. Посреди мрака и тишины не было слышно ни малейшего шелеста шагов удалого удорца; он полз, как умеют ползать только зыряне-промышленники, подбираясь к дорогой добыче. Вся компания притаила дыхание и с нетерпением ожидала, что будет. Через четверть часа самого напряжённого ожидания, посреди торжественной тишины, оставшиеся на лодке услышали глухой оклик, обыкновенный между зырянами: «Код крещёный — кто крещёный?» Сперва глухо, протяжно, потом с угрожающим выражением, и на минуту всё смолкло... Затем разделился огонь на две светлые точки, которые быстро стали приближаться к лодке. Лоцман Иван не вытерпел и оттолкнул лодку от берега, осенив себя крестным знаменем. Вскоре показались

на берегу три тёмные фигуры: две большие с головнями в руках и третья поменьше. В одной компании узнали своего Пэдера, другая принадлежала неизвестному охотнику, а третья — собаке.

«Код — кто?» — спросил дрожащим голосом наш лоцман. И на этот вопрос спокойный голос Пэдера отвечал: «Нинэм, таэ Пилип Саваяг-ыс — ничего, это Филипп из савиноборской деревни».

Действительно, это был промышленник Филипп, заплутавшийся на лесовье, потерявший матку и наудачу шедший к Печоре.

— Убедились ли после этого твои спутники, что Морт-юр существует только в воображении?

— Нисколько: случай остался сам по себе, а вера в Морт-юр сама по себе, тем более что и Филипп, присоединившийся к нашему экипажу, поддержал эту басню своими убеждениями. Но подобные рассказы, — продолжал Павел Дмитриевич, великолепно знавший зырянский край, — как история о Яг-морте и Морт-юре, неувидительны между жителями пустынных и обширных лесов Припечорья, где такой широкий простор для фантазии. Но вот что изумительно, что между здешним населением упорно держатся предания о разбойниках и кладах. Основательно сомневаться, что в такой стране, как Печорский край, дикой и лесистой, малонаселённой и бедной по торговым и промышленным оборотам, существовали шайки разбойников, отнимавшие плоды тяжёлых и дальних странствований бедного зырянина. Однако ж, по преданиям, разбойники были, а это наводит на мысль, что здесь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойников не заведутся даром в отдалённой глухой трущобе, им нечего тут делать. Вероятно, в старину, во времена участия великого Новгорода в ганзейской торговле, по рекам Сухоне и Вычегде шли через переволок между Мылвами на Печору и в Сибирь европейские товары и по этому же пути вывозились произведения Зауралья. Таким же образом двигалась торговля через реки Сось, Усу — по Печоре, Ижме и Ухте через переволок на реку Вым по Вычегде и Сухоне к великому Новгороду. Есть ещё старинное предание о древнем торговом пути от Каспийского моря к северному океану; он будто бы тянулся по Волге и Каме через Чердынь на реку Вычегду и оттуда к устью Двины и даже Печоры. Вероятность торговли в прежние времена в Печорском крае оправдывается ещё тем, что находили здесь во многих местах болгарские серебряные монеты; иначе как бы они могли быть занесены на глубокий север.

Рассказывают, что главным притоном разбойников были реки Ыльдзь и Малая Печора, где они без боязни совершали свои кровавые дела. И до сих пор две или три крутоберегие речки, впадающие в Ыльдзь и Печору, называются разбойничьими. Зырянские сказания насчитывают довольно много разбойничьих имён; я скажу тебе только об некоторых.

Суханов грабил сначала отдалённые от Печоры страны и, говорят, доходил до Казани. Шайка его состояла из пятидесяти человек. Преследуемые правительством, они кинулись в северные леса, где и заблудились. Суханов для спасения своей шайки и себя дал обет — в первую реку, которая попадётся, всыпать золото и в первую церковь сделать вклад и потом жить смиренно.

После такого обещания первая попавшаяся река была Ыльдзь, в которую разбойники высыпали мешок денег и положили под сосну клад. Затем пришли они в Печорский погост, где и жили сперва несколько дней мирно; но потом двое есаулов не выдержали и нанесли какое-то оскорбление жителям. Атаман, по рассказам одних, в негодовании на дурной поступок своих подчинённых убил есаулов, а шайка, возмущившись на это, убила своего атамана. По рассказам других, один из есаулов Суханова, лично недовольный им, подговорил шайку убить своего предводителя, выбрал удобное время и напал на Суханова с возмущившимися разбойниками, которые окружили его со всех сторон, но он перескочил через всю шайку и кинулся к воде. Атамана не допустили до воды, схватив огромным багром. Его долго и варварски мучили, наконец закопали живого в землю по шею и продержали так трое суток. Выкопанный и истерзанный, он попросил, чтобы его застрелили в щеку. Убитого разбойника похоронили близ Печорского погоста, в урочище Пэ-ламу (Дедушкино поле); ныне оно снесено водою.

Другой разбойник — Тыл-Пур-Як был крестьянин Усть-Сысольского уезда, Деревянского общества; он имел небольшую шайку и грабил суда, плававшие по Малой Печоре и по Ыльдзи. В шайке его был есаулом какой-то Антон. Рассорившись с атаманом, он отрубил ему голову и, приняв начальство над шайкою, стал грабить по Печоре. В деревне Подчерской он завёл себе притон, в который по временам приходил даже один. Боясь грозного разбойника, в особенности ножа его, с которым он никогда не расставался, крестьяне не смели взять Антона. Но однажды во время сна атамана приятель его похитил из-под подушки нож и передал его крестьянам, которые утопили Антона в четырёх верстах от деревни Подчерской.

Эти-то и другие, более отдалённые разбойники, некогда грабившие по Печоре, зарывали в землю свои сокровища с разными заклинаниями, и потому преданий о кладах здесь очень много. Особенно много говорят даже в настоящее время о кладе на горе Лаз-чук, близ Троицкого погоста, под тремя берёзами, посаженными на кургане. На речке Дац, впадающей в Ыльдзь, говорят, есть клад, который будто бы стережёт медведь, беспощадно растерзывающий всякого посягающего овладеть скрытым сокровищем. На речке Юк-со, впадающей тоже в Ыльдзь, под старым кедром зарыт целый сундук с золотом. На кедре сделаны зарубины: сверху одна большая, продольная, означающая атамана, с обоих боков, внизу две параллельные — его есаулов и потом ещё сорок продольных, в два ряда, — это число разбойников, составляющих шайку. Об этом кладе ходит в народе особенная запись.

Под рассказы Павла Дмитриевича Алексей давным-давно уже всхрапывал, да и меня начала клонить дрёма. Подложив дров на пажок, мы завернулись в дорожные драповые плащи и спокойно улеглись на сон грядущий.

Когда проснулись, солнце стояло уже высоко; подувал довольно крепкий северо-западный ветерок, Алексей кипятил воду в котелке на кашницу, для которой на доске, принесённой из лодки, лежал совсем распластанный и вычищенный глухарь. Чайник, висевший над огнём на другом колышке,

пофыркивал кипяточком из рыльца. Сейчас же заварили чай и, достав из погребца склянку сливок от бешеной коровы (коньяку), усидели с ними всласть стаканчика по три. Затем приготовили кашу, вроде супа, с овсяной крупой и с подправкою солёным свиным салом, — очень вкусное, никогда не приедающееся и скороспелое горячее в пути, изжарили подаренных Назаром карасей и, плотно всем этим насытившись, уложились в лодку и двинулись вверх по Щугору. Так как ветер стоял попутный, то мы распустили парусок. Небольшая, но всё-таки помощь для гребли.

Версты три или четыре мы бежали Щугором между низменными берегами, состоящими из наносной равнины, покрытой то группами берёз, то кустами раkitника. Далее берега стали возвышаться, растительность перешла в хвойную, в береговых отсыпях и по заплеску реки часто начали встречаться камни и тёмно-серый кристаллический известняк. Течение воды пока держалось ещё весьма тихое. Скоро мы приплыли к рыболовной сеже, или запруде, устроенной поперёк реки, вплоть от берега до берега. Мы нашли здесь двух рыбаков-зырян из Усть-Щугора, постоянно живущих на сеже в своём промышленничьем пивзане. Встреча нам была самая дружеская, искренняя, приветливая. Мы не могли отделаться от ухи из свежей лоховины. Зыряне в промышленничьем отшельничестве всегда от души рады сторонним людям, вносящим своим нечаянным появлением какую-нибудь живую струйку в их одинокую однообразную жизнь. Разговорам и расспросам при этом нет конца.

— Как в нынешнем году удачен ваш лов? — спросил одного из рыбаков на сеже.

— Не кончен ещё: артели вверху, не знаем, что бог даст; а в морды ничего себе идёт, изрядно, лучше лонишнего.

— Прибылен ли был весной семоjный промысел? Много ли добыли?

— Да пудов полтора на две артели добыли. Продажи по четыре рубля за пуд. Цена бы ничего, но рыбы куда меньше стало против прежних годов, и сравнить нельзя, и рыба мельче: ныне пудовая-то сёмга на редкость, а прежде зачастую попадались.

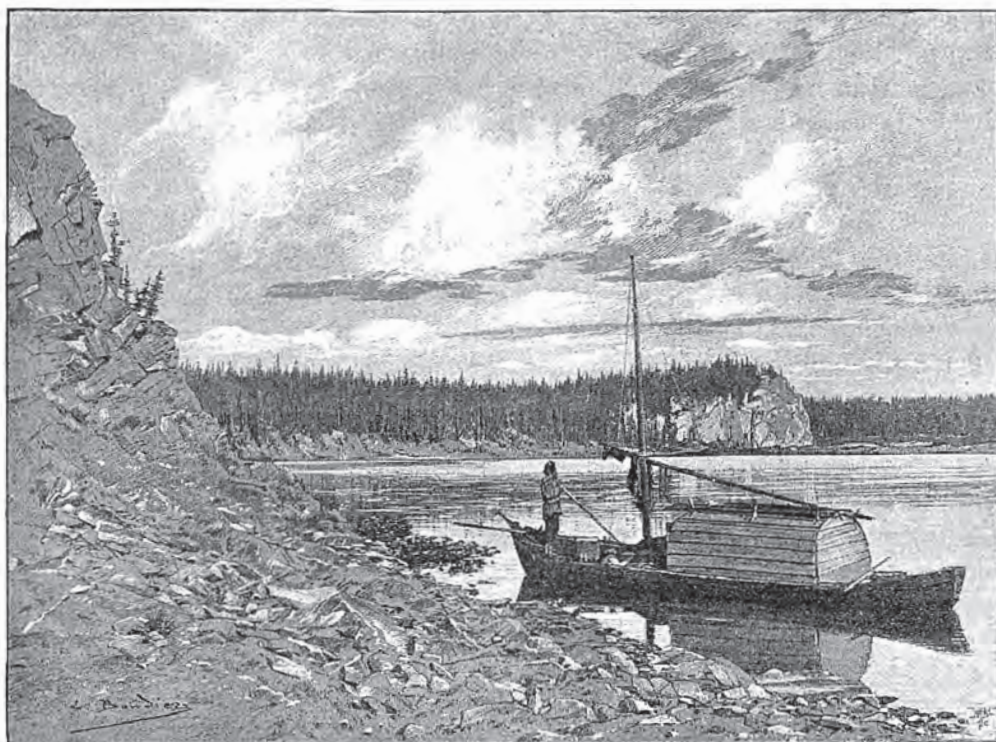
— Четыре рубля за пуд сёмги — это дёшево. Печорскую сёмгу продают в Вологде от 12-16 рублей.

— Да это не вешнюю; это осеннюю продают по такой-то цене. За вешнюю дорого взять нельзя: засол не тот.

— Долго ли сидите на затоне, или снимаете его, как кончат неводить?

— До заморозков сидим, пока не покажется шуга (лёд). Рыба всё идёт понемногу.

По мере того, как мы поднимались от затона выше по Щугору, течение становилось всё быстрее и берега реки отвеснее, принимая всё более скалистую форму. Кристаллический известняк в них являлся в значительном содержании и притом такой твёрдости, что при ударе давал искру. Выходя часто на берег для исследования наслоений, я находил здесь чрезвычайно много различных окаменелостей. Обрывистые, очень высокие каменные скалы, посреди

Шерь-Кырта

плоских окрестностей, представляют из себя вид расщелины, сквозь которую напором горных вод прорвалась река. Таковы почти все притоки Печоры, берущие начало с Уральского кряжа. Нередко возвышенные каменистые берега Шугора переходят в плоские наносы песка и валунов известняка, кварцита и метаморфических сланцев. Вероятно, в таких местах в древние, доисторические времена бушевали здесь громадной величины и неизмеримой глубины озёра, обставленные, как фортами, каменистыми утёсами.

Всё труднее делалась гребля. Лодка подвигалась медленно вперёд. Где было возможно — шли бечевой. Часу в пятом пополудни мы достигли устья небольшой речки, впадающей в Шугор с левой стороны. Здесь мы решили переночевать, благо место удобное и уютное. Правый берег речки изображал довольно высокую скалу, с глубокой впадиной, полого склоняющейся к воде. В этой впадине, под защитой скалы, мы и основали свою стоянку.

Приготовив всё для ночлега, закусив и напившись чаю, мы с Алексеем возытели намерение сходить хоть недалеко вверх по речке. По правому её берегу тянулась тропа, проложенная, несомненно, промышленниками к своим охотничьим путикам. Мы отправились по этой тропе. Чем далее мы поднимались вверх, тем глуше и угрюмее становился лес. Наконец,

мы зашли в совершенно глухой бор, раскинувшийся по равнине. Громадные сосны, ели, лиственницы высоко поднимали свои вершины, сплетаясь ими в едва проникаемый для света зелёный свод. Этот исполинский лес поразил нас своею величавою растительностью, воистину достигшею своего апогея на дальнем севере. Тихо в нём, мертво, беззвучно, но несмотря на это он как-то давил массой жизни, неслышно, незаметно обступающей со всех сторон... Тропа уклонилась от речки влево. Пройдя версты две бором, мы натолкнулись на подошву горной возвышенности. Лес поредел и понизился. Встречались кедры со множеством шишек. Орехи их ещё не вполне налились ядром. Собираание кедровых орехов (меледы) доставляет здешнему населению немаловажный доход; лет тридцать тому назад, когда кедровых лесов было больше, промысел кедровыми орехами был едва ли не выгоднее всех других промыслов Припечорья. Теперь он уменьшился более чем наполовину, чему виною сами зыряне, весьма неэкономично обращающиеся с плодоносными кедровыми деревьями. Отыскав кедр с орехами, они, вместо того чтобы взлезть на него и осторожно оборвать шишки, срубают дерево, обламывают те ветви, на которых больше шишек, и складывают их в большую кучу, которую старательно прикрывают хвоей — от кедровки, великой любительницы и похитительницы кедровых орехов. Стоит только кедровке отыскать такой склад, она непременно перетаскает все шишки в свою кладовую про запас на зимнее продовольствие. Белки тоже любят кедровые орехи и также заготавливают их для себя в дуплах деревьев и гойнах. Замечательно, что как кедровка, так и белка запасают орехи самые лучшие, крупные и непременно с полным ядром. Зыряне старательно отыскивают такие запасы и обращают их в свою собственность, нередко вынимая из дупла по четверику и более превосходнейших орехов. Обломав срубленный кедр, промышленники отыскивают следующий кедр, с которым поступают таким же образом. Потом на возвратном пути сгруживают все шишки в общую массу и переправляют к домам, где и выщелучивают из шишек орехи. Ежегодно срубая в громадном количестве кедры, крестьяне уничтожили их в настоящее время почти вконец, так что теперь хорошее кедровое дерево встречается весьма редко. Попавшиеся нам кедры были невелики — молодняк с мелкой шишкой.

Поднявшись футов на триста на гору, мы добрались до такой высоты, которая господствовала над окрестностями. Вид открылся прелестный: тёмным морем расстилался перед ногами лес; на востоке в отдалении вырезывался Урал — дикая каменная гряда, состоящая из беспорядочно перемешанных между собою пиков, протянутых длинными зубчатыми рядами, и из шапок с растрескавшимися вершинами. Зарезво заката горело на верхушках леса. Золотистые переливы солнечных лучей причудливо играли на горных вершинах. Где-то шумел водопад. Дерево треснуло: так, само по себе, или сломался сук под ногами тяжёлого зверя. Резко, необычно раздался этот треск, и снова глухая тишина, лишь нарушаемая издали доносившимся звуком журчащей воды...

На возвратном пути мы вышли на новую тропу. Она шла влево по направлению к ручью. Мы пошли по ней и скоро попали в гряды того же дремучего бора. С высокой ели слетело большое стадо красных птиц.

— Что это за птаха? — спросил я Алексея.

— А клесты. Здесь их много. Дичина тоже: печорцы их промышляют и доставляют в Чердынь, Вятку и Усть-Сысольск. В пирогах куда хороши.

— На такую маленькую и выстрела-то жаль. Стоит ли их промышлять?

— Где же стрелять! Не стреляют; сильями их ловят. Тьму налавливают.

— Как же это: на деревьях расставляют?

— Нет, не на деревьях; иначе ловят: зимой, как поуглубится снег, клёт сдаётся к жилью, по опушке еловых лесов держится, по тем деревьям, на которых больше еловых шишек. Для ловли выбирают редколесье и нагребают на нём из снега небольшие холманчики. Потом холманчики эти обливают красным квасом. На вершину крест-накрест вдавливают бруски с сильями из волоса. Клесты, как увидят красное, так целым стадом и спустятся на холманчик, начинают на нём бегать, рыться и попадают в силья. Большие за этой птицей не ходят; ребяташки балуются — это ихнее рукоделье. Дело-то не больно мудрёное, а приучаются через него к лесу, к промыслу приохачиваются.

Вышли на берег ручья. Сдавленный песчаными крутыми берегами, он бойко летел по переборам. Местами появлялись омутки, в которых вода завитком вертелась на одном месте. В одном омуте сильно взметнулась какая-то большая рыба.

— Щука, должно быть, — заметил я, обратив внимание Алексея на всплеск рыбы.

— Кто её знает: может быть, щука, а не то и лох.

— Ну какой там лох: зачем ему забираться так высоко в мелкую речонку?

— Что вы, помилуйте, да вы не знаете, что это за рыба: в такие ли места она забирается — поверить трудно; чуть проток маленький, только бы вода сочилась, да изредка котловинки были, — скачком, вприпрыжку, а уж заберётся в самый верх и лежит себе, как боров.

— И большие?

— Большущие, фунтов по пятнадцати, по двадцати. Рыбаки по маленьким потокам забивают заязки и ставят верши. Когда начнутся осенью паводки, лох двинется вниз и попадает. А то по котловинкам и острогою бьют: вода в речонках чистая, видно до последнего камушка, большую рыбу осмотреть легко, сейчас её и на острогу... Много лоховины так налавливают — и самой лучшей, жировой. На вольных водах она выгуливается, а в тесноте-то до того тучнеет, что как облитая салом. Из кишок жиру много натапливают.

Совсем стемнело, когда мы пришли к пажку. Павел Дмитриевич возился с ухоем. Выглядев в речке на переборе много харьюзов, он ухитрился учинить великолепное уженье их на сваренный яичный белок, насаживая его маленькими кусочками на крючок.

— И хорошо брались? — любопытствовал я.

— Удивительно! Только успевай закидывать. Одно беда: худо держится на крючке белок, часто насадку срывали.

— Сколько же выудил?

— Да штук около тридцати накидал. Кроме ухи будет ещё на жаркое.

На другой день, часов в семь утра, достигли мы чрезвычайно живописного места на Щугоре, известного под именем Ульдор-Кырты (железные ворота). Довольно широкая река вдруг сжимается с обеих сторон каменными стенами, представляющими вид настоящих ворот. Стены эти тянутся сажен на пятьдесят, поднимаясь от 100 до 150 футов. Они состоят из белого, превосходно выветрившегося известняка. Течение в проходе ворот необыкновенно быстрое: громко ревела здесь река, наполняя окрестность глухим однообразным шумом. По обеим сторонам лодки вода стремилась неудержимо, неся мимо нас клочья пены. Мы гребли с Алексеем изо всех сил. Лодка подавалась медленно, по куриному шагу. В самых узких местах вода ярно кружилась и, разбиваясь и пенясь, массой кидалась по течению и, злобно шипя, хлопотала в подмоинах отвесных стен. Когда мы, наконец, выбились из ворот и, выехав на более покойное место, взглянули на Ульдор-Кырты, то поражены были следующей картиною: начиная с самого узкого места, каждый пласт известняка в воротах отходил в сторону далее предшествующего ему, отчего ворота кажутся устроенными как бы из натуральных кулис. Самые пласты обнажены, гладки и ослепительно белы, но в тех местах, где они прилегают один к другому, в узких промежутках между ними по расселинам и трещинам, сбегая в них зелёные полосы дёрна и кудреватого кустарника, украшая белые стены натуральными гирляндами. Через узкий просвет ворот, как сквозь каменные рамы, видна по ту сторону широкая гладкая равнина реки; по ней, как белые лебеди, плыли в разных местах комья вздувшейся пены. В отдалении тёмный лес замыкал ландшафт. В плёсе перед воротами, где мы находились теперь, река раскинулась в великолепнейший, широкий, гладкий, как зеркало, бассейн, обрамлённый громадным хвойным лесом.

Целый день мы плыли между берегов, состоящих то из отвесных каменных стен, то из плоской лесистой равнины. Изредка попадались нам небольшие стада нырков, подпускали близко, но мы не стреляли их: и без того был велик запас дичи. За кормою лодки пускали местами блесну: раза два садилась на неё щука, да как-то срывалась: плохо закрючивало. Раз над головою перелетел громадной величины глухарь и скрылся в зубчатых вершинах леса.

— Вот глушь-то, Павел Дмитриевич, живой души нет, а какие места: не налюбуйшься; с каждым поворотом реки всё новые виды — один другого лучше.

— И ни одного жилья: вот это грустно. Не люблю я безлюдных местностей, — с признаком досады и скуки отвечал мне мой спутник.

— Зато, по словам Алексея, других жителей здесь пропасть; духов разных — злых и добрых, в водах и лесах и в расселинах скал. Много, чай, рассказов об них ведётся между местными жителями.

— Небогата этим фантазия здешних зырян, хоть поле, казалось бы, для всякой чертовщины тут и широкое. Прожил я несколько времени в Олонецкой губернии, тоже в лесной стороне, между промышленниками: там куда больше басен про разные чудесные приключения; и из них есть весьма интересные легенды, хоть баллады пиши.

— Не припомнишь ли?

— Как не припомнить; вот, например, следующая. Пошёл один охотник осенью в лес за белками. Долго он ходил по лесным трущобам и уремам, но не только ничего не убил, но даже никакого зверя, ни дичи не видал. День выдался дождливый, охотника промочило насквозь. Задумал он вернуться домой и идёт мимо небольшой полянки в самом глухом лесу. Смотрит, а на самой середине полянки стоит лисица, хорошая-расхорошая, и что-то роет лапой. Остановился мужик, осторожно приловчился винтовкой к деревцу и выстрелил: лисица перекувыркнулась — и дух вон. Подбежал охотник к зверю, взял его, притащил под ель, разложил пажок и начал сдирать шкуру. Выстрел был чудесный: пуля пробила грудь и в крестце вышла вон. «Славно угодил!» — подумал мужик и повесил шкуру на сучок над огнём, чтобы попровяла, и сам после этого начал закусывать. Поднялся ветер, сперва лёгонький, а потом скоро перешёл в такую бурю, что сосны заскрипели. Шкура так и раскачивается, так и рвётся с сучка; рвалась, рвалась, соскочила и упала на лисье тельце. Вдруг тельце ожило, шкура вмиг очутилась на нём, и лисица цела и невредима потихохоньку через полянку ушла в лес. Сделалось это так скоро, что охотник только успел ахнуть от страха и дива. Лисица ушла, а мужик стоит и дивится да хлопает о полы зипуна. «Не дивись! — слышит он из лесу голос. — То ли ещё бывает? Спроси-ка, что было с Иваном Голым в деревне Зубарихе, на Шоле реке». Голос замолк; мелкий осенний дождь усилился, и охотник возвратился домой без всякой добычи.

Наступила весна. Мужик этот отправился в отхожий промысел — строить суда на реку Шолу, по найму от хозяина. Живёт он целую весну. Раз и вспомнил он про ту деревню, о которой ему сказано было в лесу. Стал спрашивать — не знает ли кто и не слышал ли о деревне Зубарихе. Рабочие, его товарищи из тех мест, и говорят, что есть такая деревня, в глухих лесах стоит, и дорогу к ней рассказали. Подошло два сряду праздничных дня, мужик пошёл в Зубариху. Деревня эта стояла в самом глушьё, среди тёмного леса и была только из нескольких дворов. Нашёл он в Зубарихе Ивана Голого: это был уже пожилой мужик, живший с сыном и невесткою. Разговорились. Охотник наш и спросил, какое на веку с ним диво в лесу случилось, и рассказал ему, в чём дело.

«Да, было, — отвечал Голой, — доподлинно диво, только не со мной, а с покойным моим отцом. Назад тому лет тридцать, — говорит, — пошёл отец осенью на охоту за белками. Я остался дома — недосужно было. Ходил он по лесу день, и счастья такого никогда ему не выдавалось: убил до пяти десятков белок, да пар семь рябков, да ещё сколько, не знаю, тетерь, так что целая ноша к вечеру накопилась, едва вмочь носить; к тому же ещё за плечами

был с харчами кошель. Дошёл он к вечеру до лесной избушки и расположился в ней переночевать. Освежевал, развесил шкурки, потом сварил ужин и начал закусывать. А на улице такая темь сделалась той порой, что хоть глаз выколи. Поднялся ветер, пошёл дождь, лес зашумел, затрещал... ну, страсть, одним словом. «Эка погода! — думает отец. — Может, иной крещёный в лесу плутает в это время?» Только подумал он это, слышит — к избушке кто-то бежит и охает. Дверь отворилась, и в неё, смотрит, лезет высокий рыжий мужик в армяке и острой меховой шапке. «Хлеб да соль», — сказал пришелец. «Хлеба кушать», — ответил отец. «Это хорошо, — говорит, — есть-то я давно хочу». Он сел на обрубок перед столом и начал убирать варево за обе щеки. Скоро он съел всё, что было приготовлено отцом, но не насытился. «Ну, потчуй же, — говорит, — коли пригласил». Отец вытащил из кошеля каравай и положил на стол. Коврига в минуту исчезла, и тут отец заметил, что у мужика был такой большой рот, что целые ломти уходили в него, не задевая за губы. «Ну, давай, что ещё у тебя там есть!» — говорит мужик. Отец вытащил всё, что было с собою запаса; тот и это всё съел. «Ну, давай, — говорит, — ещё!» — «Да больше нет ничего, — сказал отец. — Вот буде хочешь — ешь белок!» Он и белок съел. «Ну давай ещё!» — «Да вот, — говорит отец, — если душа вынесет, так собаку ешь». Мужик схватил собаку и легонько проглотил и её. Отец стоит ни жив ни мёртв. «Ну, — думает, — съест теперь и меня». Начал про себя читать отходную. «Давай, — говорит, — что у тебя есть ещё?» — «Больше, — говорит, — ничего нет». — «Ну, коли ничего нет, так я тебя самого съем, только вот схожу недалеко».

Ушёл и унёс порох и ружьё. Остался отец безо всего. «Бежать, — думает, — догонит...» Осовел, одно слово. Вдруг слышит, просунул кто-то голову в окно и говорит: «Беги, добрый человек, как можно скорее; в правой руке, недалеко, есть дорога, по этой дороге сейчас проедет тройка лошадей, ты и скочи на телегу да крепче держись смотри — подъедешь ты к трём соснам; у одной сосны сук самый толстый будет тянуться над дорогой, так ты обеими руками захватись за него и повисни, а остальное тебе уж самому видно будет». Отец бросился из избушки и побежал в правую руку. Начал выходить месяц, вызвездило и видно стало всё. Не успел отец отойти и полсотни шагов, смотрит — лежит прямая-препрямая дорога, а по дороге во всю мочь скачет тройка. Попропустив её немного, отец приловчился, схватил за задок телеги и вскочил в кузов. Лошади пуще прежнего понеслись — летели что ветер, а около дороги всё лесок тянется небольшой. Сидит отец, крепко держится в телеге. Видит — сосна, там другая, вот и третья, и от неё висит над дорогой толстый-претолстый сук. Поднялся отец, подскочил на телеге и повис на суку. Сотворил молитву — смотрит: он в своей избе висит, обнявши руками воронец. Мать ещё не спала — пряла лён, ужас её взял, как увидела, что отец будто с крыши в избу ввалился. Едва розняли мы ему руки, ровно примёрзли к брусу-то. Ну, не долго же он и жил после того. А ружьё, собака, белки и птицы очутились на сарае.

Вот, — говорит, — какое дело было с моим отцом. А спросись он у лесового ночевать, тот и не чудил бы: изба-то эта, надо полагать, была его».

Прибыли мы к устью реки Большой Паток. Широким руслом, разливающимся по плоской равнине, соединяется он с Щугором с правой стороны. К северо-востоку, над лесистыми окрестностями Патока, возвышается гряда гор, которая по своему голому, с отсутствием всякой растительности хребту названа Мёртвою пармою. Из неё вытекает необыкновенно быстрый, шумливый ручей — Мёртвый Ель, тоже впадающий в Щугор. По берегам этого ручья встречаются большие валуны зелёного сланца и появляются диориты и диоритовый порфир. Вот и другие каменные ворота — Шер-Кырта (средняя скала); они состоят тоже из белых отвесных известковых скал, стесняющих с обеих сторон реку в узкое русло, с тою только разницею, что по чрезмерной глубине Щугора течение воды в них едва заметно. Скалы не ниже, как и в Ульдор-Кырте, но как вверх, так и вниз они состоят из песчаных отсыпей, то и не имеют той красоты. Третьи каменные ворота Щугора — Вельдор-Кырта (верхняя скала). Мы прибыли к ним около полудня, на третий день нашего плавания по Щугору. Погода по-прежнему стояла ветреная, солнце не заслонялось ни одним облачком; тихо, ясно, тепло, будто и не на севере. Щугор пробил эти ворота крутым изгибом. Вследствие такого положения расселины или по другим акустическим причинам, но здесь поразило нас необыкновенное эхо, повторяющее не только крик, но и слова в разговоре с удивительною ясностью раза по три и притом с значительными промежутками.

В известковой стене правой стороны ворот открывается в Щугоре трещина; из неё вырывается пенистый ручей Вельдор-Кырта-Ель, текущий по каменистым мелким переборам. При устье ручья в береговых его наслоениях господствует доломит. Мы остановились здесь. Нам хотелось осмотреть на Кырте-Ель водопад, посещённый в 1847 году профессором Гофманом, начальником Уральской экспедиции, которая снаряжена была нашим географическим обществом. Добраться до водопада берегом не представлялось возможности: стены расселины, между которой бежал ручей, поднимались так высоко и такими обрывами, что около воды не оставалось места для прохода, наверху же, по береговому обрезу, не было тропинки. Мы пошли ручьём, вброд, что было весьма удобно, так как глубина воды не превышала пяти вершков и дно оказалось твёрдое. За устьем, не в дальнем расстоянии, начал попадать в берегах зернистый кварцит, с примесью листочков талька и хлорита, которые всё более и более преобладают, так что наконец кварцит переходит в тальковый и хлоритовый сланец. Затем начали попадаться гнейс, диорит и порфир. Это замечательно в том отношении, что присутствие упомянутых горных пород служит признаком золотоносных россыпей.

Пройдя около трёх вёрст ручьём, мы слышали гул водопада. С какой стороны доносился этот гул — решить было нельзя: не то он стоял в воздухе, не то вырывался из-под земли; то слышался сзади, то далеко-далеко впереди, то справа, то слева. Я приписал это необыкновенной отзывчивости эха, играющего здесь звуками с волшебною причудливостью. Ещё прошли несколько извилин, выбрались на песчаный заплеск, круто повернули около скалы, выдавшей острый угол в ручей, и очутились перед круглым, как

чаша, котлом, шагов 30 в длину и ширину, заключённым в каменные стены, достигающие футов до ста высоты. В этот котёл, с высоты по крайней мере пяти сажен, с рёвом низвергался прекраснейший водопад. Мы стояли как раз перед ним. Вода разбивалась о лежащие внизу два громадной величины камня; брызги летели в воздух и стояли в нём мелкой пылью. Выглянуло солнце из-за облачка и осветило своими лучами массу движущегося водного хрустала, загорелась в нём разноцветная радуга, а водяная пыль окрасилась яркочерным цветом. Ничего подобного в природе я не видал во всю мою жизнь.

Долго мы стояли перед водопадом, долго не могли отвести глаз, очарованные его красотой. Вода крутилась в котле, как в мельничной заборове; особенно силен напор её был на левую стену, вследствие чего образовалась в ней глубокая выбоина. Какая-то рыба беспрестанно всплескивалась около этой тёмной пазухи. Стада мелкой, пёстренькой рыбёшки, известной под именем моля, теснились по заплеску, у самых наших ног. Вдруг Алексей толкнул меня легонько локтем.

— Смотрите! Видите под берегом-то на той стороне?

— Что там такое? Не вижу.

— Выдра пробирается; видите, около камня плывёт! Вот под берег направилась, в подмоину.

По указанию Алексея я оглядел зверя: тёмной полосой, вся вытянувшись по воде, бойко плыла выдра, то скрываясь за клубами пены, то изредка изза них вывёртываясь. Скоро она скрылась в береговую пазуху.

— Эх, ружья не взяла: убили бы! Больше десяти сажен не было, — пожалел Павел Дмитриевич.

— Может, и убили бы, да зверь-то теперь плох, ещё не выкунел: проку в нём мало, — заметил Алексей.

На другой день мы достигли устья реки Ичет (малый) Паток. Этот приток Щугора особенно славится изобилием лоха и харьюза. Рыболовные артели забираются в его верховья за эту рыбу так далеко, как только может пройти лодка. Выше Ичет Патока Щугор значительно суживается, извиваясь крутыми изгибами между каменистыми берегами, местами торчащими в реку острыми выступами. Течение здесь необыкновенно быстро: только благодаря заводям, образующимся под острыми кремнистыми косами, возможно подниматься вверх; выезжая из заводи на струю, мы едва справлялись с быстринной. Часто лодку нашу бросало с такою силою на берега, что, казалось, разобьёт её в щепы; но ловкость Алексея и его сметливость избавляли нас от опасности.

— Что это за крест на берегу, Павел Дмитриевич, в знамение какого события он тут воздвигнут? Может быть, промышленник похоронен? — спросил я Волкова, увидев на площадке одной косы старый, покрякивающий крест, сделанный из чрезвычайно толстого дерева.

— А это место названо «Молебной Костью», в память одного происшествия, по случаю которого и крест поставлен. Дело заключалось в следующем: ты видишь, до какой степени в этих плесах быстр Щугор, даже в обыкновенное

меженное время, как теперь. В паводки же на Урале Щугор почти мгновенно вздувается на несколько сажен выше меженного уровня и превращается в узких теснинах в страшный порог, в котором вода с бешеною силою громадным валом мчится вниз по крутому падению. Когда-то, в очень давнее время, чердынские рыбаки, промышлявшие в верховьях Щугора харьюзов и возвращавшиеся назад, были застигнуты враспloch около этих мест подобным валом. С белою пенящейся гривою подхватил он маленькую лодочку на свои плечи и понёсся с нею вниз. Челнок бросало из стороны в сторону, как лёгкую чурку, ежеминутно угрожая вдребезги разбить о каменные берега. Рыбаки ожидали верной гибели. Надеяться на помощь неоткуда. Наконец, удачным поворотом волны около мыса лодочку выбросило вот на тот пологий откос, не причинив ни малейшего вреда чердынцам. Они, в знамение счастливого избавления от смерти, отслужили здесь сами — как сумели — молебен, назвав место «Молебной Костью», и водрузили на нём этот самый крест.

— Я и в других местах зырянского края видал кресты на пустоплестье: видно, зыряне любят их ставить, — заметил я.

— То больше над покойниками. Мало ли умирает народу во время лесовья: над каждым умершим врыть крест зыряне считают за святое дело. Ставят также кресты и на перекрёстных дорогах.

За «Молебной Костью» Щугор вновь расширяется. Берега значительно понижаются, переходя из скалистых отсыпей в ровную плоскость, поросшую до самой воды густым хвойным лесом. К вечеру мы доехали до красивого острова, известного под именем Лиственничного Дискаса. Название это произошло от четырёх громадных лиственниц, растущих на острове. Под одной из них мы основали нашу ночёвку.

Развели огонь и в ожидании чая и ужина улеглись на полсть. Чудный вечер. Тишина невозмутимая. Запад бледнеет; блёкнут яркие отблески вечерней зари. Тускнут золотые и багровые глади щугорских вод. Серый цвет ночи, мало-помалу всё расширяясь, надвигался с востока, закрывая на нём тёмным мраком волнистые гряды уральских предгорий.

— Видишь гору впереди, — заговорил Павел Дмитриевич, когда мы на другой день, после нашей ночёвки на Лиственничном Дискасе, снова въехали в область скалистых берегов Щугора. — Это Толпас-Из — ветряное гнездо.

Высокая гора довольно длинным хребтом тянулась от Урала и обрывом упиралась в Щугор. Она увенчивалась зубчатым гребнем и двумя пиками, торчащими выше прочих, обнажёнными и покрытыми каменными обломками.

— Почему так называется гора? — спросил я Волкова.

— А существует между здешними жителями такое поверье, что живёт на этой горе ветер, что здесь его коренное, постоянное обитание, его дом, потому-то, рассказывают зыряне, самый слабый звук человеческого голоса, даже малейший стук вызывает будто бы около этих мест страшную бурю. Промышленники, проезжая мимо Толпас-Из, сохраняют глубокое молчание и даже обёртывают тряпками уключины вёсел, чтобы они не скрипели. Я много раз подымался на эту гору, и странное дело: как бы тихо ни было,

Тельпосъ-Исъ

ни малейшего хилка, листочек не пошевелится на осине, на Толпас-Из всё что-то гудит и завывает; раковины такие большие бывают, видал, я думаю, приложишь её к уху и при полной тишине и безмолвии около тебя слышишь в раковине резкие звуки, как будто поёт в ней кто; так и на Толпас-Из.

— Странно это; чем-нибудь можно же объяснить такое явление?

— Ничем другим, как особенным расположением скал и пиков, с особенною чувствительностью отражающих звуки. На этой горе есть озеро, из него текут в Щугор два истока Филип-Ель и Дур-Ель. Это чисто горные ручьи, низвергающиеся с чрезвычайным шумом с крутизны. Может быть, этот шум чрез многочисленные отражения в скалах и даёт звуки, похожие на завывание бури.

Мы подъехали к южному обрыву Толпас-Из весьма близко. Гора показалась нам настолько крутою, что взобраться на неё с этой стороны мы не решились. Далее Щугор поворачивает на восток, лукой огибая Толпас-Из. Мы проехали версты три и привалили к берегу, чтобы взойти на гору с восточного склона, более пологого и потому удобного для восхождения. Мне хотелось посмотреть горное озеро, по словам Волкова, чрезвычайно характерное.

Отсюда до подошвы Толпас-Из версты полторы. Всё это пространство и самый склон горы покрыты сплошным лесом. Мы взяли с собою ружья, захватили, по настоянию Павла Дмитриевича, ботальную сеть с бечёвкой, кое-что из съестного и пустились в путь.

Шли мы сначала всё ельником. Черника и брусника густо заволокли лесную почву. Спелые, крупные ягоды черники весьма привлекали к себе внимание Павла Дмитриевича, и он воздавал им должную честь. Часто попадались грузди, и какие грузди — ума помрачение: белые как снег, с толстым слоем прозрачного желе на шляпках гриба. Начались чащи. Держась по компасу принятого направления, мы с трудом сквозь них пробирались. Поднялся глухарь, шумно захлопав крыльями; фыркнул выводок рябчиков; молоденькие тут же, перед нами, расселись в полдерева. Я убил пару, Волков одного. Вот и подошла горы. Издали она казалась пологой, а пришлось лезть чуть не на стену. Ель сменялась соснами. Чем выше — тем реже лес. Сосняк стоит уже вразброд, небольшими группами и в одиночку. Некоторые из сосен, подмытые в корнях весенними потоками, накренились книзу, пошатнулись, красиво разметав свои кривые, засохшие ветви. Всё лезем кверху, всё выше, и, сквозь краснеющие стволы сосен, начали провёртываться берёзы; местами попадает ель, но корявая, обтянутая мохом, который густою бородою свешивается с ветвей. Наконец, мы достигли плоской равнины. Взвизгивание гагар и пронзительные крики чаек неслись к нам навстречу. Ещё несколько сажен — и мы на берегу небольшого круглого озера. Оно улеглось в седле между двумя горными пиками. Берега пустынные: кое-где, как сторожевые маяки, стоят на них громадные сосны. Вода чиста как хрусталь, но от чрезмерной глубины этого горного водоёма кажется чёрною. Множество гагар разных пород плавали по озеру. Они не пугались нас. Видно было, что здесь не часто их тревожат.

— Что же мы будем делать с сетью, какая здесь рыба, как она на эту высь заберётся? — обратился я к Волкову.

— Рыба есть; а как она сюда попала, уж этого я тебе объяснить не берусь! Пойдём к истоку Дур-Ель.

Идти было недалеко, не более ста сажен, по сухому, песчано-илистому берегу. Из озера выдвигался узенький заливчик, в остром конце которого образовался прорыв, сажен в пять шириною, служивший истоком Дур-Ель.

Тихо подойдя к заливчику, мы заметили в нём всплески рыбы. Алексей решил речку несколько ниже истока по перебору. Мы перебросили ему бечёвку и посредством её, перетянув ботальную мережу в узком месте заливчика, заперли рыбу. Затем, вырубив шестики, начали ими ботать. С первых же ударов по воде поплавки сети порывисто заиграли, беспрестанно окунываясь. Мы вытянули мережу, битком набитую карасями. Некоторые из них были более фунта.

Поздно возвратились мы к лодке; если б не компас, верный проводник зырян в их лесных странствиях, то, может быть, привелось бы ночевать на озере. Погода изменилась: в воздухе потянуло холодом и сыростью. На другой день свинцовые облака обложили всё небо, и зачастил дождь, мелкий, пронизывающий, обещая затяжное ненастье. При таком состоянии погоды мы не рискнули ехать далее в верховья Щугора и вернулись назад. Обратное плавание вниз по течению быстрого Щугора совершилось вдвое скорее. Выехав на Печору, мы встретили посыльных к себе с провизией и распоряжением отправиться вниз по Печоре вплоть до Гуляевских Кошек.

К Большому Камню

I

Раньше наши путешествия на Пижму, или Лупт, или Тобыш, — мы планировали загодя... Собирались, обсуждали, что брать с собой, проверяли маршрут и т. д. и т. п.

Эта поездка на Урал (Ыджыд Из — Большой Камень в переводе с коми языка) стала для меня совершенно неожиданной, — договоривались с Любой Розе съездить на Мезень, а буквально за несколько дней до отъезда она предложила поехать на Щугор, и я, конечно, сразу согласилась.

Щугор — это была моя давняя мечта! Вот как описывают эту реку в «Атласе Республики Коми» (Москва, изд-во «Дик», 2001 г.): «И без того стеснённая пойма реки прерывается живописными громадами известняковых пород Верхних и Средних Ворот Щугора. Величественные берега, часто переходящие в отвесные стены, пронизаны множеством гротов, пещер, ущелий. В одном из таких ущелий Верхних Ворот тугим потоком падает с головокружительной высоты щугорский водопад. На правом берегу возвышаются причудливые останцы — породы выветривания, напоминающие головы былинных богатырей...»

Вот куда стремилась моя душа на протяжении уже почти всей моей жизни. Но как-то так ни разу я и не попала на этот Щугор. Была на Кожыме, на Сыне, на Большом Патокке, на Вангыре, на Ильче, на Печоре, а вот на вожделенных щугорских воротах — никогда... Но, увы, и на этот раз я туда не попала... Долго объяснять, почему, да и не очень интересно. Зато Любе удалось договориться и получить

Галина БУТЫРЕВА

Галина Васильевна Бутырева. Поэт. Пишет стихи на коми и русском языках. Автор нескольких сборников стихов и путевых очерков. Член Союза писателей России, лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова (2005), заслуженный работник культуры Республики Коми (1994) и Российской Федерации (2011). Награждена медалью святого Даниила за содействие возрождения православной церкви (1996), медалью к Ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени (2005).

разрешение побывать в верховьях Щугора, — считай, на самом Урале, в Приполярье, за Пеленьерским перевалом (есть такая гора Пеленьер, думаю, искажённое от коми названия: или Пеля Нюр — Болото, которое слышит, или Пиля Нюр — болото, названное в честь некоего Филиппа. Скорее всего!).

II

...Не заезжая в г. Вуктыл (раньше его называли столицей газовиков: «Вуктыл — не тыл, а передовая», — писали местные журналисты...), мы повернули направо, и Люба с Центом (это Виталий Филиппович Цент, супруг Любы и наш водитель) долго спорили, правильно ли мы едем. Пока не заметили указатель (нечто вроде стелы с надписью КС-3). Кажется, это было то, что нам нужно: компрессорная станция, — здесь оставили для нас письмо — разрешение на проезд в «Югид ва», в национальный парк, через который проходила часть нашей дороги в верховья Щугора.

КС-3 оказалась совсем недалеко от хитроумного указателя (стелы), глядя на который можно было бы ещё долго спорить и гадать, куда ехать, — налево или дальше, вперёд...

Поехали налево. Немного сбились с пути, заехали на новостройку, где трудились тракторы, экскаваторы, МАЗы, где всё было перевернуто, казалось, вздыблено, — просто какая-то стройка века!.. И действительно, всё так и оказалось на самом деле, — строили новую КС, для нового газопровода из Сибири... Вернулись назад и вскоре выехали на так необходимый нам объект.

Это оказался целый комплекс зданий довольно крупных размеров. Слово одушевлённое нечто, в переплетениях труб, — вертикальных, горизонтальных, — оно дышало, шипело, работало!.. И при этом не было видно ни одного человека!

На пропускном пункте Люба наконец получила наше разрешение за подписью директора национального парка «Югид ва». И мы могли ехать. Но куда? Проехали в ворота КС, через огромную территорию новостройки под боком старожил-грудяги, и снова оказались перед воротами, закрытыми на замок!.. Озадаченные, постояли несколько минут, пока откуда-то не появился охранник. Проверил наши документы, и вскоре мы уже были на так называемом «зимнике», по которому и предстояло нам добираться до Щугора.

На карте эта дорога обозначена двумя пунктирными линиями. А рядом — газопровод «Сияние Севера». Ничего ни у кого до отъезда мы не спрашивали, поэтому где-то приходилось самим догадываться, где-то что-то прочитав по дороге на указателях...

Удивительное ощущение сопровождало нас по всему пути, будто мы через ворота КС попали в какую-то другую страну и теперь ехали как интуисты... Дорога укатанная, твёрдая, достаточно широкая, чтобы запросто могли

разъехаться два гиганта-грузовика вроде «Скании», шведского двадцатитонника. Трасса оказалась неожиданно настолько оживлённой, что просто не верилось, что она проходит через Урал в Сибирь, из Европы в Азию, через два очень серьёзных перевала...

А этим МАЗам, КРАЗам, «Сканиям», с прицепами и без, — с грохотом, с лязгом, с чёрными клубами выхлопных газов, проносающимся мимо нас, — казалось, всё было нипочём.

Наш выдавший виды «козёл», которого Люба почему-то обозвала «коростой», тоже бежал довольно лихо, местами больше 80 км, а то и все 100...

Но это было до поры. Дорога становилась всё круче, — и вверх, и вниз.

Темнота застала нас на реке Большой Емель. Там и заночевали. Палатку поставить не решились, шёл дождь. Виталий Филиппович лёг на двух сиденьях спереди. Мы с Любой — на заднем, сплошном сиденье. Полусидя, полужёжа подремали до рассвета и, даже не перекусив, поехали дальше.

III

На реке Большой Емель начиналась территория национального парка «Югыд ва».

Опять беру (уже дома, конечно) в руки «Атлас Республики Коми» и в разделе о национальном парке «Югыд ва» читаю: «Для сохранения близких к естеству ландшафтов, а также для избежания безжалостного вторжения человека — вот для чего создаются в основном природные парки»...

Да-а... Я понимаю. Но глядя на бесконечную, широкую просеку, прорубленную среди лесов, глядя на пропущенные сквозь десятки рек и ручьёв огромные трубы, глядя на перевёрнутые камни-валуны, мне было нелегко думать о том, что «избежать безжалостного вторжения» в жизнь деревьев, птиц, рыб, цветов возможно...

Однако как сохранить баланс между одной благородной задачей (сохранения естественного ландшафта) и другой благородной задачей (прокладкой газопровода из Сибири через Урал, а значит, и через уникальные уголки природы изначальной...), как?

Я не знаю. И боюсь, что пока нет иного способа доставить газ (а это тепло!..) в наши города и сёла, а также в дальние страны из холодной Сибири (каково звучит: тепло из Сибири...), и поэтому напротив действующего газопровода «Сияние Севера», по другую сторону дороги, уже строится новый газопровод, — тоже через Большой Камень, через Урал, через реки, и ручьи, и леса...

Поэтому навстречу нам то и дело мчатся многотонные грузовики, а тех, кто ещё только идут за перевал, мы обгоняем так часто, что начинает казаться, что мы едем не по «зимнику», который на карте и за дорогу-то трудно принять, а по оживлённой трассе где-нибудь в центре страны...

За рулём многотонных машин сидят уверенные, загорелые крепкие мужики (тоже очень сильное впечатление!..).

Только ленивый сегодня не старается лягнуть страну, якобы окончательно спившуюся, якобы совершенно не работающую... Мы встретили, наверное, около сотни машин, которые везли трубы, песок, щебёнку, кирпич, доски, камень... Куда? Что было там, куда они мчались со своим грузом: новый город, новая дорога, новый газопровод?.. Да! И дорога, и газопровод, — мы видели, — строятся, значит, и города, может быть, где-нибудь тоже вырастут, или построенные уже — Вуктыл, Ухта и др. станут лучше, краше! Наверняка станут! Потому что страна, оказывается, работает! Мы в своих городах у своих опостылевших телевизоров ничего не видим и не слышим, кроме того, что нам упорно из года в год вдалбливают: в твоей стране пьют, убивают, насилюют, грабят, воруют, обманывают... Всё чаще на улицах своих городов мужчин мы встречаем у мусорных баков, с каждым годом — моложе...

А здесь, на дороге, я испытала давно забытое ощущение страны-труженицы, страны огромной и могучей...

IV

...Наша «короста» уже успела нам полюбиться, несмотря на ветхость своих внутренних убранств. Время от времени мы похваливали её, подбадривали на подъёмах, которые становились всё круче: это на глаз было почти незаметно, но «короста» уже не тянула на третьей передаче, глохла... Значит, высота стала куда значительней!..

Теперь, вернувшись домой, я поражаюсь, как мы рискнули пуститься в этот неблизкий и очень непростой путь на такой машине?

Я говорю мы, но по справедливости надо бы говорить только о Виталии Филипповиче. Он — водитель. Это прежде всего он, отправляясь в такое путешествие, должен был увериться в своей машине как в себе. А мы что, мы, естественно, с полным доверием к нашему водителю. Тем более, — не чужой для Любы человек, муж. И тем более, что за рулём не первый десяток лет. Но за рулём «козла», оказывается, никогда не сидел! Да и машину купили буквально перед отъездом, механик еле-еле успел с осмотром...

Сначала слетела часть «дворника». Остановились, прикрепили к прежнему месту, поехали дальше.

Я сидела сзади. Смотрю, что-то чёрное и блестящее покатило к моим ногам... Оказалось, отвинтилась головка от рычага-переключателя передач... Вернули на место. И дальше, дальше...

Самое страшное случилось почти на вершине Пеленьерского перевала (1067 м как-никак). Не выдержало на каменистой дороге заднее правое колесо... Лопнуло!

Облака обступили нашу «коросту» плотным кольцом, и даже штормовой ветер не мог развеять их. Как назло, в этом месте оказалась и самая узкая часть дороги. Пойдёт какой-нибудь грузовик-гигант (вверх или вниз) и за-просто столкнёт нас туда, где торчат огромных размеров валуны...

Что испытывал Виталий Филиппович, меняя колесо, одному Богу известно. Без шапки, с мокрыми волосами (от пота? от тумана?) на штормяге, на мокрых камнях попеременно с раскисшей каменной пылью, превратившейся в жидкую кашу, он менял колесо, которое через полкилометра стало спускать, и пришлось его снимать тоже! — это было жуткое зрелище. Мы сидели с Любой в машине и боялись носа высунуть на этом перевале. Казалось, подует ветер ещё сильнее и снесёт нас вместе с нашей славной «коростой», как пушинку...

...Смотрю сейчас дома на карту Урала и вспоминаю, откуда дул ветер. Кажется, со всех сторон... Но, наверняка, он дул с горы Тэлпозиз (правильнее, наверно, Тёв-поз-из, в переводе «гора гнезда ветров»...). Вырвался из своего гнезда, налетел на нас и давай трепать...

Виталий Филиппович съездил с попутным самосвалом вниз, на базу (слава богу, здесь недалеко брали камни, везли вниз, где была камнедробилка, — а затем уже отправляли щебёнку на вуктыльские 30 километров песка...), там накачали спускавшее колесо, пока он вернулся, пока вставил его, прошло больше двух часов, и мы наконец поехали... Догадайтесь с одного раза, в какую сторону мы поехали? — вперёд или назад, вниз? Конечно, разумнее было бы поехать назад (с нашими двумя якобы колёсами...). Но мы поехали вперёд, на Щугор! До него оставалось километров 30... Ещё немного наверх, а потом вниз, и так до самого Щугора... Проехали, наверное, уже 3 водоохранные зоны, а Щугора всё не было. Люба в сердцах сказала: если следующая река не Щугор, поворачиваем назад! Сказала так решительно, что я даже немного испугалась, — не дай Бог! — когда мы в нескольких километрах от назначенного пункта. Но ура-ура! — наконец мы увидели указатель: р. Щугор!...

V

Сказать, что на нас Щугор в этом месте произвёл какое-то особенное впечатление — нет, нельзя. Обыкновенная горная речка, вся в камнях, в перекатах, в неглубоких ямах, чистая, быстрая, — как все реки на Урале...

Это было первое впечатление. А сейчас, дома, я вспоминаю о ней с какой-то непонятной грустью и даже нежностью... Как о близком человеке, с кем ненадолго свела судьба и развела...

...Помните, мы заезжали на КС-3 за разрешением? Так вот что было там написано. Разрешается въезд на территорию национального парка «Югыд ва» («Чистая вода» или «Светлая вода» — как больше нравится...), и потом ещё три или четыре пункта: запрещается, запрещается и запрещается...

В том числе и рыбная ловля. Запрещается!

А как соблазнительно бежала по камешкам, по валунам вода, — чистая, словно слеза, вода Щугора. Просто невозможно было не попробовать поймать хотя бы несколько хариусов на уху! Не могло быть, чтобы за камешками, за валунами, под большой скалой, за перекатом не прятались бы эти осторожные, красивые и очень вкусные рыбины...

Не стану лукавить, мы попытались её достать. Но слава богу, не поймали ничего (кроме одного красавца...). Почему? И ветер был правильный, и день не самый плохой, скорее — хороший, и время вроде подходящее... Что-то же помешало, и не было у нас на Щугоре ухи... Увы!

Левее от моста, через речку, были проложены несколько рядов труб газопровода: через всю речку шли пунктиры железобетонных плит... В большую воду их, наверняка, не видно, теперь же плиты торчали как-то даже несколько бесцеремонно, если можно так сказать, вызываяще, словно напоминание, кто здесь хозяин...

Чуть ниже через речку с правого берега увидели спуск и довольно ещё свежие следы больших машин... А на другом берегу следы были старые! Пройдясь вдоль русла, мы нашли причину такого несоответствия: машины шли по реке, — их следы остались между камнями, на плёсах... Кто так варварски вёл себя (на вездеходе, или МАЗе...)? Здесь, почти в самом сердце национального парка «Югыд ва»?

Мы были на Щугоре день и одну ночь. Нас так утомила дорога до реки, что не поехали на другой берег, где стояли какие-то строения и даже баня (на самом берегу Щугора, как раз там, где машины спускались в речку, чтобы переправиться на другой берег (так было когда-то...)). Теперь же они колесили явно не по суше: дорога на том берегу уже почти зарастает, зато следы на дне Щугора зияют как глубокие рваные раны... Вот так вот.

VI

Читаю в «Атласе Республики Коми» в разделе о национальном парке: «В первые минуты здесь испытываешь сомнения в богатстве местной флоры и фауны. Уж очень суровым кажется этот край угрюмых хребтов, холодных хрустальных рек и непроходимых лесов. Лишь со временем замечаешь огромное разнообразие парка».

И правда! Меня на Щугоре более всего поразила тишина. И вечером (уже в палатке), и утром (ещё в палатке) я прислушивалась к этой тишине и удивлялась. Почти не было слышно птичьих голосов! Казалось, пела одна, или только две птицы...

Однажды белка перебежала нам дорогу. И лишь на обратном пути мы увидели в сентябрьском небе трёх гусей: они пролетели над нами куда-то

к горам, а минут через десять вернулись целой стаей, — уже начались большие сборы. Скоро на юг.

Когда мы спустились ниже, к лесам, смотрим, на самом полотне дороги три большие птицы: тетёрка и два красавца-косача... Мы так и застыли на месте. И было слышно, как на своём птичьем языке завлекали подругу-тетёрку два кавалера, распушив бело-чёрные хвосты и вытанцовывая нечто завораживающее...

Подъехали ближе, чтобы сфотографировать. Но очень близко они нас всё же не подпустили, поднялись и перелетели на провода соседней электролинии...

«Среди 43 видов млекопитающих парка есть такие гиганты, как медведь, лось, северный олень. К редким видам относится соболь. Есть мелкая куница, горностай, ласка»...

«Из птиц — куропатки, тетерева, глухари, рябчики, совы, дятлы, клесты, снегири, — почти около 200 видов! — из которых почти 150 гнездятся, несмотря на суровый климат на Урале, — в поймах рек, в смешанных лесах, ельниках и т. п.»

«В парке «Югид ва» насчитывается 21 вид рыб из десяти семейств. Среди уникальных — атлантический лосось, а также доледниковые реликты — арктический голец, пелядь и сибирский хариус»...

Туризм здесь стал развиваться в 50-х годах двадцатого столетия: пешеходный, лыжный, водный, а также альпинизм. Но я не слышала ни от кого, чтобы по Уралу путешествовали на автомобиле. Оказывается, это возможно.

Вряд ли разрешат такой туризм в массовом порядке по этой дороге вдоль газопровода, а было бы очень интересно.

В сопровождении инструкторов любители автотуризма могли бы совершать увлекательнейшие путешествия через уральские перевалы из Европы в Азию! Увы, мы одолели только один перевал, следующий, говорили нам, гораздо серьёзнее, а только за ним — Сибирь... Остаётся удивляться, что с нашей «коростой» нам удалось преодолеть хотя бы первый. Но ей-богу, несмотря на все трудности, несмотря на все наши неудобства в пути, я бы отправилась в такое же путешествие (но уже за Урал, до конца этой дороги, до п. Приполярный) ещё раз...

Сама дорога стала открытием для меня, — через горы — автомобильная дорога!

И газопровод — через леса, болота, скалы, реки — это, конечно, тоже потрясающее впечатление: от работы тех, кто вложил сюда свой труд, — строители, водители большегрузных машин, экскаваторщики, геологи, газовики... Господи, да просто невозможно представить себе, сидя где-нибудь в городской квартире в Сыктывкаре или даже совсем рядом, в Вуктыле, например, эту дорогу, этот газопровод! Их надо показывать детям (хотя бы старшеклассникам!), чтобы знали, что оставили их деды, что представляет собой их страна!

Когда навстречу твоей машине день и ночь вдоль всего газопровода через леса и горы летят многотонные грузовики, вдруг начинаешь осознавать

величие своей родины, её мускулы, её мозги: кто это сидит за рулём, кто придумал этот газопровод, а самое главное, кто всё это построил, когда, за сколько лет? За сколько человеческих жизней?

Люди, которые стоят за всем этим, наверняка не считали, что они совершают нечто героическое. И когда журналисты писали о них и называли их героями, читающие эти строки наверняка называли это преувеличением, «красным словцом»...

Нет! Правда, эти люди были героями... И те парни, которые водят гружёные «МАЗы» и «Скании» через Урал сегодня, тоже герои. Как им трудно, как непросто от того, что приходится преодолевать... Такое по плечу только избранным. Нужен особый талант, и смелость нужна, и сила, чтобы пройти этот путь. Даже для водителя нашего «козлика», Виталия Филипповича Цента, понадобилось изрядное мужество, и здоровье, и терпение, и выдержка, чтобы мы взяли тот перевал... Что уж говорить о парнях, которые везут по этой же дороге по 8–20 тонн, нередко с прицепами...

Не перевелись богатыри на нашей земле! Не перевелись люди, умеющие работать, умеющие строить, умеющие планировать, наконец... Ведь было время, когда не существовали ни этот газопровод, ни эта дорога, ни КС-ы, — ничего не было... Но ведь есть! И будет, — и новый газопровод, и новая дорога, и новые КС-ы...

VII

Наше путешествие закончилось на Печоре. Это на обратной дороге мы заехали на облюбованные уже ранее моими друзьями места. Не успели пристать, Люба уже побежала на реку. Кто бывал на концертах Любы Розе, боюсь, им трудно представить её в резиновых сапогах-комбинезоне (на сцене-то она в других нарядах...), застывшую, как изваяние над рекой, редко на берегу, чаще где-то на середине реки, на самой струе... Так она может стоять с удочкой в руках и час, и два, и больше...

Уже стемнело, я давным-давно потеряла терпение и вернулась к костру, а Люба (точнее, тёмная точка на печорских просторах) оставалась на реке... И ведь выловила — и на уху, и на жарёху! И так всегда, на любой реке, где она рыбачит: на Ухте, на Тобысе, на Ухтарке, на Ижме, на Лемью (Печорской), на Ропче, на Белом озере... (на Щугоре того «красавца» кто поймал?..)

Любовь Петровна Розе, сибирячка. Закончила музыкальное училище в Абакане, институт культуры в Ленинграде как руководитель народного хора, почти всю свою сознательную жизнь живёт в Ухте, сейчас работает в отделе по связям с общественностью в «Севергазпроме». Любовь Петровна самая что ни на есть профессиональная рыбачка. С младых ногтей начала

заниматься рыбной ловлей на бурных алтайских реках. И до сих пор в каждую свободную минуту рвётся к воде, к воде, к воде!..

Я тоже люблю бывать на реках, ловить рыбу, и даже иногда довольно удачно, но мне до Любви Петровны ой как далеко...

Ни терпения, ни опыта у меня такого, как у Любы, и близко нет. Но тем не менее, мы иногда пересекаемся с нею на рыбалке: то на Вашке, то на Мезени, то на Тобысе, а тут вот рванули было на Урал, но (снова говорю, слава богу!) нам не удалась рыбалка, и совесть наша чиста, не нарушили мы запреты тех, кто стоит на страже наших богатств в «Югд ва». Словно сама природа радела за наши души, — чтобы не отягощать их чувством вины перед законом, а, наоборот, помочь очиститься от всего, что накопилось там недоброго... И это природе удалось. Мы вернулись с Урала такие счастливые, такие умиротворённые, будто и не было ничего трудного, ничего опасного, ничего неудачного...

К слову сказать, если бы можно было, Люба вообще бы не вернулась в Ухту, осталась бы на Печоре (несмотря на то, что всё-таки боится, всё-таки страшно бывает, когда она одна ночует в палатке или у костра...). Но мы вернулись все вместе. И на последнем отрезке пути нас ожидало последнее испытание: кончился бензин... До ближайшей заправки в Нижнем Одесе оставалось 30 км. Вечерело. Мы всё чаще поглядывали на стрелку... Она уже давно была на нуле, но мы ещё какое-то время продолжали лететь по асфальту (После сотни с половиной километров по камням и по песку это было так приятно... Кстати, то колесо, которое спускало, вело себя на протяжении всего остального пути вполне прилично! И, естественно, мы не меняли его, хотя и нам подвезли другое, вероятно, хорошее: ещё на перевале мы звонили в Ухту, и с попутной машиной нам отправили дорогу «посылку»).

...Виталий Филиппович позже несколько раз повторял — это нам Бог послал знакомого водителя. На одном из мостов мы заприметили грузовик, оказавшийся машиной из ухтинской фирмы его сына.

Грузовик тащил нас все 30 км до Нижнего Одеса, вплоть до бензоколонки. А уж с бензином-то чего не ехать...

Около полуночи мы были в Ухте.

...Несмотря ни на что, нашу дорогу на Большой Камень невозможно назвать неудачной. Разве может идти речь о какой-то неудаче, если ты обретаешь в пути самого себя, если к тебе возвращаются давно не испытываемые чувства, если ты понимаешь, что всё ещё способен удивляться, потому что на свете всегда найдётся нечто, что ты никогда не видел, не знал, и вот оно — только для тебя...

Урал — это огромная страна, которую ещё предстоит открывать и открывать человечеству: туристам, альпинистам и, конечно, строителям дорог, газопроводов, КС, и т. д. и т. п. За Уралом-то «холодная Сибирь со своим теплом». А куда человечеству без тепла?..

Авг. 2006 г.

Павел ЛИМЕРОВ

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт-Лад», член СП России, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, кандидат филологических наук. Область научных интересов: фольклористика, этнография, мифология, религиоведение, история литературы. Автор более 200 научных публикаций, в том числе девяти книг.

Щугорский нарратив

РАССЕКАЯ хребет Урала, Щугор мчит свои воды сквозь скалистые берега, поросшие дремучим ельником и кустистым ивняком — по порожиному руслу, — с шумом разбиваясь об огромные гранитные камни и обтекая их прозрачно-пенистыми рукавами, а затем, вобрав в себя воды многочисленных своих притоков, плавно, подобно великой реке, вливается в Печору полосой ровной живой лазури. Реки слагаются притоками. Печора слагается из бесчисленных малых притоков и трёх больших: Ижмы, Усы и Щугора. Ижма и Уса заселены издавна, но Щугор остаётся безлюдным, как и сотни лет тому назад. Безлюдье Щугора всегда привлекало сюда изгнанников. Здесь скрывались от преследований сторонников Никона-патриарха приверженцы древлего благочестия — староверы, ставившие свои скиты и избы в глухой парме, здесь находили приют разного рода дезертиры, убегавшие от войн и неурядиц, с начала XX века сотрясавших Россию, сюда бежали печорские крестьяне, спасаясь от коллективизации. Светлые воды Щугора смешивались и со слезами уходившей за Урал чуди — язычников-коми, уносивших свою веру и свои святыни от Стефана Пермского и русского бога.

Пам Сотник и его верные уходили вверх по Щугору за Камень, чтобы в Сибири обрести новую родину и раствориться в сибирских народах. Сын легендарного Сотника, Пам Бурморт, не стал бороться с христианством. Он ушёл в странствие и обрёл новую Истину. Вернувшись седовласым старцем, все отмеренные ему судьбой годы учил людей, как жить в мире со всем миром и с самим собой, и умер, окружённый многими учениками. Последнего

из них встретил где-то на Щугоре Каллистрат Жаков уже в самом конце XIX века. Из записей на деревянных досках он узнал о жизни Пама Бурморта, проникся его учением и выплакал на берегу реки всю горечь, что накопилась в его сердце за годы странствий, и исполнилось его сердце покоем. В 1905 году в Санкт-Петербурге вышла его книга «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом», в которой он рассказал эту историю. Правда это или литературная мистификация самого Жакова? Нам никогда не ответить на этот вопрос, но правда в том, что Жаков в своей книге опирался на воспоминания о своей первой этнографической экспедиции 1899 года, во время которой он побывал в Коми крае, в том числе на Печоре и на Щугоре. После этой экспедиции Жаков уверенно позиционирует себя знатоком зырянского язычества, пишет известную статью «Языческое мирозерцание зырян», а позднее — новеллы, герои которых и являются носителями этого самого «мирозерцания».

Мои представления о Щугоре изменялись с возрастом. В шестнадцать, на первом курсе речного училища, я слышал о красоте Щугорских ворот от курсантов-старшекурсников, ходивших в походы на гору Саблю. Неимоверная чистота щугорской воды рождала легенды: туристы уронили в воду ящик водки и видели на дне каждую из вожделенных бутылок, но достать не смогли — не позволили десять метров глубины. Позже, работая на теплоходе, я сам видел, как синее с голубым отливом течение Щугора вливается в воды Печоры и, устремляясь вниз, ещё долгое время сохраняет свой неповторимый оттенок. Теплоходы, проходя мимо устья Щугора, обычно сливали воду из всех ёмкостей, и команда набирала голубую, щугорскую, самую чистую в мире. В годы аспирантуры, начитавшись Жакова, я уже знал, что Щугор течёт мимо Тёв поз из — Горы гнезда ветров, жилища сурового бога северного ветра Шуа-Войпеля, и именно там, по Жакову, древние зырянские боги во главе с небесным Еном устраивали свои собрания. А ещё позже в моей голове произошёл щелчок, и я вдруг понял: это нашего Войпеля древние греки называли Бореєм, а его страну — Гипербореєм. Так что с тех давних студенческих лет Щугор для меня был пространством скорее мифическим, чем реальным притоком Печоры.

Поэтому, когда мне предложили поучаствовать в экспедиционной поездке на Щугор, я не сразу согласился. Надо было привыкнуть к мысли, что Щугор — это не Нарния, что он существует реально. Разве что древние греки эту часть Урала и называли когда-то Гипербореєм. Елена Шубницина, заместитель директора национального парка «Югыд ва» по науке, объясняла в трубку, что цель экспедиции — найти места бывших старообрядческих поселений на Щугоре. Их было немного, они обозначены на карте, но надо выяснить их конкретное расположение по берегу Щугора, посмотреть, что осталось от них. На первый взгляд, идея показалась мне вполне интересной, о щугорских старовеерах я читал у того же Жакова, но главное — фантастическая возможность попасть в Гиперборею, увидеть своими глазами и знаменитые Щугорские ворота, и даже само Гнездо ветхого годами Войпеля! Забегая вперёд, скажу, что

мы не нашли ровным счётом ничего: люди покинули берега Щугора, и места бывших деревень стали законной добычей леса, засеявшего их кедрами, соснами и иван-чаем. Но гора Тельпосиз, на которой живёт северный ветер, — стоит, как и во времена Жакова, и держит выше облаков свою ледяную голову — гордо, и будет так стоять, даже если все народы вдруг покинут эту планету.

НАЧАЛО экспедиции было назначено на 5 июля. Договорились, что мы со Светой, моей женой, едем на своей машине, забираем в Эжве Шубницу, а в Ухте подбираем ещё двух участников экспедиции — Сашу Чувьюрова и Андрея Беляева — и катим до самого Вуктыла. Сашу Чувьюрова уже давно никто не называет Сашей. Он давно привык к имени и отчеству: Александр Васильевич — уважаемый сотрудник Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, этнограф, специалист по старообрядчеству, ученик знаменитого К. В. Чистова. Но я знаю его со времён студенческой молодости, поэтому он для меня — просто Саша. Андрей Беляев — коренной питерский человек. По образованию он физик и до перестройки работал в одном из ленинградских НИИ АН тогда ещё СССР. Заочно учился в аспирантуре, работал над кандидатской диссертацией, но защититься не успел: как и многим, ему помешала перестройка и ставшее банальным хроническое безденежье бюджетников. Нужно было зарабатывать, кормить семью, и он ушёл из науки. О Щугоре узнал из интернета уже в середине 2000-х годов и загорелся идеей там побывать. На мой вопрос — как же он попал в парк — Андрей ответил так:

— Ну как в парк попал, где-то в 2007 году, наверное, впервые. Списался с парком, контактировал с Фомичевой и ныне исполняющей её обязанности Шалагиной Натальей. Тогда она, кажется, заведовала туризмом и экопросвещением. С тех пор, наверное, раз 10 там был, и в одиночку, и с кем-то из своих. Что-то иногда для парка делал. То, что я конкретно про Щугор знал уже существенно больше, чем многие в парке. Люди поняли. Предложили поработать у них на полставки. Кто именно предложил, как потом выяснилось — версии разные, не проверишь. Со временем на полную ставку перевели.

Я считал, что Nissan X-Trail — большая машина, но после того, как загрузили вещи Елены Игоревны, я пожалел, что X-Trail не микроавтобус. Так что для Саши и Андрея мест в машине не оказалось, и, разочарованные, они поехали из Ухты на Вуктыл в рейсовом автобусе. В город Вуктыл мы не заезжали, а сразу свернули на Подчерье и прибыли в село уже в половине двенадцатого ночи. Ночевали в свежесрубленном гостевом доме парка — еле добрались до постелей и — полная отключка.

Город Вуктыл выглядит удручающе. Когда-то во времена СССР здесь кипела жизнь, строились жилые дома, приезжали люди со всех уголков необъятной страны, рожали детей, так что на заре перестройки, в 1984 году, рабочему посёлку присвоили статус города. Его сегодняшнее состояние можно назвать агонией. Построенное в Советском Союзе ветшает, разрушается,

П. Лимеров, С. Тимушева, А. Чувьюров, А. Беляев

новое не строят. Да и зачем, кому? Кажется, покинуть этот город стремятся все, кто не работает на предприятиях Газпрома. С утра мы въехали в этот город, сразу ощутив характерную атмосферу тления, словно города коснулось крыло пандемии, гораздо более страшной, чем пресловутый ковид. Дирекция национального парка «Югд ва» размещается на двух этажах убогого панельного трёхэтажного дома советской постройки, и это мало соответствует международному статусу парка. Небольшой музей парка занимает три смежных помещения и производит приятное впечатление своими экспонатами. Директор парка, Татьяна Фомичева, миловидная женщина со светлыми крашеными волосами, показывала нам музейные редкости, уникальные исторические фотографии и связанные с ними истории. И одна из этих историй вдруг заставила меня насторожиться. Она говорила о жителе села Подчерье Василии Мезенцеве по прозвищу Васька-партизан, который, убежав от мобилизации в 1943 году, скрывался на Щугоре больше двадцати лет. Она подчёркивала, что Васька-партизан не был трусом, но воевать ему запрещала вера, — он был старообрядцем. Я тогда подумал, что вера здесь ни при чём, мало ли староверов воевало на фронтах той войны. Но история Васьки-партизана показалась мне удивительно похожей на историю Ардальона, одного из героев романа Геннадия Юшкова «Чугра». Однако вид угасающего города был малоприятен. Вукгыл напоминает кадры из фильма «Сталкер», словно мы прибыли сюда не за тем, чтобы прикупить продуктов и заполнить проездные в парк, а за хабаром, и вот за углом уже промелькнул хвост символической чёрной собаки Тарковского.

ПОСЛЕ Вуктыла Подчерье кажется земным раем. Это старинное коми село расположено на правом берегу реки Печоры, в устье реки Подчерем. До революции здесь жили в основном коми староверы, но в пятидесятые годы XX века село разрослось за счёт леспромхоза и запани. Рабочий посёлок рядом с селом оказался на порядок более многолюдным, так что староверы коми стали постепенно забывать свой язык и свою старую веру. Зато в селе кипела жизнь, и кроме работы в совхозе можно было устроиться хотя бы и на ту же запань, катать брёвна в сплотки. Подчерская запань являлась довольно мощным предприятием. Дело в том, что долгое время по верхней Печоре был разрешён молевой сплав. Брёвна плыли по реке сами по себе, а в районе Подчерья натыкались на боны, установленные чуть ли не по всему руслу. Эти брёвна связывались в так называемые пучки — из них затем составлялись плоты, которые и тянули теплоходы Печорского пароходства аж до самого Нарьян-Мара. Молевой сплав всё-таки запретили в 1980-е годы, а после закрытия леспромхоза население в Подчерье значительно убыло. На сегодняшний день в Подчерье едва ли более 700 человек. Так что некогда многолюдное село сегодня переживает не самые лучшие времена.

Тем не менее в Подчерье легко дышится. Мы прошлись по селу, по посёлку, и по-деревенски приветливые люди с нами здоровались. По середине улицы катались на велосипедах дети, громыхая железом, мимо нас проехал самый настоящий артефакт из советского прошлого — ЗИЛ-157, копия американского «Студебеккера». Я даже и не предполагал, что где-то, кроме разве что «Мосфильма», такие авто существуют. Сходили и на кладбище: посетить старообрядческие кладбища являлось одной из наших этнографических задач. Могилы староверов отличаются от всех остальных характерными доминанами из цельных брёвен, сложенных в 3-4 венца. Точно такие я в 1990-е годы видел у восточных хантов на Салыме. Разве что коми староверы берестой доминану не покрывали да ставили на могиле крест восьмиконечный, древлеправославный.

Евгений Фефилов, среднего роста, говорит солидным баском, неторопливо, немного растягивая слова — сразу видно: мужчина самодостаточный. Ему под пятьдесят, хотя выглядит молодо. Евгений не местный: в Подчерье приехал в 1992 году после окончания Сельхозакадемии. Он учился на биолога-охотоведа, поэтому сразу нашёл место инспектора в только что открывшемся национальном парке. Глянулось ему Подчерье, да и женился вскоре на молодой учительнице коми языка и литературы. Как это часто бывает, мы вскоре нашли общих знакомых: он когда-то бывал на Удоре, в доме моего сослуживца и друга Николая Евсеева, а его жена Алёна училась в Гимназии искусств в то время, когда я ещё преподавал там этнографию. Женя и рассказал мне историю Васьки-партизана, иначе — Василия Мезенцева, дезертира поневоле, отбывавшего свой срок в непроходимой парме 25 лет. Привожу его рассказ дословно, без исправлений — так, как он его по моей просьбе записал.

Василий Афанасьевич Мезенцев (Васька-партизан)

(по рассказам жителей села Подчерье)

Шёл 1943 год — третий год Великой Отечественной войны. Василия Мезенцева, уроженца деревни Орловки, что на реке Подчерье, призвали, как и других его сверстников, на войну. На то время семья Василия получила две похоронки на старших братьев, погибших на войне. Призывной пункт находился в городе Печоре. Пароход с призывниками на борту остановился в посёлке Кырта. Василий Мезенцев с парохода сбежал. Скрывался Василий в тайге примерно 25 лет, вплоть до объявления амнистии дезертирам. Построил сеть избушек (пользовался и уже построенными ранее) и промышлял пушнину, зверя. Пушнина в то время очень ценилась. Связь поддерживал с родственниками (тайно), проживающими в деревне Орловке. Сдавал им пушнину, от них брал основные продукты питания, инструмент, одежду.

Василий в послевоенное время нанимался в геологоразведочные экспедиции проводником. Рассказывают, что у него у первого из местных жителей появились резиновые сапоги (бродни), наручные часы, рыболовная леска. Тайгу знал как свои пять пальцев. Был очень мастеровой в плотницком и столярном деле. На базовой избе, находящейся в глухой тайге на реке Тельпос, делал даже лодки. Базовая изба стояла на маленьком ручейке-ключике в лесу, окружённом с трёх сторон болотами, найти её было довольно сложно. По рассказам рыбаков, в этой избе находились старые церковные староверческие книги. Изба была примерно четыре на четыре метра, довольно высокая и просторная для одного человека. К ней был пристроен навес. В избе была глинобитная печь с лежанкой и очагом (русская печка). Изба имела два окна и была довольно светлой. Двери, окна, стол, табуреты — всё было сделано мастерски на месте. Рядом с избой находился небольшой огород. Рассказывали, что в этой избе небольшой период Василий жил с женщиной, и у них родился ребёнок, умерший в младенчестве.

После объявления амнистии Василий вышел в село Подчерье и ушёл в староверческую веру, охотился, рыбачил. Какое-то время жил в городе Котельниче Кировской области. После жил в деревне Скаляп, что на верхней Печоре. Возглавлял там староверческую общину. Последний период жизни проживал в селе Подчерье, где и умер. Рассказывают, что был человеком малообщительным, о своей жизни в тайге мало что рассказывал. Был очень мастеровой, делал отличные ходкие деревянные лодки и охотничьи лыжи.

Василий Мезенцев вышел из пармы и сдался властям в 1966 году. Это событие даже не всколыхнуло тихую и размеренную жизнь односельчан, занятых строительством социализма, однако вскоре стало известно всей республиканской общественности. Главная газета республики, «Красное знамя», откликнулась на это событие сенсационной статьёй с интригующим названием «Уйди от мира сего...», где Васька-партизан представлен человеком, ищущим спасения от войны в припечорских лесах. Итогом двадцати трёх лет одиночества стала полная моральная деградация этого человека, и последние фразы статьи выглядят как приговор его бесцельно прожитой жизни: «Уйдя от мира сего, он спас тело своё. Но душу он погубил, обворовал, сделал её нищей». Авторы не осуждают своего героя, по их мнению, сама его жизнь почти в четверть века в одиночестве, в тайге — и так достаточно суровое наказание.

Через сорок лет к этой теме возвращается сыктывкарский журналист Анна Сивкова. Она проводит собственное расследование истории Васьки-партизана, и в шестом номере газеты «Дым Отечества» за 2006 год выходит её статья «Восемь тысяч дней одиночества». Конечно, 2006 год далеко не 1966, автора статьи не сдерживают рамки советской этики (или цензуры), поэтому события тех лет получают уже совсем иную интерпретацию. Нежелание Василия Мезенцева уйти подальше от фронта в том далёком 1943 году автор объясняет тем, что тот был истинным старообрядцем и следовал евангельской заповеди «Не убий». Спорное утверждение: получается, что из всех печорских староверов только Василий Мезенцев оказался строгим приверженцем этой заповеди. Мы уже никогда не узнаем настоящих мотивов поступка Василия Мезенцева, но правда в том, что никто из земляков его не осуждал, и пользовался он до самой своей кончины авторитетом. История щугорского отшельника была известна и писателю Геннадию Юшкову, не единожды посещавшему верхнепечорские сёла и деревни. Мы можем только догадываться, насколько глубоко запала в душу молодого писателя драма Васьки-партизана, но он включил её как одну из главных сюжетных линий своего первого романа «Чугра». И Василий Мезенцев стал прототипом героя этого произведения.

Роман «Чугра» вышел в 1981 году в Коми книжном издательстве. Немного погодя в этом же году московское издательство «Современник» опубликовало его русскую версию в переводе с коми Александра и Луизы Рекемчук. Роман сразу был признан событием культурной жизни общесоюзного масштаба, поэтому уже в 1982 году Г. Юшкову за этот роман присудили премию Союза писателей РСФСР. Признание более чем закономерно, если учесть, что выход романа стал итогом двадцатилетней работы писателя, в ходе которой ему пришлось не только побывать в тех местах, где разворачиваются события романа — в верховьях Печоры, в Ухте, но и в некотором смысле принимать участие в этих событиях, общаясь с геологами и коренными печорцами — охотниками, крестьянами, староверами. Роман не был обойдён вниманием литературной критики, хотя мнения критиков и не отличаются особым разнообразием. Фактически все они сходятся во мнении, что роман представляет собой крупномасштабное эпическое произведение, основной темой которого

является освоение Севера. Однако роман не так прост, как представлялось советским критикам, да и советским читателям тоже.

В романе две главные сюжетные линии, охватывающие значительный круг событий и взаимосвязанные друг с другом. Первая посвящена теме освоения Севера, а другая — раскрывает эпопею жизни печорской семьи Бажуковых. Героями первой темы являются геологи, буровики — те, кто выполняет цивилизаторскую миссию, «покоряя» первобытную стихию. Герои второй линии — печорские крестьяне-старообрядцы, охотники, рыболовы. «Освоение» Севера означает в буквальном смысле вторжение на обжитые ими территории, разрушение векового уклада их жизни, их культуры, религии, всего того, что они понимали под словом «родина». Что же даёт взамен такое «освоение» коми народу? Каковы перспективы его жизни на «освоенной» государством земле его предков? Вторая сюжетная линия романа, история семьи Бажуковых, должна дать ответы на эти вопросы. И эта история даёт однозначный ответ: никакой перспективы для жизни на своей земле этому народу уже нет. У него есть два выхода: перейти на сторону «покорителей» и зарабатывать себе карьеру, блага — как это делает последний из семьи Бажуковых, Павел, или исчезнуть с лица земли: спиться, умереть, уйти в парму, как это делает Ардальон, отец Павла.

Село Горвадин (Подчерье), в котором происходят события романа, не является земным раем. 1919 год. Сельское общество, прежде делившееся на богатых и бедных, расколото на белых и красных. Идёт гражданская война: убийства, продразвёрстка, голод. Виринея, старшая из семьи Бажуковых, оставшись без мужа, терпит лишения вместе с сыном Ардальоном, но не приемлет власть красных, и во время белого мятежа принимает сторону своих «классовых» врагов.

Независимая и свободолюбивая, Виринея не приемлет новый миропорядок, она строит дом на сосновом юру близ деревни Югид Ляга, предпочитая колхозу своё хозяйство. Как не вступившую в колхоз, её обкладывают непосильными налогами, а затем и вовсе ссылают в лагерь. Сын Виринеи, Ардальон, вынужден идти в колхоз, чтобы прокормить семью и не стать изгоем. Он поселяется в деревне, но Виринея, вернувшись из лагеря, не может смириться с утратой своего дома, своей личной свободы, она возвращается в родной дом только для того, чтобы умереть в нём. Судьба Ардальона, единственного сына Виринеи, трагична. Оклеветанный односельчанином, он отбыл срок в лагере, но его, стремящегося домой, мобилизовали на войну. В целом, в отличие от Виринеи, Ардальон принял новую власть, но в силу несправедливости приговора он уже не доверял ей, поэтому мобилизацию без разрешения побывать дома также считал несправедливой и сбежал от неё. Ардальон не трус, в этом побеге им движет не страх перед войной, а скорее, чувство родины, без свидания с которой уже не милы ни жизнь, ни смерть. Ревекка, его жена, фактически отказывается от мужа-дезертира, и Ардальон вынужден просить помощи у бывшего своего недруга Гурия, сына кулака Евстахия, сгинувшего в лагерях. Это объединение двух изначально враждебных по отношению друг к другу героев символично. Гурий, несмотря на то, что несколько негативно описывается автором, по сюжету романа фактически является хранителем традиционных крестьянских и

старообрядческих ценностей. Ардальон принимает его сторону, точно так же, как некогда поступила Вириная, примкнув к Евстахию во время белого мятежа. Символично и то, что Ардальон поселяется в землянке у подножия горы Чугры, как бы став её частью, частью самой природы, родины. В образе горы Чугры угадывается та самая гора Тельпосиз, внизу которой, на речке Тельпос, стояла изба Василия Мезенцева, Васьки-партизана. Конечно, судьба литературного Ардальона — не копия судьбы Васьки-партизана. Нам не дано знать, что на самом деле думал и чувствовал этот человек, проживший в тайге половину жизни, и что привело его к вере в Бога. Геннадий Юшков в своих творческих командировках наверняка встречался с этим человеком, но его Ардальон, в отличие от Василия Мезенцева, так и не вышел к людям. Трагедийность судеб Ардальона и Павла в том, что они уже принадлежат разным мирам: Ардальон остаётся в мире, который уничтожает его сын, и это его мир воцаряется на Печоре.

НЕ о таком покорении Севера ратовал в своё время Каллистрат Жаков, когда заметил в одной из статей: «Север наш — будущая русская Америка, а не летний сад». Он полагал, что возрождение России начнётся именно с Севера, с освоения его богатств, но оно должно было происходить через самих зырян. Для этого требовалось дать им образование, включая родиноведение: «надо обязать учащихся в летние каникулы работать на тех или иных отраслях промышленности и земледелия, участвовать в творении жизни на Севере...». Участвовать в творении жизни... Появись Жаков на Печоре в наше время, он подумал бы, что конец света уже наступил. А в 1908 году он предотвратил безумный, как ему тогда казалось, проект Министерства Земледелия, связанный с переселением латышского населения Лифляндской и Курляндской губерний на Печору. На их место предполагалось привезти немецких колонистов, а латыши осваивали бы Печорские земли. Наверно, трудолюбивые латыши прижились бы на Печоре, однако такое масштабное переселение уничтожило бы самобытность и латышей, и зырян, здесь проживающих. Как пишет биограф Жакова: «Предстояло обоюдное изменение прежнего уклада жизни и исчезновение стародавних традиций». Жаков известил об этом замысле Императорскую Академию наук, и эта история получила широкую огласку. Только благодаря вмешательству Жакова планам переселения не суждено было сбыться, но спустя 30–40 лет на Север стали завозить людей со всех советских республик и областей, во многом через ГУЛАГ, и уже не возникало даже мыслей о какой-то там самобытности местного населения.

Путь на Щугор начинается в Подчерье. Герой одной из новелл Жакова Дарук Паш по зимнему пути на оленях поднимался по реке Подчерем почти до верховьев, затем перемещался мимо горы Тёл поз из по одноимённой речке на Щугор и по замёрзшему руслу реки переходил через Урал к городку Ляпину (сейчас он называется Саранпауль — Зырянское село). В 1950–70 годы этот маршрут интенсивно осваивался туристами. Они поднимались бечевой порядка 100 км по реке Подчерем, затем волоком переходили перевал на Щугор и сплавлялись вниз по реке 300 км. Сейчас добраться до Щугора

проще. От Вуктыла вдоль газопровода «Сияние Севера» протянута грунтовая дорога, которую газовики называют «вдольтрассовый проезд». Несмотря на устрашающее название, по нему можно благополучно добраться до верховьев Щугора, надо только оформить разрешение у руководства Компрессорной станции — КС-3. Мы выехали из Подчерья на парковской «буханке» 7 июля в 9 утра и к 10 часам уже подъехали к посту КС-3 Газпрома. Шубница отправилась оформлять пропуск на трассу, ждали её долго, около часа — не иначе начальник охраны отправлял запрос на разрешение самому Миллеру. Как бы то ни было, ворота всё же открылись, мы проехали КС и, наконец, попали на трассу. Дорога не показалась изнурительной, хотя ехали долго. Оказалось, что Урал совсем рядом, стоит только немного уйти от реки Печоры на северо-восток. Дорога всё время поднимала нас вверх, как оказалось, мы перевалили через «хребет Тимаиз» — и увидели горы. Может быть, Уральские горы не так высоки, как Алтай или Кавказ, но они не менее величественны. Мы пересекали верховья каких-то рек, из них я знал только Илыч, приток Печоры, а потом дорога пошла круто вверх, и Андрей Беляев сказал, что мы поднимаемся на гору Пеленёр, в переводе с языка манси «каменная гора». На вершине этой горы лежат обломки вертолёта, и туристы обычно выходят из машин ими полюбоваться, сфотографироваться на их фоне и, вообще, задуматься о бренности бытия. Спуск с горы менее утомителен, и вот он, Верхний Щугор и кордон национального парка.

Готовились к отплытию часа три. Накачивали лодки, пришлось даже их чинить: лодка нашего руководителя оказалась дырявой. Андрей, как человек с большим опытом сплава, раз за разом заклеивал очередное отверстие, надувал лодку и обнаруживал новое — так продолжалось довольно долго. Наконец, лодки были спущены на воду. Сформировали экипажи: Светлана села в лодку Шубницей, я поплыву с Сашей Чувьоровым, а Андрей Беляев — один на своей байдарке. Долго укладывали и привязывали вещи. Опыта в этом деле не было никакого, поэтому Сашин огромный рюкзак, наша со Светланой красная гермосумка, два рюкзака с продуктами и коврики заняли всё пространство лодки. Саша как-то устроился на носу, сделав себе что-то вроде сиденья, а для меня места не оказалось, и я поехал, свесив ноги с правого борта нашего судна. Оттолкнулись, до свидания, Верхний Щугор!

Конечно, какой-то опыт управления лодкой у меня был. Всё-таки я рос на реке и с детства видел, как управляются двулопастным веслом. Но воды под днищем лодки было так мало, что приходилось больше этим веслом отталкиваться, чем грести. Вдобавок быстрое течение всё время несёт на валуны, которые во множестве разбросаны по руслу. А верховья рек, как известно, не отличаются шириной, и Щугор в этом смысле не исключение. Так что пространства для манёвра у нашего неопытного экипажа не было, и мы постоянно стучались о камни, протискивались над ними, царапая днище лодки, выскакивали из лодки, перетаскивая её через очередную мель. Вдобавок Щугор поздравил меня с праздником Ивана Купала — я упал с лодки и весь вымок. Вот так мы плыли по Щугору первые три километра, после чего сделали остановку на островке.

Мы с Сашей прибыли последними, — уже весело потрескивал сучьями костёр, а Светлана готовила еду. Выгрузили из лодки вещи и устало сели возле костра. Эти первые три километра вымотали лично меня больше, чем все остальные 297. Думалось: «Неужели придётся и дальше так плыть? Зачем мне всё это?» Поужинали макаронами с купленной нами фермерской тушёной — вкусно. И сразу прошли раздражение, усталость, даже комариный писк казался не таким занудным. Пили замечательный чай из Шашиных запасов, а затем пошли по палаткам: спать, спать, спать...

Утро было ярким, солнечным. Вообще, с погодой нам повезло. Андрей говорит, что такие солнечные дни на Щугоре редкость. Погода здесь стабильно прохладная: обычно идёт дождь, бывает и снег. Вода необыкновенно чистая, солнце бликует по поверхности воды, и камни на дне, словно живые круглые черепашки, передвигаются вслед солнечным бликам. Обычная еда, приготовленная на щугорской воде, кажется особенно вкусной. А чай! Это песня, а не чай. Второй день нашего сплава показался мне самым трудным. Я так и не сумел правильно устроиться в лодке: рулон коврика, на котором я сидел, не обеспечивал меня нужной высотой, и в результате, чтобы колени не упирались в подбородок, приходилось свешивать ноги с правого борта. Хорошо, хоть сапоги догадался убрать в рюкзак и переобулся в калоши. В таком положении грести веслом было крайне неудобно, но что делать! Камней в реке за ночь не убавилось, и лодка так и стремилась врезаться в какой-нибудь валун, торчавший из воды в самом неудачном месте. Мы гребли изо всех сил, чтобы обогнуть злополучный камень, отталкивались от него вёслами. Иногда это удавалось, и лодка благополучно устремлялась по течению. Но чаще мы просто врезались в валун и отталкивались вёслами, а если вода его скрывала, то проплывали прямо по нему, царапая днище лодки и ожидая, что вот-вот оно порвётся и мы утонем со всем нашим скарбом. Иногда нас выносило на мель, и приходилось выходить из лодки и волочить её с десятков метров. Вот так, где в лодке, а где и пешком, мы достигли устья речки Понью и остановились передохнуть. Как и обещал Андрей, после Понью Щугор стал полноводнее, русло заметно расширилось, и нам предстояло больше плыть, чем брести по реке. Андрей на своей байдарке то уплывал вперёд, то ожидал на каком-нибудь повороте реки — он нас курировал. Мы уже немного освоились на воде и стали меньше биться об камни. Но всё-таки, отталкиваясь от очередного подводного валуна, моё весло не выдержало и сломалось. Так что до самого устья пришлось грести одним веслом. И вот наступил момент, когда Саша, возомнив себя мастером сплава, спросил Андрея, с какой примерно скоростью мы сейчас плывём? Андрей мрачно ответил: «В этом месте скорость течения реки 3,5 километра в час». Из этого краткого диалога следовало, что сплавщики мы никудышные, но всё же доплывём до устья Щугора к началу ледостава. С такими мыслями мы и проплыли ещё с десятков километров, пока, наконец, не остановились на ночлег на каком-то безымянном острове.

Утро пробилось сквозь ткань палатки первыми солнечными лучами. Спать уже не хотелось. Что-то около четырёх утра. Развёл костер и вскипятил воду

Средние Ворота, правая скала

в чайнике. Искупался и попил кофе, глядя с берега на воды Щугора. Третий день нашего путешествия был самым солнечным. Мы с Сашей, наконец, сумели правильно распределить вещи в лодке: рюкзаки и гермосумку поставили стоймя посередине лодки, один рюкзак с вещами я устроил под себя, на него положил скатку коврика, и получилось

*Большой порог, 3-я ступень ▲
Ручей Шёр-Кыртаёл,
около Избы ихтиологов ►*

довольно удобное сиденье на корме. Саша сделал примерно то же самое, только на носу лодки. Весело отчалили от острова уже поздним утром, часов в десять — пережидали тёплый летний дождик. Острова на Щугоре — это отдельная тема. Они следуют буквально друг за другом: заканчивается один остров, а следом начинается другой. Кажется, что река, пробивая себе русло, думала: прямо мне не пробиться, устрою фарватер справа,

но и слева тоже чуток берега отхвачу. Река так и течёт двумя рукавами, то смыкаясь на каком-то расстоянии и образуя остров, то снова разделяется, устремляясь вперёд. Плыли друг за другом, наш экипаж немного впереди. Поэтому мы и обнаружили небольшую лагуну с песчаным пляжем между островами. Песчаных берегов на Щугоре нет, и такую удачу грех было пропустить. Мы сделали остановку, купались в лагуне, загорали. И с этого момента в нашей группе

*Клапунь-Яма-Кырта,
правая скала Нижних Ворот ►
Большой порог, 3-я ступень ▼*

Тельпосиз

*Клапунь-Яма-Кърта,
правая скала Нижних Ворот*

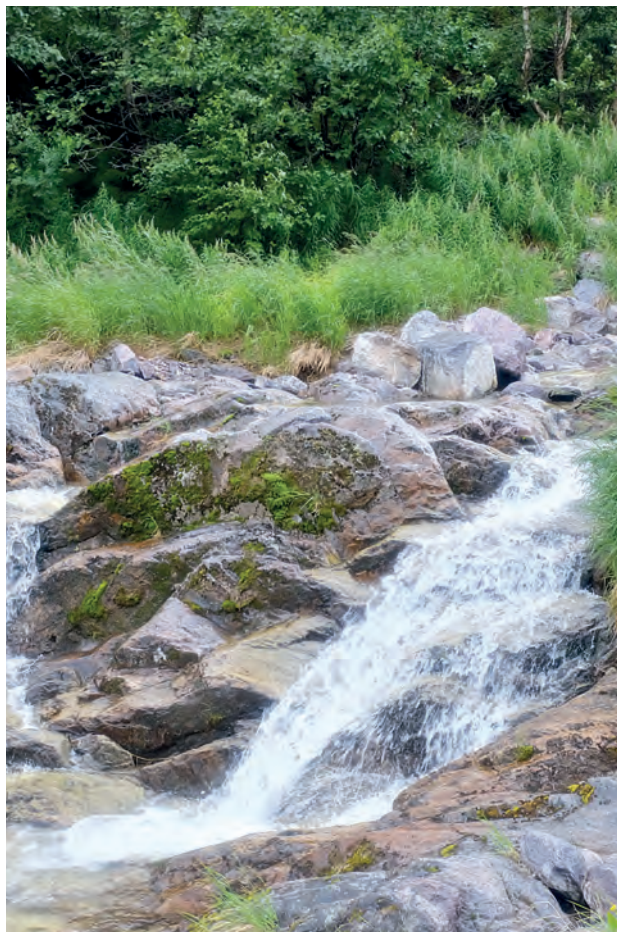
Правые скалы Верхних Ворот

*Тельпосиз от стоянки Глубник ▲
«Дух ручья». Выше водопадов
на Сухом ручье ►*

наметился разлад. Река заметно расширилась, не стало такого количества валунов по фарватеру, и увернуться от них было значительно проще.

Остановились на стоянке для туристов Озёрной. Прошли около 30 километров, а всего от кордона уже 55 км. Стоянка так названа по притоку Щугора, речке Озёрной. Подобных стоянок на Щугоре много. Здесь есть очаг, сложенный из камней, таган, есть навес, под которым можно переждать дождь, туалет и даже помойка, куда можно выбросить мусор. Есть даже дрова. Вот мы и пришвартовались

Вид на Тельпосиз от устья реки Озёрной. Вечер

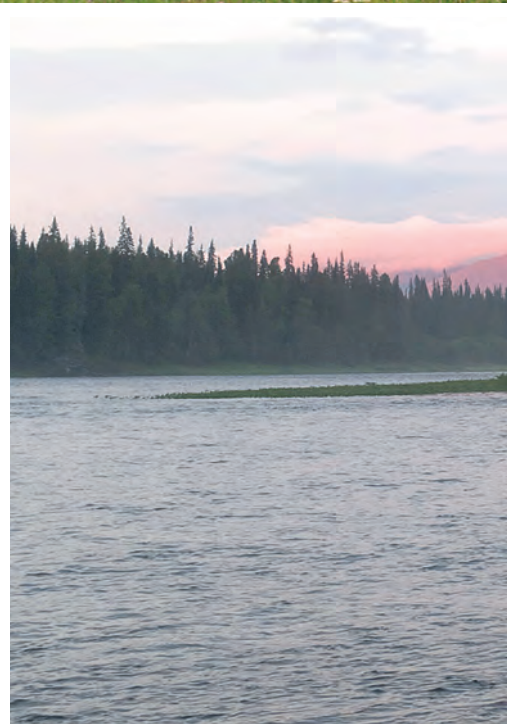

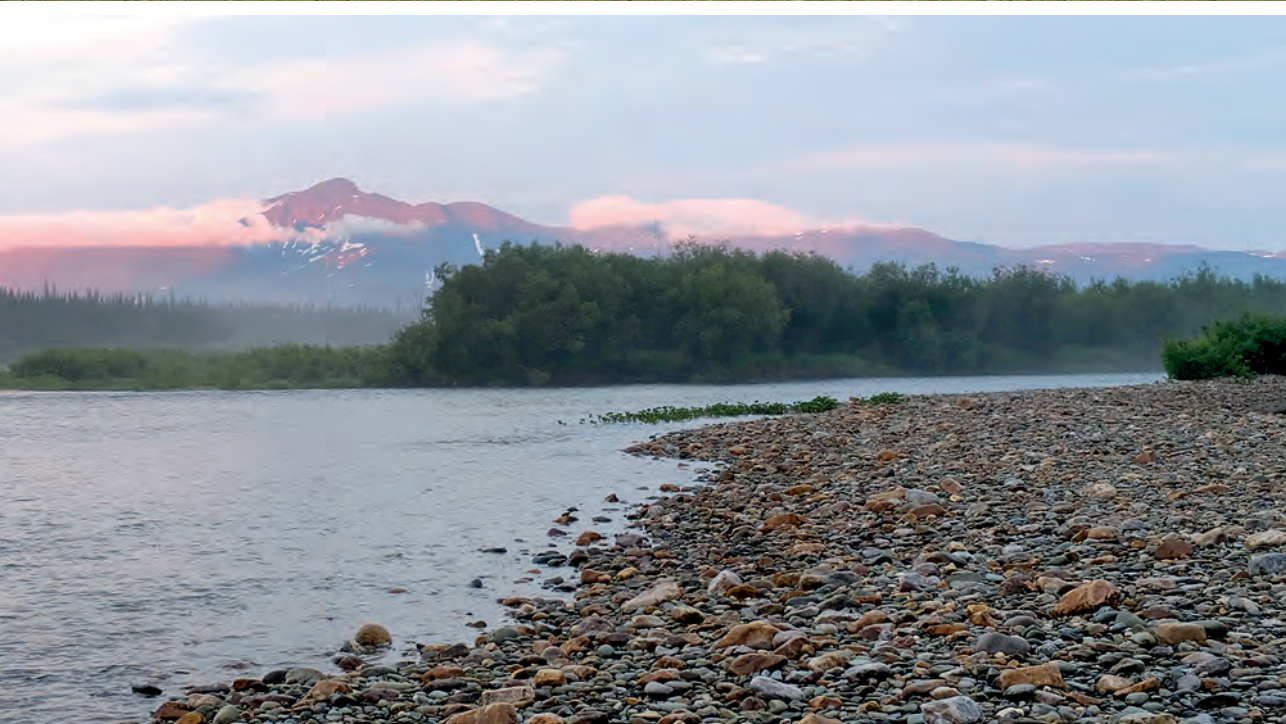
*Вид на Тельпосиз
от устья реки Торговой (Хатемалья) ▲*

*Вид на Тельпосиз
от устья реки Тельпос. Вечер ►*

к этому благословенному месту. Мы с Сашей и Андрей приплыли первыми, вытащили на берег вещи, развели огонь.

Из Озёрной открывается вид на гору Тöv поз из. Здравствуй, легендарный Олимп наших предков! Красное закатное солнце осеяло вершину и горы и окрашивало в красно-оранжевый цвет воды Щугора. В этом красно-оранжевом волшебном свечении угрюмые ели по берегам реки выглядели так величественно, словно сами зырянские боги поручили им хранить тайну своего

*Средние Ворота ▲
Щугорская вода ▲
Каньон ручья Вельдор-Кырта-Ёль ►
Водопад на ручье Вельдор-Кырта-Ёль (на обороте)*

присутствия на этой земле. С этого дня Гора гнезда ветров почти каждый день была на траверзе наших лодок.

Утро 10 июля снова было солнечным. Мы не спеша собирались в дорогу. Кофе, завтрак, приготовленный Светланой. Привычно грузимся в лодку, связываем вещи верёвкой. Сплав уже не кажется нам трудным приключением. От щугорских видов сердце наполняется восторгом. Но далеко уплыть нам не удалось: начался дождь, и мы причалили к берегу. Весь оставшийся день просидели под навесом — дождь не переставал лить до самого вечера. Мы прекрасно провели время: сидели возле костра, пили вкуснейший чай, заваренный на щугорской воде, а Саша очень артистично читал нам стихи.

Утро 11 июля было пасмурным. Заметно похолодало. Моросил мелкий дождь, сильный встречный ветер мешал плыть, так что пришлось изрядно поработать вёслами. К полудню причалили к Щугорскому Большому порогу. Не зря в старину манси называли этот порог Страшным. Видимо, тот самый гигантский мамонт, который протапывал во время оно русла рек, подмахнул хвостом половину хребта Пэрэг Из, разбросав его по руслу Щугора, и ушёл дальше, даже не заметив, что натворил. А натворил он немало: обломки скал, громадные валуны преграждают путь реке, и Щугор бесится, с шумом бросаясь на камни и разбиваясь в мелкую водяную пыль. Большой порог тянется на 3 километра и как бы разделяется на 3 смежных порога. Первый и третий пороги можно пройти при наличии небольшого опыта сплава, и, пожалуй, мы с Сашей рискнули бы это сделать, но вот средний порог — действительно устрашающ для таких сплавщиков, как наш экипаж. Сколько я ни вглядывался, не видел достаточно безопасного прохода для нашей утлой лодки. Кажется, все самые большие скальные обломки упали именно на этот участок, и река перекатывается через них, падает с полутораметровой высоты в пенящиеся водовороты, бьётся в очередную скалу, валун — и так на всём протяжении.

Андрей Беляев — сплавщик с большим опытом. Он влюблён в Щугор, и на его счету с десятков сплавов. В прошлом году он в очередной раз проходил через Большой порог, и на этот раз — неудачно. Проход по порогу требует максимальной выдержки и сосредоточенности. Любое неосторожное движение, любая даже самая мелкая ошибка могут привести к большой беде. Андрей на своей «байде» (так он называет байдарку) проходил порог много раз, без приключений, и это, видимо, притупило чувство опасности. Легко пройдя первый и привычно выплыв на второй порог, он вдруг заметил лежащее на каком-то валуне человеческое тело и автоматически повернул в его сторону байдарку, вглядываясь. Это был морок, иллюзия, возможно — коряга, налетевшая на камень. Но Андрей отвлёкся, и байду немедленно ударило левым бортом об валун. Удар был сильным, так что выбило баллон, а вслед за этим байдарка перевернулась, и Андрея швырнуло в беснующийся Щугор. На его счастье, он не потерял самообладания и, сбросив бродни, постарался зацепиться за корму лодки. Так он и проплыл по всему второму порогу: больше километра его било о камни так, что на теле не осталось живого места. Перед третьим порогом лодку вместе с ним выбросило на мелководье, и он

вытащил её на берег. Вещи были хорошо принайтованы, поэтому не выпали из лодки. Утонула дорогая фотоаппаратура, стоявшая чуть ли не больше, чем всё остальное снаряжение, утонуло и металлическое весло.

– Вот интересно, – вспоминал Андрей, – первое, что я сделал, когда выбрался на берег, – вытащил байду и оценил потери, а затем выстругал ложку. Не припоминаю, чтоб я в той ситуации есть хотел, но начал не с весла, а с ложки.

Весло он всё же сделал: приладил к какой-то палке разделочную кухонную доску вместо лопасти, и вот этим он грёб километров двадцать пять до стоянки Торговой, где, на его счастье, в это время были туристы. Они и снабдили его настоящим веслом. Говорят, что если в большую воду в первый порог бросить бревно, то после третьего порога оно выплывает уже окорённым. Андрей испытал это на себе.

Не могло быть и речи, чтобы плыть через порог на лодке. Мы с Сашей сдули нашу лодку, сложили её аккуратно в мешок и, закинув за плечи рюкзаки, пошли по берегу на стоянку. С нами пошла и Светлана. Шубница решила протянуть свою лодку через порог на верёвке, а Андрей остался возле вещей, видимо, размышляя, стоит ли всё-таки рискнуть и сплавиться через порог на своей байде или лучше пройти пешком. Предполагалось, что вдоль правого берега проложена тропа для таких, как мы, не рискнувших плыть. Но мы никак её не могли обнаружить и шли вдоль берега, прямо по камням, часто приходилось прыгать с камня на камень или перелезть через них. По кромке леса пройти было тоже невозможно из-за кустов и болота, которое начиналось почти сразу за этой кромкой. Саша, как более опытный турист, вырвался вперёд, и вскоре его красная бандана уже мелькала где-то вдали. Он и пришёл первым на стоянку, скинул свой рюкзак, вернулся к нам и взял рюкзак Светланы. Молодец! Развели костёр и, оставив Светлану хозяйничать, отправились обратно. Шубницу встретили на полдороги: она тянула свою лодку уже через второй порог, Андрей решил проплыть хотя бы первый порог и перетаскивал какие-то наши вещи в байдарку. Мы упаковали всё, что оставалось, в рюкзаки и двинулись на стоянку. Надо сказать, что этот второй рюкзак оказался тяжелее первого, вдобавок к нему я взял ещё и вёсла – это меня и подвело. Где-то в километре от стоянки я, прыгая с очередного валуна, немного не дотянул и провалился правой ногой в расщелину. Боль была жуткой, что называется, в глазах потемнело. Саша, прыгавший впереди в метрах тридцати от меня, уже скрылся за кустами ивняка. Лодыжка сразу же опухла, и каждый шаг теперь давался мне с трудом. До стоянки я всё же дотащился и рухнул возле костра. Самостоятельно снять бродни я уже не мог, спасибо Светлане – помогла. Где-то через час к стоянке подчала Шубница, поставила свою палатку, и до самого вечера мы её не видели. Андрей задерживался, и Саша пошёл ему навстречу. Как оказалось, с ним случилась такая же беда, что и со мной. Проплыв первый порог, он вышел на берег и, протаскивая лодку всего ничего, провалился ногой в расщелину. Дальше тащить лодку он уже не мог. Саша вытащил байду Андрея на берег и принёс часть его вещей на стоянку. Когда он, мокрый по пояс, добрёл до стоянки, я подумал,

сколько же в этом тихом и всегда вежливом, не очень сильном физически человеке — силы внутренней.

Саша Чувьуров приехал в Сыктывкар из коми старообрядческой печорской деревни Соколовки и поступил на исторический факультет СГУ. Мы с ним учились на одном курсе, и даже студенческая компания была у нас одна. Не пережив кризиса третьего курса, он ушёл из универа и уехал в Ленинград. Страну плющило катком перестройки, а Саша сумел устроился работать в городскую котельную и даже получить две комнаты в коммуналке неподалёку от Московского вокзала. А через некоторое время он восстановился на заочное отделение исторического факультета Сыктывкарского университета, благополучно его закончил, поступил в аспирантуру при Кунсткамере (Музее антропологии и этнографии РАН) к самому К. В. Чистову, одному из самых авторитетных советских этнологов. Конечно, аспиранту Чистова не с руки было делать карьеру в котельной, и Саша снова сумел найти работу — в знаменитом РЭМе — Российском музее этнографии. Когда в середине 1990-х годов я стал наезжать уже в Петербург по делам защиты диссертации в Пушкинском доме, мы встречались с ним, и Саша виделся мне респектабельным человеком, сумевшим выстроить свою научную карьеру и даже стать отцом троих детей. Я помню, что Саша тогда жаловался на какие-то житейские неурядицы, трудности на службе, но его невероятная — для сыктывкарских нас — история — противоречила его жалобам. В начале нашего щугорского похода Саша тоже прошёлся по жалобной книге своей судьбы, и ему можно было поверить — он не жил лёгкой жизнью. Но пороги показали, что за всеми перипетиями его, как мне всё-таки кажется, счастливой биографии стоит его внутренний человек — по-настоящему сильный.

Утром шёл дождь, и стало ясно, что в нашей экспедиции два человека вышли из строя: моя нога опухла так, что я никак не мог надеть на неё сапог. Андрей буквально выполз из палатки, передвигаться на ногах без опоры он не мог. Решили этот день провести на стоянке. Идти за лодкой Андрея могли только Саша и Шубница, но она сразу отказалась — Саша пошёл один. Переводить на бечёвке лодку через порог — трудно даже для бывалого сплавщика. Для новичка вроде Саши — это не просто трудно, но и опасно. Елена Игоревна не могла этого не знать, отправив Сашу одного, она фактически вынесла ему приговор. Помогать Саше вызвалась Светлана. От начала второго порога до стоянки около двух километров. Весь правый берег состоит из огромных валунов, передвигаться по ним, особенно в дождь, очень сложно. Тем более, что и ложе реки состоит из этих огромных каменюк: они, разные по величине, высоте, то уходят в глубь воды, то выступают из неё, и вода через них перекачивается, шипя и грохоча. И это красиво. На эту красоту приятно любоваться, но тащить через неё лодку, да ещё в дождь — занятие не из приятных. Светлана тянула лодку за бечеву, привязанную к носу, Саша управлял кормой. Светлана тащила байду по берегу, прыгая с камня на камень, Саше приходилось то заходить в воду по грудь, проталкивая байдарку за валуны на сравнительно чистое русло, то выходить на береговые камни, чтобы не дать лодке уйти на стремнину. Но при скорости воды

12 километров в час байдарка как живая стремится вырваться из человеческих рук, умчаться вниз по течению или просто удариться несколько раз о камни и перевернуться, вывалив на дно Щугора все вещи Андрея. Несколько раз Саша оскальзывался на камнях, падая навзничь, и Светлана боялась, как бы он не повредил себе что-либо. Однако и она падала, а последний раз тоже навзничь между валунами, так что самостоятельно выбраться уже не смогла — помог всё тот же Саша. Возможно, мастер сплава усмехнётся, читая эту историю, но для Саши и Светланы, не бывавших до этого на горных реках, — это было серьёзным испытанием.

Вот так Светлана и Саша набирались печального опыта, а когда через три с половиной часа всё же добрались до стоянки, то немедленно призвали к ответу Елену Игоревну. Главный вопрос, который вызрел из этого опыта, — почему руководитель не подготовил группу к порогам? Даже минимальный инструктаж позволил бы избежать этого ненужного напряжения сил и травм. Елена Игоревна, до этого безмятежно созерцавшая уральские виды, впала в ступор. Она никак не ожидала от всегда улыбающейся и молчаливой Светланы эмоционального взрыва, а тем более резких высказываний от Саши, которого считала нудным приложением к экспедиции. Наверно, ситуацию ещё можно было спасти, будь Елена Игоревна действительно — руководителем и признай, что ошиблась, не продумала ситуацию заранее. Но она этого не сделала. И сразу возникло отчуждение, отгородившее от нас Елену Игоревну незримым стеклом: она словно оказалась в параллельном мире — мы её видели, но она была уже не с нами. Наверно, можно было бы и опустить этот неприятный для всех нас эпизод, но он тоже по-своему важен — иначе непонятно, почему из этого повествования Елена Игоревна исчезает — она плывёт дальше отдельно, её оранжевая лодка изредка ещё мелькает где-то, как отблеск вечерней зари, но она — уже героиня другого, не нашего сюжета, в каком-то ином, не нашем, текстовом пространстве.

На следующий день мы отчалили от порогов. Моросил дождь, а крепкий ветер на каждом повороте реки норовил стать встречным и прибить лодку к берегу. Река существенно расширилась, особенно после впадения в Щугор Волоковки. Эта речка одна из двух, имеющих русские названия. На самом деле манси называли речку Нансоръя, но по ней издревле проходил волоковый путь за Камень, в Сибирь, с XV века известный как «Зырянский путь». Иркутский золотопромышленник А. М. Сибиряков, мечтавший соединить Сибирь с Европой, в 1884 году построил по этому волоку тракт, названный по его имени Сибиряковским. По этому тракту из Сибири везли в Европу пушнину и дешёвый сибирский хлеб, а обратно — сёмгу, точильный камень и олени шкуры. Сибиряковский тракт оказался ненужным в начале XX века, когда была построена железная дорога, связавшая Сибирь с Европейской Россией. Тракт забросили, а сам Сибиряков уехал в Европу и до 1930-х годов жил в Ницце.

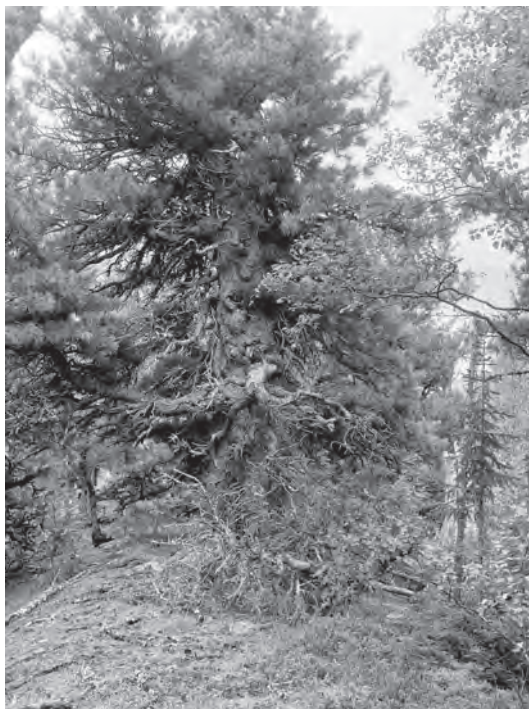
Чуть ниже устья Волоковки, на старице, есть место, которое по старинке называют Метеостанцией. Здесь и в самом деле с 1933 по 1994 год располагалась метеостанция «Верхний Щугор». Неизвестно, по какой причине её

закрыли, и последний метеоролог, Александр Антипин, перебрался на новое местожительство в деревню Усть-Щугор. Было жаль покидать обихожное красивое место, оставлять крепкий дом, хозяйственные постройки, но пришлось. К слову сказать, этот дом сожгли лет пять тому назад, дабы браконьеры не могли здесь останавливаться. Такая вот грустная история. А можно ведь было, наверно, устроить здесь стоянку-музей метеостанции.

В пяти километрах ниже устья Волоковки в Щугор впадает другая речка с русским названием — Торговая. Вездесущие вогулы-манси называли эту речку Хатемалья, но в XVI–XVII вв. здесь проходили караванные пути в Сибирь, и русские переименовали её в «Торговую», по-коми — Тӧргӧвей ю. Парк оборудовал здесь стоянку с избой — на радость туристам. Были рады и мы, добравшись до стоянки после двадцати километров борьбы с сильнейшим встречным северным ветром и скачки по поистине морским волнам, так и норовившим опрокинуть наше угловое судно. Мы немедленно растопили печь, развели костёр и выпили чаю, наслаждаясь тишиной и безветрием. Надо сказать, Саша заваривает вкуснейший чай из травяных сборов, которые он покупает где-то в Питере. Мы пили Сашин чай и любовались видом на Тельпосиз или Тӧв поз из — как правильнее, и Гора гнезда ветров открылась нам во всей красе. Бывалый Андрей сказал, что отсюда Щугор меняет направление течения: если до этого мы плыли по меридиану, то дальше будем плыть по широте, вдоль горы Тельпос. Кроме того, по этому направлению проходит и граница Северного и Приполярного Урала.

Ночевали в избе, разложив спальники на нарах, а в девять утра 14 июля вышли в путь. Поскольку целью экспедиции всё-таки было уточнение местоположения бывших поселений на Щугоре, то мы решили сделать остановку в том самом месте, которое на старых картах обозначалось как Изба Шахтарова. На самом деле, эта изба существовала ещё в пятидесятые годы XX века, но на картах, выпущенных на основе съёмки 1962 года, — её уже нет. Вообще, фамилия Шахтаровых является довольно распространённой на Печоре: даже основателем деревни Усть-Щугор был старовер Пётр Шахтаров. Вероятнее всего, изба находилась на родовом угодье семьи Шахтаровых и принадлежала этой семье. Но отыскать следы избы, сгинувшей в середине XX века, — нереально, в чём мы убедились, выйдя на берег в её предполагаемом месте. Поляна заросла высокой травой и настолько густым кустарником, что продраться сквозь, а тем более что-то искать в этих кустах — было невозможно. Мы вернулись к лодкам и плыли уже до самого Сухого ручья, что на 115 километре реки.

Сухой ручей — одна из главных достопримечательностей Щугора. Кто его так назвал — неизвестно, но место само по себе прелюбопытное. «Сухим» этот ручей назвали потому, что сам он течёт под камнями, оставив ложе для воды на поверхности. Пройдя сквозь густые заросли ивняка, мы вышли к самому ручью — это будто бы выложенная камнями неширокая дорожка, уходящая вверх, в горы. Мы шли по галечнику и отчётливо слышали журчание воды, текущей прямо под нами. Странное ощущение, словно ручей, когда-то бежавший по этим камням,

Кедр-патриарх.

давным-давно и без остатка унёс свои воды в Щугор, но оставил свой голос, и мы его сейчас слышим. А потом этот каменный ручей превратился в реку. Просто за очередным поворотом мы вдруг оказались в русле каменной реки, текущей из горного ущелья. Просится — несущей свои камни. А камни здесь удивительные. Такого разноцветья камней мне видеть не приходилось: зелёные, похожие на малахит, коричневые, белые, синие, красновато-кирпичного цвета, они будто бы пели: возьмите нас в город, мы принесём вам счастье — мы оставляли их с сожалением.

Далее по руслу был каскад водопадов — это наш ручей, низ-

вергаясь с высоты 30 метров, уходил под камни. Но мы решили подняться на правый берег, чтобы пройти по кедровой роще и выйти к началу водопада. И вот мы входим в зачарованный лес. Мне доводилось бывать в кедровниках, но такого я не видел никогда. Мощные стволы, витые корни, упрямо цепляющиеся за камни, воздетые к небу узловатые ветви-руки. Каждый кедр в этой роще — личность, но более всего поражает кедр, растущий в середине рощи. Андрей называет его Патриархом. Матёрый, шишковатый ствол в три обхвата, серебристая с сиреневым оттенком кора, будто надетая наспех, к нашему приходу, и кое-где из-под коры видны голые участки его деревянного тела; словно змеи, оплетают ствол громадные корявые сучья, местами покрытые седым лишайником, и только на самых их окончаниях да на самой верхушке растут весенние ветви с настоящей зелёной хвоей. А толстые корни змеятся по камням и, найдя расщелины, уходят вглубь скального грунта. Я не назвал бы этот кедр деревом. Он — настоящее Древо, и возле него хочется думать не о кедровых шишках, а как минимум о смысле жизни.

Выйдя из зачарованного кедрового леса, мы вышли к ручью. Здесь нас ожидало ещё одно из чудес Щугора — каменное лицо. Его можно увидеть, перейдя на противоположную сторону ручья. Омываемое двумя потоками воды, суровое лицо выступает из камня, напрягая упрямые губы и буравя злыми зрачками из-под нависших каменных бровей. Это древний окаменевший бог,

один из тех, кто здесь обитал, когда Урал ещё был молодым и его горы достигали небес. А до Тельпосиз — Горы гнезда ветров, где Каллистрат Жаков размещал весь зырянский Олимп, отсюда всего 6,5 километров. Мы могли бы попробовать подняться на вершину, но давала о себе знать сломанная нога Андрея, да и я ещё передвигался с трудом.

Высота Тельпосиз 1619,8 метра. Сегодня подъём на Гору гнезда ветров — обычное дело, многие туристы совершают это восхождение, но не всегда это было так просто. Путешествовавший по Щугору в 1890 году французский исследователь Шарль Рабо застал Тельпосиз в ореоле мифологических представлений. Вот что он пишет: «Согласно местной мифологии, Тельпосиз — место пребывания зырянского Эола, поэтому, идя у подножия этого пика, лодочки, повинуясь тому же суевию, что и древнегреческие моряки, запретили нам свистеть и кричать, опасаясь вызвать бурю. Тельпосиз в переводе с зырянского означает «гора гнезда ветров». Местные жители считают эту гору неприступной: как только вы приближаетесь к её вершине, злой дух вызывает ураган и сбрасывает вас в бездну. Говорят, что одного самоеда, решившего взобраться на этот пик вопреки предупреждениям зырян, ветер разорвал на куски».

Этот прискорбный случай не остановил любопытного француза, решившего на себе проверить правдивость этих суеверий. В сопровождении троих спутников из зырян он предпринял попытку подняться на гору, но на высоте 849 метров гору окутали тучи, и разразился ливень с грозой. Вдобавок налетели полчища комаров, так что экспедиции пришлось вернуться к лодкам, и гора осталась непокорённой. Спустя некоторое время Щугор посетил Каллистрат Жаков по своим этнографическим делам. Сын зырянского народа, он не стал испытывать судьбу, прорываясь к вершине горы гнезда ветров сквозь вьюги и метели, но оставил точное этнографическое описание представлений, связанных с горой:

«Печорские зыряне боятся ездить через Уральские горы мимо возвышения Тёл поз из, Каменного гнезда ветров (тёл — ветер; поз — гнездо; из — камень; значит ветер — гнездо — камень). На том возвышении, в каменном гнезде ветров, живёт страшный бог Шуа, лесной и горный властелин. Он не любит звуков и шума. Если подать голос при подъёме на гору, сейчас подует ветер. «Это, — говорят, — бог Шуа рассердился». (В его гнезде имеется горный хрусталь).

Из Жития Стефана Пермского известно, что у зырян в древности был бог Войпель (Вой — ночь, север; пель — ухо; Войпеля — с ночным ухом). Этот же бог Шуа не любит звуков, он тоже чуток на ухо. Не объясняется ли этим свойством бога и его имя? Финнологи думают, что Елифаний Премудрый, жизнеописатель Стефана Пермского, не зная зырянского языка, неправильно воспроизвёл имя бога, потому что Войпель — северное ухо название нелепое. Вероятно, он назывался Войпи (сын севера) или Войпио (О, сын севера). Такие рассуждения учёных, однако, преждевременны. Шуа, бог с чутким ухом, живёт на горах, не любит шума, бог ветра и лесов. Он «Войпеля» (с северным ночным ухом) по своим атрибутам, и эпитет «с ночным ухом» к нему применим, потому что он слышит днём и ночью. Поэтому нет ничего невероятного в том,

что главный зырянский бог леса и ветров был Войпель и Епифаний совершенно точно записал его имя».

Если честно, то Епифаний Премудрый не записывал в Житии Стефана Пермского имя Войпеля, зырянского бога. Оно появляется позднее в известном послании митрополита Симона к жителям Перми (Коми края) в 1501 году. Он призывает пермян (коми) не молиться Войпелю-болвану и тризн ему не творить. В XIX веке имя Войпеля как главного зырянского бога стало появляться на страницах многочисленных авторских жизнеописаний Стефана Пермского, нередко со ссылкой на Епифания, что и ввело Жакова в заблуждение. Но его рассуждения относительно «ушной» версии зырянского бога — совершенно справедливы. Безмолвие вообще — один из наиболее характерных маркеров потустороннего мира: вспомните хотя бы обычай соблюдения тишины при похоронах. Нарушение безмолвия — не что иное, как нарушение границы иного мира, и наказывает за это бог с «чутким ухом» — Войпель, он же Шуа.

Таким нарушителем вечного безмолвия был герой новеллы Жакова — Дарук Паш. По сюжету, отец посылает его за камень к осякам, чтобы получить от них долг, и предупреждает, чтобы тот, проходя мимо «Каменного гнезда», молчал и не пел песен: «там живёт, в каменном гнезде, великий бог ветров Шуа... Ох! Он не любит шума, и как услышит звук, чуткий на ухо днём и ночью, поднимет ветер на тебя и вьюгу нанесёт с отдалённого севера. Берегись же, иначе он, страшный Войпель, погубит тебя». Но дерзкий Дарук Паш отца не послушал и специально запел песню, проезжая мимо горы Тельпосиз. Поднялась метель, и в снежном вихре предстал сам Войпель, «седой угрюмый старик, белый, как зима. Одежда была на нём вся белая: шапка, и кафтан, и обувь — всё бело. Старик посмотрел на Павла и сказал: «Ты красив, и мне жалко убивать тебя, на лице твоём вижу я печальный жребий. Ты люб моему сердцу. Будешь известен повсюду умом и сметливостью, но в жизни испытываешь ты великие страдания, потеряешь то, что другой раз не находится более. Я Войпель, бог вихрей, сын севера, Шуа с чутким ухом. Когда что вздумаешь сделать, свистни, я буду помощником твоим. Прощай». С этим словом исчез Шуа в вихре снега».

Войпель берёт под своё покровительство Дарук Паша, но не прощает нарушения безмолвия его невесте, погребая её под снегом. Так было записано в книге судеб — говорит бог, но сулит Павлу великие деяния в качестве компенсации за утраченное счастье. Как и многие герои Жакова, Дарук Паш уходит в странствие и возвращается в родное село уже глубоким стариком. Все его деяния, обещанные Войпелем, произошли вдали от родины и окутаны безмолвием — Жаков ничего о них не сообщает. Да это и не нужно: как бы ни были велики деяния Дарук Паша, умирает он несчастным одиноким стариком.

Но Войпель-Шуа и сам одинок. Ушли зырянские боги из Коми земли, не слышно больше их голосов в вечнозелёной парме, только Войпель, повелитель северных ветров, чуткоухий Шуа, охраняет священную обитель древних — гору Тельпосиз. В новелле-сказании «Бегство северных богов» Жаков рассказывает об их последнем собрании на этой горе.

«Великий Ен, старец, живущий на небесах, вышел из своего златохрустального дворца. На нём был белый азым, стянутый кожаным ремнём, ноги были обуты в синие чулки и в кожаные коты, на голове была шапка из шерсти тонкорунных небесных барашек-облаков. Могучей рукой достал Ен с вершины уральской горы кусок кремня и ударил в него стальным огнём, и рассыпались искры, и звёзды зажглись на широком небе; искры же упали на дремучие леса севера, и сосны и ели разгорелись, бело-чёрный дым, клубясь, поднялся до потолка неба и здесь расширился под сине-железным сводом. Потом великий Ен сел на вершину Тэлпозиз в Каменном поясе и дал голос всем прочим богам холодного, величавого севера. Молния блистала на небе и гром гремел: то был голос его, зовущий на великий совет детей своих — богов и богинь севера. Сам он открыл книгу, которую взял с крыши неба, и читал там закон, которому повинуются небо и земля, боги и люди».

Жаков с особой тщательностью разрабатывает образ мифологического мира седого Урала. В основе сюжета этой новеллы лежит тема собрания богов, позволяющая Жакову показать весь языческий пантеон в рамках одного художественного произведения. Сама тема собрания богов достаточно актуальна в гомеровском эпосе, и, по всей видимости, Жаков заимствует её оттуда. Собрание имеет характер официальной церемонии — Ен должен известить богов о грядущих изменениях миропорядка, поэтому боги занимают место возле Тельпозиз в соответствии со своим ритуальным иерархическим положением: на вершине Тельпозиз воссел сам Ен, возле его головы вращаются дети — Солнце и Луна, на соседнюю скалу, чуть поодаль, сел Войпель, у подошвы этой же скалы садится Йома, а все прочие лесные боги и богини располагаются «вокруг Войпеля и Йомы у подножия окрестных скал»: водяной бог и его дети — по отрогам Уральских гор, бог подземного мира Куль — за две скалы от Ена, Мать земли — на берегу реки Оби, а Мать солнца — на берегу Ледовитого моря. Иерархия строится на основе родоначалия: небесный бог Ен — отец, его жена — Мать земли, все остальные боги являются их детьми. Родоначалие является и основным космологическим принципом, поскольку все божества персонифицируют космические и природные объекты, стихии, этот же принцип лежит в основе устройства иерархии патриархальной семьи и сельской общины, которые оказываются своего рода моделями космоса.

Сюжет сказания интересен и заявленной в нём эсхатологической темой, показывающей в мифоисторической перспективе историю мира от некоей исходной точки времени к эсхатологическому завершению. Исходная временная точка не обозначена, она появится в поэме «Биармия» в качестве начального космогонического сюжета о Енмаре и Оксоле (Ене и Омёле), противоборством которых и начинается мир. Здесь же мифологическая история показана в сюжетах: 1. Об окончании Золотого века, когда из-за нерадивой хозяйки небо отделилось от земли, т. е. Небесный Бог Ен покинул Мать земли, и она лишила людей своей благосклонности — «иссякла щедрость самой древней богини»; 2. о последовательной гибели коми героев-богатырей: Идана, Перы, Яг-морта, Йиркапа. Собственно, история начинается с прихода на Север Стефана Пермского

и перемены веры — «вас, прежних богов, забудут люди». Начало исторической эпохи неизбежно, это «закон, который записан в золотой книге неба», но начало истории — это и начало движения к концу мира. Ен показывает богам, как в деревнях и сёлах появляются церкви и люди молятся в них новому Богу, приходит череда войн, и северяне, т. е. зыряне, погибают от рук южных народов и вогул. Ен показывает, как заселяются северные реки Печора и Ижма, а затем вырубаются дремучие леса, люди строят большие дома с красными трубами, и в сёлах иссякает жизнь. В последние времена «заползали между оставшимися лесами железные драконы с огненной ненасытной пастью, а потом залетали в воздухе неизвестные птицы с железными крыльями», на север приходят новые народы и разрушают последнее, что осталось в природе.

Можно понять, что о «железных драконах» — поездах — Жаков знал, они уже не были тогда экзотикой, но вот самолёты в то время изготавливались на деревянной основе и, чтобы поднять «железные крылья» в воздух, понадобится ещё как минимум лет двадцать. Пророческими оказались предсказания Ена (или Жакова) о том, как жители леса, нанятые «иноземными купцами», будут рубить дремучие леса, бывшие их вековечным обиталищем: «и видели боги, как сосны и ели падали лицом книзу на холодную землю под ударами топоров, как дрожали за жизнь ольхи и рябины, малютки-липы по берегам рек от стука железа». Поразительны слова Жакова о том, как опустеют сёла, жители которых уйдут в города, в большие дома с красными трубами. Но как он мог предугадать ядерные взрывы на Новой земле? Ведь это они угадываются в последних пророческих фразах небесного бога Ена: «Великие синие льды на море взрывались, и пламя взрыва летело навстречу Каленик-птице — северному сиянию».

О Войпеле мы вспомнили, когда возвратились к своим лодкам. Наши вещи оказались не на месте. То, что мой коврик валялся возле лодки, было понятно: он не был привязан, и его сдуло ветром. Непонятно, как металлические вёсла Андрея переместились на десять метров от места, где они были оставлены и придавлены камнями — на случай сильного ветра. Вещи Андрея, упакованные в гермомешки, уложенные в носу байдарки и закрытые тентом, неизвестным образом оказались на берегу, но в целости, хотя коврик всё же исчез. Здравый смысл подсказывал, что это могли сделать или люди, или звери. Однако людей на Шуго-ре не могло быть из-за пандемии — в парк до 15 июля никого не пускали, а звери и птицы просто разорвали бы гермомешки. Так и не найдя рационального объяснения и что-то пошутив насчёт Войпеля, мы с Сашей сели в свою лодку и оттолкнулись от берега. Андрей попросил нас поймать коврик на случай, если мы увидим его плывущим по течению. Как физик, он всё-таки пытался найти рациональное объяснение хотя бы отсутствию коврика. Коврик мы нашли примерно в полутора километрах от места происшествия — он лежал в кустах невысокого ивняка, причём со стороны леса, а не реки. Коврик был абсолютно сухим, и выходило, что он не плыл по реке, а его перенесли сюда по берегу. Кто? И зачем? На эти вопросы ответить мог бы только Войпель, но он молчал.

Было уже довольно поздно, когда мы доплыли до стоянки в устье речки Глубник. Эта стоянка оборудована большим чумом, собранным из какого-то

искусственного материала. Внутри — большая железная печь, а вокруг стен — деревянные нары. Расстелив спальные нарахы, мы прекрасно выспались. Утро 15 июля выдалось солнечным и тёплым. Мы пили чай возле кострища, а внизу, под каменистым береговым обрывом и галечным пляжем, пел свою песню Щугор. Его песню подхватывали чайки, и голоса их разносились по всему этому речному великолепию. А над стеной тёмно-зелёных елей, зубчатой короной венчавших пологий левый берег, высился Тельпосиз и, как положено Горе гнезда ветров, был окутан облаками, за которыми древний бог таинственно размышлял, чем бы нас ещё удивить. Ничего не подозревая, мы отчалили от Глубника и не успели достичь левого противоположного берега, как начался сильнейший ливень и засверкали всполохи молний. Плыть по воде в грозу — не могло быть и речи, надо было возвращаться обратно на стоянку, под тент. Андрей направил свою байдарку к острову, разделявшему в этом месте Щугор на два рукава — чтобы через него переправиться на правый берег, а мы с Сашей, перетащив свою лодку выше по течению, погребли что есть сил к стоянке. Мы достигли уже середины реки, как началась гроза: грохотало прямо над нами, казалось, что все молнии направлены прямо в нас; я ни разу не видел, чтобы молнии били с неба одновременно — тремя извилистыми зигзагами — и едва не вонзались в борт нашей лодки. И всё же мы доплыли, хотя промокли изрядно. Андрей справедливо рассчитал, что немедленно достичь правого берега уже не удастся, и они со Светланой остались на острове, пережидая грозу в яме под кустами ивняка. Через полчаса гроза ушла, оставив после себя только дождь, но мы, промокнув до нитки, уже не обращали на него внимания. Следующие двенадцать километров до стоянки Тельпос мы гребли под дождём, лившим уже не переставая.

Тельпос, Овин-ді, Пристань, Малый Паток, Верхние ворота, Средние ворота, Большой Паток, Мичабечевник, Нижние ворота и, наконец, Нижний Пост и Усть-Щугор — это ещё неделя пути, и каждый из дней этой недели был по-своему прекрасен. И вот я уже слышу возмущённые голоса моих друзей, они хотят продолжения истории нашего путешествия по Гиперборее. Саша, Светлана, Андрей — наперебой заявляют, что нельзя останавливаться на полпути. Я слышу, как Андрей даже кричит мне откуда-то из глубины нашей истории:

– Ты взял слишком большие мазки, надо было бы описать всё в подробностях. После Тельпоса и Овин-ді была изба в устье реки Седью. Мы там не ночевали, просто осмотрелись. Изба как раз стоит на месте бывшего починка Седью-Усти. По переписи 1926 года там было одно хозяйство и 5 душ. Ещё на 8 км ниже по течению Щугора была деревня Гёрдью-Усти, аж 3 хозяйства и 27 душ обоёго пола. Но мы её проскочили, она не на самом Щугоре была, а на Гёрдью, метрах в двухстах от Щугора. На Малом Патоке, метров на 200 выше по течению, чем мы на стоянке парка дождь пережидали, была деревня Усть-Паток Малый, 2 хозяйства и 10 душ. После Малого Патока мы ночевали в Рублёвой избе (которая с баней плёночной была) на Рублёвом ручье. У Верхних ворот лаза на водопад, а после Средних ворот ночевали в Избе ихтиологов, ещё в ней

фотографировались. После Большого Патока ночевали в Совхозной избе (такая мрачная, неухоженная). Она как раз на месте бывшей деревни Клима-ді.

Да, я помню каждый наш гиперборейский день, но всех красот Щугора мне никогда не описать: надо обладать особым талантом пейзажиста, талантом Михаила Пришвина или Флегонта Арсеньева, перу которого принадлежит хотя бы одна новелла о Щугоре. Моей задачей было просто связать наше путешествие с литературным пространством, который создали писатели и этнографы, когда-то побывавшие здесь. Подсказку я получил в истории Васьки-партизана, прототипа юшковского Ардальона, но были ещё и К. Д. Носилов, Ф. А. Арсеньев, Ш. Рабо, наконец, К. Ф. Жаков — у каждого из них имелась своя история, связанная со Щугором. Хотелось связать наше путешествие с их историями, вовлечь их в общее повествование, иначе — в единый нарратив, щугорский нарратив. Получилось, но не совсем. Я прерываю нашу историю на середине путешествия, иначе краткий очерк превратится в повесть. За рамками очерка остались творческие замыслы Петра Распутина, священника Усть-Щугорской церкви и одного из первых коми поэтов середины XIX века, а также важный эпизод из жизни советского коми поэта Виктора Савина, с 1905 по 1906 год прослужившего писарем в Усть-Щугорском волостном управлении. Но об этом пусть напишет кто-то другой.

Уже по ходу нашего путешествия у меня нет-нет да и возникало ощущение литературности происходящей с нами истории. Как будто мы герои некоего сюжета, который слагается по ходу нашего движения. Как будто кто-то пишет сюжет, в котором мы участвуем. И в самом деле, наша история с самого начала выглядела как кем-то придуманное произведение с интригующей завязкой, развитием сюжета в совокупности эпизодов, ведущих к кульминации и развязке. Это чувство обрело особую ясность, когда я, наконец, собрался написать этот очерк. Я словно бы вспоминал не события нашего путешествия, а литературный текст, который совсем недавно прочитал. Ощущение более чем странное, ощущение участия в нарративе, который кем-то написан, и кто-то уже его читает в то время, как ты сам пишешь об этой самой истории. Может быть, это всё измышления моего зачарованного Щугором мозга, и дважды два всё-таки четыре, а не пять. Но ведь мы побывали в мифической Гиперборее, и происходили с нами странные события. Как бы то ни было, в памяти остались вечера возле костра с замечательно вкусной едой, приготовленной Светланой почти из ничего, с увлекательными историями Саши Чувьюрова, с обстоятельными рассуждениями Андрея Беляева о щугорских топонимах. Остались в памяти щугорские закаты, когда розовый свет изливается по горным краям на пенистые воды реки. Остались в памяти...

*Фотографии Андрея Беляева
(г. Санкт-Петербург)*

Перевал Дятлова

Артур АРТЕЕВ

Артур Борисович Артеев родился в Сыктывкаре. Закончил филфак КГПИ и аспирантуру ИЯЛИ КНЦ. С 2000 г. — корреспондент международной финно-угорской газеты «KUDO+KODU», с 2001 по 2009 гг. — еженедельника «Молодежь Севера», с 2010 г. — газеты «Республика». Участник VIII, IX, X международных конгрессов финно-угорских писателей. В 2001 г. победил в международном конкурсе прозаиков, пишущих на эсперанто. Лауреат госпремии правительства Коми в области журналистики, лауреат премии Матисаса Кастрена, трижды победитель республиканского конкурса СМИ «Признание». Печатался в журналах «Арт», «Юность», «Живописная Россия», «Альманах библиофила» и т.д.

Тайна Уральских гор

В ГОРАХ Северного Урала, на границе Коми и Свердловской области, есть одно место — склон вершины «1079», — которое по своей популярности и загадочности может претендовать на звание российского «бермудского треугольника». Манси называют это место Холат-Сяхыл (Гора мертвецов) из-за легенды о гибели здесь во время Всемирного потопа 9 охотников.

В этом месте неоднократно при непонятных обстоятельствах пропадали и погибали люди. Причём обычно в беду попадали группы по 9 человек. Самая известная трагедия, ставшая со временем одной из необъяснимых загадок прошлого столетия, случилась 1 февраля 1959 года. Тогда при загадочных обстоятельствах погибли 9 свердловских туристов. В честь руководителя этой группы Игоря Дятлова склон получил своё второе название — перевал Дятлова.

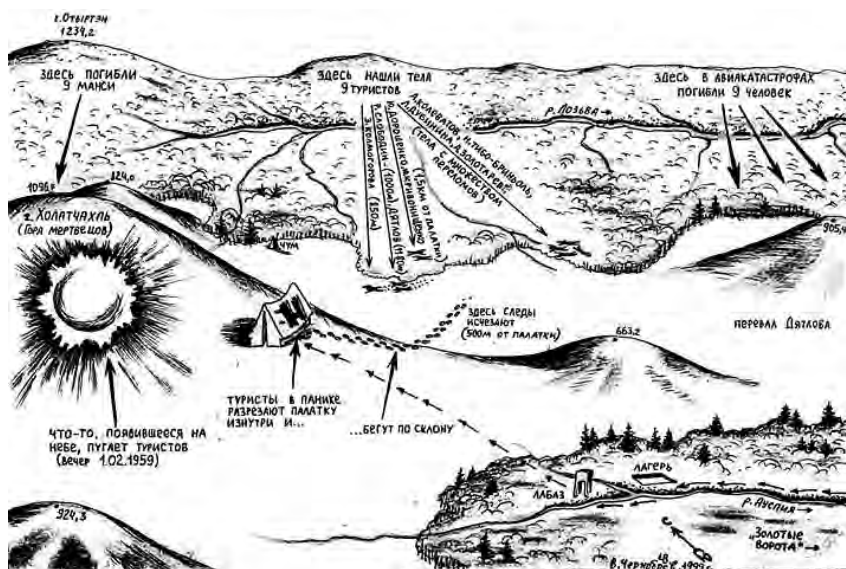

Рисунок Вадима Черновцова

Студенты уходят в горы

Напомним, 23 января 1959 года 5 студентов из Уральского политехнического института, 3 инженера-выпускника того же вуза и 1 инструктор с турбазы Семён Золотарёв вышли в 22-дневный (по другим источникам 16- или 18-дневный) лыжный поход высшей, третьей категории сложности, приуроченный к XXI съезду КПСС. Во время похода было запланировано восхождение на 2 вершины Северного Урала: Отортен и Ойка-Чакур. Участники похода намеревались преодолеть на лыжах не менее 300 км по северу Свердловской области. В группе было 7 парней и 2 девушки. Руководил походом Игорь Дятлов.

Группа Игоря Дятлова

Проект похода утвердила Городская маршрутная комиссия при Свердловском комитете по физической культуре и спорту 8 января 1959 года. Состав группы в процессе подготовки менялся. В проекте похода, который Дятлов представил маршрутной комиссии, перечислено 13 человек, но четверо из них в поход не пошли. А 23 января в группу был включён Семён Золотарёв. Ранее он планировал участвовать в походе другой тургруппы спортклуба УПИ, но предпочёл перейти в группу Дятлова из-за меньшей продолжительности их похода.

В ночь на 2 февраля туристы разбили лагерь в 10 километрах от горы Отортен и в 300 метрах от вершины Холат-Сяхыл. Вечером, во время подготовки к ужину, ребят что-то смертельно напугало. Причём так сильно, что, разрезав палатку изнутри, они в панике бросились вниз по склону. Потом некоторые из них пытались вернуться к костру, но на обратном пути их настигла смерть.

На маршруте

Поход должен был завершиться 12 февраля. Через неделю, после того как в назначенное время группа не вышла на связь, начались поисковые работы. 25 февраля на восточном склоне горы Холатчхаль поисковики обнаружили разрезанную изнутри палатку с вещами, одеждой и продуктами, а поодаль нашли 5 замёрзших трупов. 26 февраля были обнаружены тела 4 дятловцев. Первыми нашли Юрия Дорошенко и Георгия Кривонищенко — в 1,5 километрах от палатки. Трупы были раздеты до нижнего белья, рядом с ними находились остатки костра. В 300 метрах от кострища по направлению к палатке обнаружили труп Игоря Дятлова, ещё через 300 метров вверх по склону — труп Зинаиды Колмогоровой. Труп Игоря Дятлова застыл возле маленькой берёзки, за ствол которой он держался. Ближе всех к палатке лежал труп Зины Колмогоровой. 5 марта между телами Дятлова и Колмогоровой нашли тело Рустема Слободина. Судя по расположению тел и по позам, в которых они замерли, смерть застала этих троих, когда они пытались вернуться к палатке. Одеты они были в свитеры и лыжные костюмы, верхняя одежда отсутствовала. Слободин был обут в один валенок, на ногах Дятлова и Колмогоровой обнаружены лишь носки. На Дятлове были лыжные брюки, кальсоны, свитер, ковбойка, меховая безрукавка. На правой ноге шерстяной носок, на левой — хлопчатобумажный. На лице был ледяной нарост, означавший, что перед смертью он дышал в снег.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть всех пятерых наступила в результате замерзания.

Несколько месяцев искали остальных. И только 4 мая нашли тела ещё 4 участников похода: Людмилы Дубининой, Александра Колеватова, Николая Тибо-Бриньоля и Семёна Золотарёва. Они оказались в ложбине ручья Лозьва, под слоем снега толщиной в несколько метров. Участвовавшие в поисках манси заметили обрывки одежды и предложили раскопать в этом месте ложбину ручья. Под толщей снега более 2,5 метров нашли настил, сделанный из вершин пихт и одной берёзы. На настиле лежало несколько предметов одежды, расположение которых выглядело как «посадочные места» для 4 человек. Примерно в 6 метрах от настила вниз по течению ручья, под слоем снега от 2 до 2,5 метров были найдены тела оставшихся туристов. Сначала нашли Людмилу Дубинину, в положении стоя на коленях с опорой грудью на уступ, образующий водопад ручья, головой против течения. Затем обнаружили тела троих мужчин. Тибо-Бриньоля лежал отдельно, а Колеватов и Золотарёв рядом. Все трупы находились в воде ручья.

Семеро из погибших туристов похоронены в братской могиле на Михайловском кладбище в Свердловске. На обелиске указаны имена всех 9 погибших, но Золотарёв и Кривонищенко похоронены отдельно, на Ивановском кладбище. У Кривонищенко были уважаемые родители, и его похоронили просто ближе к дому. Золотарёв же не являлся студентом и никакого отношения к УПИ не имел. Единственный выживший участник Юрий Юдин, который сошёл с маршрута из-за больной ноги, после смерти в 2013 году был похоронен здесь же. Кстати, 37-летний фронтовик Золотарёв — самый загадочный участник группы: присоединился к ребятам в последний момент, был намного старше их всех и представлялся Сашей, хотя по документам значился как Семён Алексеевич. Он был родом с Кубани, здесь его почти никто не знал, потому, наверное, и фамилия написана с ошибкой, и отчество указали самое распространённое — Иванович.

Могилы руководителя группы Игоря Дятлова — крайняя справа. Под обелиском 8, а не 7 могил. Вместе с группой Дятлова похоронили студента Никитина, который умер от пневмонии. На обелиске эмблемы «Турист СССР» и УПИ и надпись: «Вечная память туристам Уральского политехнического института, трагически погибшим на Северном Урале 2 февраля 1959 г.».

В начале 1960-х годов на месте их гибели в горах установили мемориальную доску с их именами и надписью «Их было девять».

Идут лавина одна за одной...

Про перевал Дятлова написано уже много книг и снято фильмов. Существует несколько десятков, если даже не сотен версий разной степени правдоподобности: туристы стали жертвой испытаний атомного или вакуумного оружия (или, если они явились невольными свидетелями подобных испытаний, их «зачислили» спецслужбы). Среди прочих версий: лавина, неудачный запуск ракеты,

воздействие инфразвука, нападение медведя, снежного человека, манси или беглых эзков, НЛО, шаровая молния и другие, вплоть до неких подземных карликов. Наверное, надеяться на то, что тайна загадочного места будет раскрыта раз и навсегда, сейчас уже нереально. И перевал ещё долго будет манить к себе всех любителей неизвестного, тех, кто уверен, что истина где-то рядом.

Следствие 1959 года, которым руководил прокурор-криминалист Свердловской областной прокуратуры Лев Иванов, не сумело найти причину гибели. Написали, что «учитывая отсутствие на трупах наружных телесных повреждений и признаков борьбы, наличие всех ценностей группы, а также принимая во внимание заключение судебно-медицинской экспертизы о причинах смерти туристов, следует считать, что причиной гибели туристов явилась стихийная сила, преодолеть которую туристы были не в состоянии».

После появления материалов дела в публичных источниках качество работы следствия неоднократно подвергалось критике. Так, следователь Валерий Кудрявцев подверг критике недостаточное внимание следствия к деталям состояния палатки и вещей группы Дятлова (в условиях имевшего место вмешательства поисковиков) и к следам группы на склоне. По оценке почётного сотрудника Прокуратуры и Следственного комитета России, советника юстиции 3 класса и альпиниста Сергея Яковлевича Шкрябача, изучавшего дело о гибели тургруппы Дятлова в 2015 году по поручению Следственного комитета, «в 1959 году расследование было проведено на низком (к сожалению, даже на дилетантском) уровне». По его мнению, Иванов и другие участники расследования не смогли произвести достаточно тщательное исследование обстоятельств происшествия, собрать и изучить необходимые объективные данные. Решение следствия назвать причиной гибели туристов стихийную силу Шкрябач охарактеризовал как «возможно интуитивно правильное, но необоснованное».

Шестидесятилетие гибели группы Дятлова вызвало новый интерес к этой теме. Обращения родственников погибших, общественных организаций и СМИ, не удовлетворённых результатами расследования 1959 года, побудили Генпрокуратуру России начать в сентябре 2018 года проверку уголовного дела о гибели группы Дятлова. 1 февраля 2019 года представитель ведомства Александр Куренной сообщил, что проверка подтвердила достоверность материалов уголовного дела. Не обнаружено никаких доказательств присутствия в деле криминальной составляющей, а наиболее вероятными прокуратура считает 3 версии природных причин происшествия: лавину, «снежную доску» и ураган. В марте 2019 года сотрудники прокуратуры и МЧС посетили место происшествия, после чего был организован надзорный эксперимент на местности со сходными параметрами на склоне Белой горы в окрестностях Нижнего Тагила. Собранные в ходе эксперимента данные планировалось использовать для ситуационной экспертизы. 11 июля 2020 года стали известны выводы Генеральной прокуратуры по результатам проверки: первопричиной гибели группы Дятлова является лавина, из-за которой они покинули палатку, после чего не смогли вернуться к ней из-за плохой видимости и погибли в борьбе с тяжёлыми погод-

Группа на бивуаке

ными условиями. Заместитель начальника управления Генпрокуратуры в УрФО Андрей Курьяков заявил, что проверка завершена, выводы являются окончательными и с точки зрения прокуратуры «вопрос закрыт». Адвокат общественного фонда памяти группы Дятлова Евгений Черноусов от лица родственников погибших выразил несогласие с выводами Генпрокуратуры. По его мнению, причиной гибели группы является авария техногенного характера.

Но ещё в 2015 году этим же занимался Следственный комитет России. Итогом проверки стало «Заключение по уголовному делу о гибели 9 туристов в феврале 1959 года в Ивдельском районе Свердловской области», датированное 5 июля 2015 года.

По их мнению, туристов выгнала из палатки снежная лавина — в компактном, уральском её исполнении. Не стремительный, всё сметающий на своём пути поток, — в этом случае дятловцы попросту не смогли бы выбраться, — а относительно неспешное сползание на ограниченном участке. Короче говоря, снежный оползень. Спровоцировали они его отчасти сами, подрезав склон в ходе установки палатки: последний сделанный дятловцами фотокадр показывает, как они роют в снегу яму и подрезают наст снега. Специалисты СКР написали, что «попадание даже в маленькую лавину объёмом в несколько кубометров грозит летальным исходом. Имеется достаточно примеров, когда сошедший слой снега толщиной около 20 сантиметров размером 3 на 3 метра убивал людей».

По оценке специалистов СКР, на палатку сошёл оползень массой не менее нескольких тонн. События роковой ночи развивались в их представлении следующим образом: «Буря продолжалась, и через некоторое время масса снега на склоне стала критической...

Палатка

Ручей

Кедр

Первоначально сползающая масса снега короткое время сдерживалась натяжением проседающей палатки. Первые явные признаки схода лавины ночью в темноте, скорее всего, вызвали панику.

Быстро усиливавшееся давление снега не дало возможности не только взять верхнюю одежду, но и организованно покинуть палатку. Видимо, этот процесс занял несколько секунд.

Последние из покинувших палатку продирались уже через всё увеличивающуюся массу снега, что вынудило туристов инстинктивно броситься вниз по склону в направлении предполагаемого леса. Единственной возможностью выжить в тех условиях для них была попытка как можно быстрее спуститься в лес, создать укрытие и обеспечить тёплую ночёвку до улучшения погоды».

На морозе полураздетые и босые туристы могли продержаться не более 2-3 часов. Они сумели добраться до опушки леса и даже разжечь небольшой костёр. Хуже всех одетые Дорошенко и Кривонищенко остались у костра, однако быстро замёрзли. Дятлов, Колмогорова и Слободин пытались вернуться через ветер к заваленной палатке, где остались одежда, продукты и снаряжение, но переоценили свои силы.

Третья группа спустилась чуть ниже, к притоку реки Лозьвы, и погибла там. Дубинина, Колеватов, Золотарёв и Тибо-Бриньоль оказались над вымытым в месте истока ручья снежным гротом: «Видимо, снежно-ледовый перешийек под их тяжестью провалился, и они были накрыты рухнувшим слоем промёрзшего снега высотой не менее 5 метров». Отсюда травмы, полученные при падении и обрушении снежно-ледяного свода, удушье и замерзание.

Верхняя одежда отсутствовала лишь у Дубининой, на Золотарёве и Тибо-Бриньоле были и куртки, и тёплая обувь. Но лишь один из этой четвёрки, Колеватов, не имел серьёзных прижизненных телесных повреждений и умер от холода. У остальных помимо признаков замерзания были обнаружены разные травмы. Смерть Дубининой, по мнению судебного медика, «наступила в результате обширного кровоизлияния в правый желудочек сердца, множественного двустороннего перелома рёбер, обильного внутреннего кровоизлияния в грудную полость». У Золотарёва выявлен «множественный перелом рёбер справа с внутренним кровотечением в плевральную полость», у Тибо-Бриньоля — «вдавленный перелом правой височно-теменной области».

Первой упала Дубинина (множественные двусторонние переломы рёбер), на неё упал Золотарёв (множественные переломы рёбер с правой стороны), на него — Колеватов (без повреждений), рядом упал и ударился головой о камень Тибо-Бриньоль (вдавленный перелом черепа).

С такими травмами Дубинина и Тибо-Бриньоль не смогли бы самостоятельно спуститься с горы, да и полученные повреждения оставляли им не более часа жизни.

Версия Михаила Ерёмкина

В 2006 году мне свою версию загадочной гибели туристов предложил сыктывкарский альпинист, мастер спорта по спортивному туризму Михаил Ерёмкин. Сам он погиб в сентябре 2011 года. Но задолго до этого сам пережил то, что погубило группу Дятлова. Поэтому его версия — это не плод пустых рассуждений, а то, что он испытал лично на суровом Урале. Михаил был уверен, что причиной трагедии стала снежная лавина — «доска».

— У них всё случилось так же, как и у нас, — рассказывал мне Михаил. — Шла обычная «радиалка» — восхождение на вершину и спуск. Правда, при таком тяжёлом снаряжении — фуфайки, брезентовая палатка — поход группы Дятлова можно назвать суперсложным.

В тот роковой вечер 1959 года на Урале разыгралась пурга. Анализ данных ближайших к месту событий метеостанций позволяет утверждать, что в ночь с 1 на 2 февраля 1959 года в районе трагедии прошёл фронт циклона — в направлении с северо-запада на юго-восток. Прохождение фронта продолжалось не менее 10 часов и сопровождалось сильным снегопадом,

усилением ветра до ураганного (20–30 метров в секунду) и падением температуры до минус 40 градусов.

Зимой здесь часто возникает так называемый стоковый ветер. В напоминающих трубы перевальных окнах при перекачке воздуха через Урал с Западно-Сибирской низменности в нашу республику образуются сильные ветры. На наветренной стороне склона во время мощной пурги моментально накапливается снег. От перепада температуры, когда оттепель резко сменяется морозом, и смены направления ветра снег спрессовывается в так называемую «доску» — пласт тяжёлого плотного слоя снега, который образуется на уже слежавшемся снежном покрове. Под плотным слоем «доски» образуется мягкий кристаллический снег, по которому «доска» скользит как по маслу. «Доска» в любой момент готова «выстрелить». Достаточно, чтобы пурга намела на неё критическую массу снега.

Пурга помешала группе Дятлова идти дальше, вернуться вниз до наступления темноты тоже не успели, поэтому устроили привал на склоне. Такой опытный турист, как Дятлов, не мог поставить палатку в лавиноопасном месте. Но в том-то и дело, что это место таким и не было. Сошла не классическая лавина, а «доска». Когда туристы ставят палатку и копают углубление, «доска» подрезается. Так что стоит кому-то подняться выше по склону, и от малейшего толчка «доска» неудержимо катится вниз, утюжа всё на своём пути.

По версии Михаила Ерёмкина, палатку свердловчан в 1959 году «доска» задела только краем, поэтому поначалу погибли только 3 человека, ещё двое были травмированы. Специфический цвет кожи у некоторых погибших мог оказаться следствием удушья под снегом. Половину палатки смяло, и вход завалило, поэтому, чтобы выйти, пришлось разрезать заднюю стенку. Оставшиеся в живых туристы начали эвакуацию. Спустив до границы леса раненых товарищей, они разожгли под кедром костёр. Трое оделись потеплее и пошли назад, чтобы забрать из палатки нужные вещи. Но не дошли. Погибли в пурге. Когда «доска» сходит, снег очень быстро перемешивается и уничтожает все её следы, поэтому поисковая группа не смогла найти доказательства схода лавины. Именно так, по версии Ерёмкина, погибли свердловчане. И сегодня именно его версия признана официально.

«Доска»-убийца

Самому Михаилу довелось пережить трагедию, подобную той, что погубила «дятловцев» 31 октября 1988 года. И опять же она связана с Уралом. В тот день в горах погибли 13 человек. Могилы семерых из них можно увидеть на Човском кладбище Сыктывкара.

В роковой поход через Собинский перевал вместе вышли 3 группы, в составе которых были сыктывкарцы и усинцы. Маршрут начался на станции Поляр-

ный Урал. В группе Ерёмкина шло 9 человек. На второй день похода они должны были пройти перевал, но из-за сильного ветра решили сделать привал.

— У нас «доску» сорвали сами ребята, подрезав её при установке палатки, — вспоминал Михаил. — Ведь она висит буквально на «честном слове», а полуметрового слоя «доски» хватает для того, чтобы завалить и проутюжить палатку. «Доска» тогда сошла не вся, только её обломок. Случилось это, как и на «перевале Дятлова», около 8 вечера. Разыгралась пурга. Сила ветра достигала 25 метров в секунду. Палатку установили на не очень крутом склоне — всего 25 градусов. Поэтому ни у кого даже мысли не возникло о лавине. Тем более, что «доска» под ногами вообще никак не ощутима. Её толщина была всего 30–40 сантиметров. Когда выровняли площадку для установки палатки, то подрезали «доску».

По воспоминаниям Михаила, каждые полчаса из палатки выходили 2 человека и счищали мокрый снег с проседавшей крыши. Во время очередной «уборки» и сошла лавина. Михаил уцелел только потому, что лежал на краю палатки. Приподнявшуюся рядом Тамару Селиванову тяжёлый пласт снега буквально переломал, и над Михаилом «доска» повисла. Образовался спасший его небольшой воздушный карман. Все остальные погибли от удущья.

Двое, что были снаружи, проехали вниз на доске и уцелели. Погибли ребята из всех 3 групп. В стоявшей ниже по склону палатке четверых усинцев, к которым пришли ночевать трое сыктывкарцев, полностью заутюжило. Здесь погибли все 7 человек.

— Хлопок, треск, и всё... — вспоминал Еремкин. — Я успел пару раз вздохнуть глубоко, закричать... Ребята сбегали за помощью на станцию Полярный Урал. Меня откопали в полдень. Нас долго не могли найти, хотя палатка осталась на месте, её просто прикрыло «доской»... Вина лежит на руководителях групп, то есть и на мне, так как под моим началом были неопытные ребята. Я даже не участвовал тогда в установке палатки, так как шёл впереди. Воткнул в снег лыжи и предложил здесь поставить палатку. Но не настоял на этом, и палатку поставили в другом месте. До сих пор не могу себе этого простить...

По мнению Михаила Ерёмкина, «доски» — это самая частая причина трагедий в горах Полярного Урала. По этой причине погибло уже много туристических групп.

Добавим, что путешественник, учёный, мастер спорта по спортивному туризму Михаил Ерёмкин погиб 20 сентября 2011 года. На острове Хейса, который входит в состав российского архипелага Земля Франца-Иосифа, нашего земляка растерзал белый медведь. В августе того года 54-летний Михаил Ерёмкин подписал годовой контракт на проведение метеоисследований в Арктике и работал на метеостанции имени Кренкеля. Вечером 20 сентября он пошёл заправлять метеозонд в помещение, находящееся в нескольких десятках метров от базы. Прямо на тропинке на него напал белый медведь. У Михаила была ракетница, но выстрелить он не успел. Услышав лай собаки, коллеги (а всего на станции работали 6 человек) пострадавшего побежали на помощь. Выстрелы ракетницы отпугнули хищника, однако Михаил был уже мёртв.

По лыжне Дятлова

Другой сыктывкарский турист Сергей Семяшкин, чтобы разобраться в том, что случилось с группой Дятлова, решил в 2010 году повторить их маршрут. Причём так, чтобы совпали даты и количество человек в группе — в нужном месте и в нужное время. Цель экспедиции — реконструировать события 1959 года. Но при этом, в отличие от свердловчан, остаться в живых и вернуться домой. Вообще-то, перевал часто посещают экспедиции, члены которых хотят узнать, что же погубило группу Игоря Дятлова. Но обычно эти походы совершаются летом или осенью. В состав группы Семяшкина вошли Николай Рочев, Денис Витязев и Александр Артеев — из Ижемского района, Николай Осипов — из села Лойма Прилузского района, остальные — Сергей Романов, Николай Алексеев, Сергей Иевлев, журналист телеканала «Юрган» Роман Истомин и сам руководитель группы — сыктывкарцы. Возраст туристов от 19 до 47 лет.

23 января 2010 года они выехали на Урал. На автобусе до Кирова, там — на поезд и через Урал до станции Ивдель.

— Экспедиция прошла успешно, — рассказал мне после возвращения Сергей Семяшкин. — Все поставленные перед нами задачи мы выполнили. Мы попали на нужное место быстрее, чем рассчитывали. От станции Ивдель до устья реки Ауспия проходит дорога. Мы могли проделать этот путь в 120 километров пешком на лыжах, но Александр Артеев на свои средства арендовал автомобиль «Урал». Поэтому мы почти сразу оказались в 2 дня пути от перевала Дятлова. Но эти 2 дня были сложными: в сутки проходили в среднем по 10 километров по заснеженному предгорному лесу. На самом перевале мы провели 3,5 дня — с 29 января по 1 февраля. В первый день нашли все контрольные точки. Установили, где находилась палатка, в каких местах были найдены трупы. На второй день — уточнили все детали и с 3 часов дня приступили к эксперименту. Сфотографировали все значимые объекты, уточнили их GPS-координаты. На третий день в точности воспроизвели картину события 1959 года. По нашим расчётам, испуганные «дятловцы» покинули палатку ровно в 18:06. Определить точное время помог эксперимент. Мы шли через каждую точку маршрута, сверяя время, указанное в протоколах следствия. На обратный путь по проторенной лыжне у нас ушло 1,5 дня. На дороге нас снова встретил «Урал», и мы 2 февраля доехали до Ивделя, затем в Свердловск, Киров и домой.

Кстати, ночевали участники эксперимента всё-таки не на том месте, где нашли палатку Дятлова и где у погибшей группы был походный лабаз.

Никто не спонсировал поездку, и каждый её участник потратил на поездку около 10 000 рублей. Ночевали все в 1 палатке, а шли группами по 3 человека — 1 новичок и 2 опытных. Единственное отличие от экспедиции Дятлова: в группе наших земляков не было женщин. Напомним, что среди погибших здесь в 1959 году были 2 девушки: Зина Колмогорова и Людмила Дубинина. Погода в те дни, когда группа находилась на перевале, была морозная и яс-

Группа Сергея Семяшкина, 2010 год.

ная. Температура от -25 до -40 °С. В последний день пребывания в горах стало пасмурно, поэтому часть задуманных панорамных фотографий сделать не удалось. Других групп туристов в эти дни на перевале Дятлова не было. Роман Истомин взял в экспедицию видеокамеру и сделал документальный фильм.

В Екатеринбурге путешественники встретились с единственным выжившим после похода 1959 года Юрием Юдиным. В самом начале похода он заболел, и ему пришлось вернуться домой (Юдин скончался в 2013 году в возрасте 75 лет, и согласно его последней воле, был похоронен на Михайловском кладбище рядом с другими участниками похода). Также туристы из Коми сходили к мемориалу на Михайловском кладбище — на могилы тех, чьи мысли и действия они пытались угадать. Никакой мистики или неприятных происшествий на перевале Дятлова с нашими исследователями не было. Единственное мистическое, что отметили участники экспедиции, — это стая из 9 куропаток, которых они испугнули, когда пошли вверх по склону.

Но эксперимент на этом не закончился. По маршруту Дятлова 20 февраля отправились 4 спасательных отряда, состоявшие из студентов. К ним присоединились и военные. Через 6 дней одно из поисковых подразделений обнаружило палатку, разрезанную в 2 местах. Погибших участников экспедиции Дятлова обнаружили через 26 дней. Поэтому Сергей Семяшкин решил организовать на перевал вторую экспедицию — в конце февраля. На этот раз для того, чтобы провести обследование местности в те календарные сроки, в которые пришли сюда поисковики.

Исследователи из Коми оставили на перевале 9 «трупов» — мешков со снегом — на тех самых местах, где были найдены тела погибших «дятловцев». 2 «трупа» возле кедра, 4 мешка около настила и 3 — «идуших» к палатке. 25 февраля Сергей Семяшкин и опытный турист из Екатеринбурга Алексей Коськин пришли на перевал, чтобы проверить, что стало с «трупами» за это время, и сфотографировать оставленные на перевале вещи в тех же ракурсах, что снимали место события 1959 года, измерить толщину снежного покрова, проверить, как засыпало снегом мешки. Третьим участником этой экспедиции оказался один из местных мансийских охотников — 45-летний Савелий Бахтияров.

Исследователи провели на перевале 5 часов. На снегу не оказалось ни одного следа, всё замело. Слой снежного покрова увеличился на 35 сантиметров, но над мешками — «трупами» — его толщина равнялась 2 сантиметрам. В разрезанную палатку набился снег. Внутри он уплотнился почти до твёрдости бетона. Поэтому палатку разобрать не удалось, и её пришлось оставить на перевале.

— Мы могли бы сделать значительно больше, но финансовое состояние экспедиции не позволило нам задержаться на перевале дольше, — жалеет Сергей Семяшкин.

К тому же погода испортилась. Снег, метель, ветер мешали работе. Тем не менее, исследователи сфотографировали палатку, мешки и измерили толщину снежного покрова. Всё прошло успешно, и 1 марта Сергей Семяшкин вернулся в Сыктывкар.

Наибольший интерес у исследователей вызвал тот факт, что они не обнаружили следов своего пребывания: они оказались замечены снегом. «Трупы» залегали под слоем снега всего в 2 сантиметра. Тогда как тела дятловцев были обнаружены гораздо глубже. В аналогичный период 1959 года в районе перевала наблюдались и осадки, и метели. Тем не менее, поисковики, обнаружившие дятловцев, смогли детально разглядеть следы.

— Я закрываю для себя тему перевала Дятлова, — подвёл итог путешественник. — Всё, что я смог узнать и сделать, я завершил. Поэтому побывать снова на перевале Дятлова в ближайшие годы не собираюсь. Разгадать его тайну одной экспедиции не под силу, но мы внесли свою лепту в раскрытие загадки века.

— К сорокалетию гибели группы, в феврале 1999 года, мы тоже организовывали экспедицию на перевал Дятлова, — рассказал мне тогда турист из Екатеринбурга Алексей Коськин. — Но нас было 13 человек. Всё прошло нормально, никто не пострадал. После этого я дважды организовывал туда летние экспедиции, и мы досконально обследовали местность. Сам я придерживаюсь версии, что в 1959 году военные проводили в горах Урала испытание нового оружия или что-то ещё, связанное с военными. Версию лавины не считаю правдоподобной, потому что склон там небольшой, место очень ветреное, и снег плотный, слежавшийся, спрессованный. Ежегодно в феврале на перевале бывают по 2-3 группы экстремальных туристов. Летом же это вообще оживлённое место. В день здесь в среднем проходят по 3 группы. Сейчас особенно много групп, так как туристы идут через перевал Дятлова на Маньпупунёр.

На экране и под обложкой

Неудивительно, что такая тема как таинственная гибель туристов вызвала интерес писателей и сценаристов.

В частности, ещё в 1970 году любительской киностудией Научно-исследовательского института измерительной техники (Челябинск) был снят короткометражный фильм-реквием «Ветер, скалы и снег».

В 2013 году прошла премьера фильма «Тайна перевала Дятлова» («The Dyatlov Pass Incident»). Свою версию загадочной гибели туристов на Урале представил финско-американский кинорежиссёр, актёр и продюсер Ренни Харлин (настоящее имя Лаури Харьола). Его называют самым успешным финским режиссёром Голливуда. Он прославился такими фильмами, как четвёртая часть «Кошмара на улице Вязов», «Крепкий орешек 2» и «Скалолаз». Съёмки фильма про перевал Дятлова проходили в Мурманской области. Роли исполнили российские, американские и английские актёры. В американском фильме события происходят как в 1959 году, так и в 2012 году. По сюжету фильма, таинственной историей заинтересовался американский режиссёр, который решил снять фильм на перевале Дятлова. И сюда летят американские студенты, чтобы спустя полвека пройти путём группы Дятлова. Американцы пытаются установить причину гибели советских туристов, но сами оказываются в точно такой же ситуации. «Горы заряжены мистической энергией, убивающей всех, кто пытается копнуть глубже и узнать тайну перевала Дятлова», — предупреждает анонс фильма. Появление фильма на российских экранах вызвало всплеск интереса к происшествию на перевале Дятлова в российских СМИ.

И в конце 2020 года на телеканале ТНТ и видеосервисе Premier прошла премьера восьмисерийного телесериала «Перевал Дятлова». Она объединила элементы фантастического триллера, мистического детектива и ностальгической драмы. Сюжет построен на чередовании серий о расследовании гибели туристической группы с сериями, реконструирующими события во время её похода. По мнению кинокритика Егора Москвитина, «Перевал Дятлова», вероятно, является «одним из главных российских сериалов» 2020 года.

Из книг можно назвать повесть Анны Матвеевой «Перевал Дятлова». Её журнальный вариант вышел в конце 2000 — начале 2001 года в журнале «Урал». Повесть была впервые издана полностью в авторском сборнике «Падет-труа», впоследствии неоднократно переиздавалась. Также есть книга Евгения Буянова и Бориса Слобцова «Тайна гибели группы Дятлова», Алексея Ракитина «Перевал Дятлова», Донни Эйчар «Dead Mountain» (Мёртвая гора), Олега Архипова «Судмедэксперты в Деле группы Дятлова», Юрия Ярового «Высшей категории трудности» и т. д.

*В материале использованы архивные кадры
с фотоаппарата группы Дятлова*

Сергей СЕМЯШКИН

Сергей Васильевич Семяшкин родился в 1969 году в селе Ижма. Армейскую службу проходил в Афганистане, имеет государственные награды. Окончил Педагогический колледж № 1. Затем, после окончания Удмуртского государственного университета, Сергей стал учителем физкультуры в эжвинской школе № 30.

С 1989 по 2005 год работал тренером по боксу.

С 2005 года начал свою туристическую деятельность.

Сегодня Сергей руководит компанией «Активный отдых Коми». Он член Русского географического общества, инструктор походов, горный гид, альпинист.

Сергей СЕМЯШКИН:

«В мистику я не верю»

Интервью Нины Новиковой

В 2010 году исследователи из Коми совершили экспедицию к перевалу Дятлова. Руководил группой известный путешественник Сергей Семяшкин. Туристам удалось поминутно восстановить события 1959 года. Именно тогда на границе Коми и Свердловской области при загадочных обстоятельствах погибла группа из 9 человек.

Сергей Семяшкин рассказал журналу «Арт», какие выводы позволила сделать реконструкция трагедии и почему эти материалы так нигде и не были обнаружены.

— Сергей, какова была цель реконструкции?

— Изначально мы с Николаем Рочевым планировали просто побывать на перевале Дятлова как в знаковой точке. Ни я, ни кто-либо из нашей группы не был фанатом всех этих легенд и историй. Но пока готовились к путешествию, возникли новые задачи. Для себя мы решили, что необходимо объяснить людям: ничего мистического в этом месте нет.

Реконструкция событий должна была также стать ещё одним источником информации для исследователей. К примеру, нами установлен момент, когда произошло нечто, выгнавшее туристов из палатки.

— Вы показывали свои записи исследователям?

— Существует фонд Игоря Дятлова. Там работают фанатичные (в хорошем смысле этого слова) люди. Они поддерживают эту историю. Речь идёт не о мистике и ужасах, а памяти о погибших туристах. Наши материалы были направлены в этот фонд. Но никто из исследователей не захотел воспользоваться результатами реконструкции 2010 года. Может, оттого, что в нашем эксперименте были факты, а доводы некоторых «учёных» основаны на фантазиях. Каждый из них пытается что-то домыслить и выдать свою идею за истину.

— Действительно, существуют десятки версий того, что произошло в 1959 году: от НЛО до мансийских духов. Есть ли теория, которая кажется тебе наиболее реалистичной?

— Существует один-единственный документ — уголовное дело по факту гибели туристов. Только этот материал является достоверным, кто бы что ни говорил. «Диванные эксперты» могут позволить себе обсуждать итоги вскрытий, с ошибками они были проведены или не с ошибками. Каким образом лжеисследователи это делают и для чего — совершенно непонятно. Это столь же бессмысленно, как и обсуждать действия дятловцев. Последовательность их шагов нам неизвестна. Что их выгнало из палатки? Где они получили травмы? Что делали до момента гибели? Мы ничего этого не знаем и никогда не узнаем. И лучше, чем написано в материалах уголовного дела — «причиной смерти явилась непреодолимая сила», — не скажешь. Я придерживаюсь официальной версии.

— Я тоже изучала материал уголовного дела. И для меня осталось загадкой, как следы группы Игоря Дятлова сохранились через 26 дней? Следователи смогли описать, кто бежал босиком, а кто в носках. Я так понимаю, что в вашем эксперименте следы через 26 дней запорошило снегом? Интересно, что погодные условия в 1959-м и 2010-м году совпадали. На улице было –25 градусов и сильный ветер. В чём же тогда разница?

СУЩЕСТВУЕТ
ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ
ДОКУМЕНТ — УГОЛОВНОЕ
ДЕЛО ПО ФАКТУ ГИБЕЛИ
ТУРИСТОВ. ТОЛЬКО ЭТОТ
МАТЕРИАЛ ЯВЛЯЕТСЯ
ДОСТОВЕРНЫМ...

— В это время года снег на перевале как асфальт. Он словно отшлифован ветром. В первые минуты подготовки площадки под палатку мы сломали две металлические лопаты. И если обратиться к дневникам группы Дятлова, то мы узнаем, как они тоже сломали свои лопаты.

Три дня участники реконструкции 2010 года работали на перевале и, придя туда через 26 дней, не обнаружили ни одного своего следа. Это загадка, как дятловцы, пробежав

единожды, оставили отпечатки, которые сохранились длительное время и, как ты уже сказала, так подробно читались.

Можно предположить, что отпечатки группы Дятлова, как следы динозавров, могли остаться на подтаявшем снегу, а потом замёрзнуть. То есть кратковременное оттаивание привело к такому эффекту. Что могло послужить этому? Ну, опять же из области догадок — падение ракеты. Известно, что падение ракеты не всегда происходит вертикально вниз. Она может двигаться и по касательной траектории. Ракета же и могла испугать туристов, заставить их выбежать из палатки и дать старт трагическим событиям. Но это одна из догадок, не более.

— Практически во всех источниках сказано, что события трагедии происходили вечером. Но известно, что у туристов имелась печка, она была собрана и осталось одно полено. Обычно печку топят на ночь. Можно ли предположить, что дрова все прогорели и события происходили утром?

— В материалах уголовного дела написано, что туристы не воспользовались печкой и у них было это единственное полено. Возможно, дятловцы не успели растопить печку. Также возможно, это полено было приготовлено на случай аварийной ситуации, или если им стало бы холодно...

— А разве можно согреться одним поленом?

— Конечно! Растопить, обогреться и снова лечь спать. Или наоборот — собраться и начать движение. Если бы я ставил себе задачу — провести «холодную ночёвку» на склоне горы — поступил так же. И мы снова гадаем, не зная истины. Но то, что печка была собрана и в ней не было углей, — это известно доподлинно.

⚡

УРАГАН МОГ СЫГРАТЬ НЕ ПОСЛЕДНЮЮ РОЛЬ И В ДЕЛЕ ГРУППЫ ДЯТЛОВА

⚡

Почему мы решили, что события происходили вечером? Это время появилось в результате эксперимента. Мы выдвинулись от лабаза в 15:00, как и группа туристов в 1959 году. Пришли к месту установки палатки, допустим, за один час тридцать минут. Можем предположить, что дятловцы двигались не по прямой: лабаз — палатка, а гуляли часа три. Но это глупо. Скорее всего, они двигались так же и затратили то же количество времени.

В 2010 году участники экспедиции установили аналогичную палатку на том же самом месте. И мы знаем хронометраж действий дятловцев: разложили вещи, перекусили. Ведь известно, что они не ужинали, поскольку следователями были обнаружены лишь несколько корочек корейки. И когда мы выполнили всё то, что сделали дятловцы, сказали: «Стоп. Вот сей-

час что-то произошло». На часах было приблизительно шесть вечера. Всем известно, что зимой в это время уже темно.

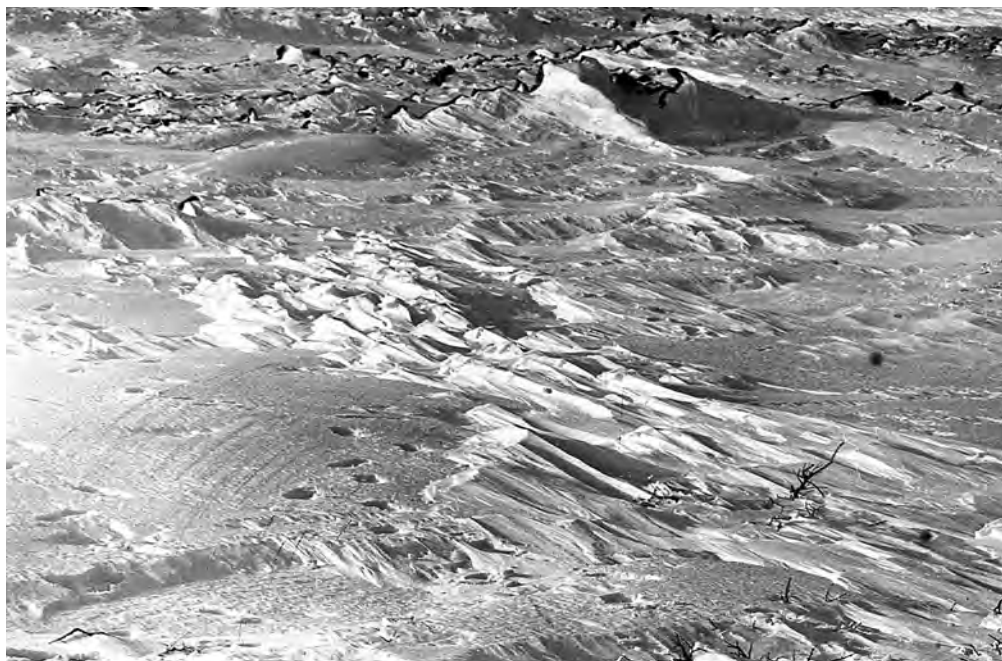
Для чего мы определили время? Чтобы исследователи могли посмотреть, были ли в этом месте в указанный период какие-то атмосферные явления или чрезвычайные ситуации, которые могли повлиять на ход событий.

— **Вы определили момент «Ч», выбежали из палатки, разрезав её. После направились к кромке леса. Вы видели этот ориентир или нет?**

— Дело в том, что, выходя из палатки и двигаясь вниз, попадаешь в лощину четвёртого прито-

ка Лозьвы. Справа и слева от тебя лес, а коридор ручья безлесный. Но почему дятловцы остановились около кедра? Мне удалось поговорить с Михаилом Шаравиным. В 1959 году он первым обнаружил палатку и два трупа под кедром. Я задавал ему вопрос: «Как вы пришли от палатки к этому месту?» А, говорит, просто стали оглядываться. Следы вели в ту сторону. Мы увидели самый высокий кедр с двумя вершинками, пошли к нему, там обнаружили первые два трупа. То есть кедр служил ориентиром.

В 2010 году это дерево не было видно. Мы просто знали направление движения группы Дятлова. И это логично: ты не побежишь в лес, что справа и слева от тебя,

Следы группы Игоря Дятлова были обнаружены через 26 дней

а будешь двигаться по свободному пространству. Почему группа остановилась около кедра? Когда участники реконструкции добежали до дерева, стали проваливаться. Снег из плотного превратился в абсолютно рыхлый.

— **Сергей, твой эксперимент 2010 года отверг версию схода лавины...**

— Я уже говорил, что снег на самом перевале очень плотный. Его толщина не меньше 60 сантиметров. Некоторые пытаются доказать, что дятловцы при установке палатки спровоцировали сход лавины. Но при такой плотности снега сложно нарушить целостность полотна. Тем более, что участок под палатку нужен небольшой — 2-2,5 метра.

В версии схода лавины нелогично и то, что люди со смертельными травмами вообще были в состоянии двигаться полтора километра. Да и лавина не может привести к такому шоковому состоянию. Условно говоря, снег сошёл и угрозы для жизни больше нет. Дятловцы бы выбрались, и всё, что им нужно было сделать, — выкопать палатку.

— **В тех местах часто случаются ураганы. Мог ли ураган стать причиной смерти туристов?**

— Напомню, что шесть человек в этой группе погибли от переохлаждения. И только трое имели травмы, несовместимые с жизнью. У Семёна Золотарёва и Люды Дубининой были переломы грудной клетки. И у Николая Тибо-Бринь-

оль — вдавленный перелом височной кости. Патологоанатомы сравнили эти травмы с увечьями, которые может получить человек, если его сожмёт машина, движущаяся со скоростью 80 км/ч.

❖❖

**КАЖДЫЙ ГОД НАШЕ
ТЕЛЕВИДЕНИЕ
РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ
ПЕРЕВАЛА ДЯТЛОВА.
ОНО НАХОДИТ
КАКОГО-ТО СВИДЕТЕЛЯ,
КОТОРЫЙ МОЛЧАЛ ВСЕ
ЭТИ ГОДЫ И «ТЕПЕРЬ
ГОТОВ РАССКАЗАТЬ
ПРАВДУ». В РЕЗУЛЬТАТЕ
ЧТО? ПШИК — И БОЛЬШЕ
НИЧЕГО.**

❖❖

Однажды я смотрел новостной сюжет об ураганном ветре в Санкт-Петербурге. Врач больницы, где находились пострадавшие, описал ситуацию так: «Люди находятся в тяжёлом состоянии с характерными травмами, которые получают при падении деревьев, — вдавленные переломы грудной клетки и черепа». Это натолкнуло меня на мысль, что ураган мог сыграть не последнюю роль и в деле группы Дятлова.

— **С момента трагедии прошло уже 62 года. Но интерес**

к этому событию не утихает. Написаны романы, сняты фильмы и даже сериалы. Как ты относишься к этому?

— Ну, к художественным произведениям я никак не отношусь. Авторы могут фантазировать что угодно. Это их право, и право других людей смотреть и слушать. А то, что на нашем телевидении в прямом смысле слова идёт спекуляция на трагедии группы Игоря Дятлова, — это абсолютно точно. Я сам участвовал в подобных передачах. Каждый год наше телевидение раскрывает тайну перевала Дятлова. Оно находит какого-то свидетеля, который молчал все эти годы и «теперь готов рассказать правду». В результате что? Пшик — и больше ничего. Мы никогда не узнаем, что произошло на самом деле.

— Это правда, что во время реконструкции событий вы видели девять куропаток?

— В действительности их было семь. Но когда мы приехали в Екатеринбург, прямо на вокзале нас окружили журналисты. У них там огромной популярностью пользовались местные новостные передачи. И после того как нас два раза показали по телевидению, в Екатеринбурге мы стали настоящими звёздами. Вот на волне этой эйфории мы и решили поддержать журналистов.

— Вот это признание!

— Да я много раз в этом признавался (смеётся — *прим. авт.*). Когда надо, я всегда могу соврать. Шутка! Но мы действительно придумали,

что куропаток было девять и что это души дятловцев.

— У народа манси существует легенда о горе Холотчахль или иначе — «Гора мертвецов». Предание гласит, что во время большого потопа там погибли девять манси, которые теперь охраняют эти места от людей. Веришь ли ты в это?

— В мистику — нет. А то, что легенды существовали, — да. Одним из наших проводников во время экспедиции был манси. Он рассказывал эту легенду. Но сколько его предков погибло в тех краях, никто не знает.

— То есть кто-то тоже «приукрасил» эту легенду?

— Конечно! И даже известно кто — наш главный космопоиск дядька Чернобров (Вадим Чернобров, уфолог, основатель объединения «Космопоиск» — *прим. авт.*). Он все эти цифры и свёл к мистике. Кроме девяти манси, приплёл сюда девять дятловцев и ещё трагедии в этом районе, в которых погибли девять человек. Но этих событий не существовало.

— Некоторые источники дают информацию, что погибла ещё группа из Санкт-Петербурга...

— Интернет — это не источник. Есть официальный сайт авиакатастроф. Вот там абсолютно точно указано: в таком-то году разбился бортовой самолёт, в нём находилось столько-то человек, столько-то выжило, столько-то — нет. Но на сайте

Поисковые работы. 1959 год.

авиакатастроф нет информации о девяти погибших в этом районе.

— Сергей, 27 января ты отправился в новую разведывательную экспедицию к перевалу Дятлова. Какие задачи ставил перед собой?

— Мы прошли по территории Троицко-Печорского района, по береговой линии реки Уньи. Хотели опробовать новый маршрут, посмотреть, насколько он реален. И я думаю, путь

из Республики Коми станет достойной альтернативой маршрутам через Свердловскую область.

— Как ты думаешь, найдутся ли туристы, которые захотят пойти из Коми к перевалу Дятлова?

— Я ведь и сам побывал на перевале Дятлова потому, что много слышал об этих местах. Если у меня возникло такое желание, наверняка оно возникнет и у кого-то ещё.

Когда путь важнее цели

*Дневник разведывательной экспедиции
из Коми к перевалу Дятлова*

27 ЯНВАРЯ десять туристов во главе с опытным путешественником, членом Русского географического общества, руководителем клуба «Активный отдых Коми» Сергеем Семяшкиным отправились из Сыктывкара на Северный Урал. Цель экспедиции — проложить новый зимний маршрут к перевалу Дятлова через территорию Республики Коми. Вернуться туристы должны были 4 февраля, но вышли на связь только 5 числа. За это время от них по спутниковой связи приходили короткие тревожные сообщения: «Утопили три снегохода», «Решили изменить маршрут», «Вернёмся позже».

О том, какие приключения ждали туристов на маршруте, читайте в путевом дневнике одного из участников экспедиции, руководителя редакции журнала «Арт» Нины Новиковой.

Ночные сборы

— И помните — как бы вы ни оделись, всё равно замёрзнете! — «ободряюще» закончил свою речь Сергей Семяшкин на собрании накануне отъезда.

«Две пары шерстяных носков взять или одну?» — думала я, собирая рюкзак. Руки сами положили обе.

Сверяю список вещей:

1. Спальник, две «пенки» — на случай ночёвки в палатке.

Нина НОВИКОВА

Нина Михайловна Новикова родилась в 1988 году в д. Туискерос Усть-Вымского района. Окончила Сыктывкарский государственный университет по специальности «Журналистика».

С 2013 по 2015 год была главным редактором семейного журнала «ВечерОК».

С 2016 года — руководитель редакции журнала «Арт».

С 2017 года — главный редактор детского журнала «Радуга».

Нина Новикова является членом Союза журналистов России, членом Общественной палаты Республики Коми.

2. Безразмерный полукомбинезон и куртка «Инта», к ним в комплект — сапоги ЭВА 41 размера. «Спасибо друзьям, снабдили».

3. Горнолыжный костюм.

4. Две флисовые кофты.

5. Два комплекта термобелья.

6. Носки... возьму 10 пар, нет — 11!

7. Балаклава и очки.

8. Два налобных фонарика. «Эх, забыла купить запасные батарейки».

9. Теплоиды — одноразовые грелки.

10. КЛМН. «Это не просто буквы алфавита, а известные всем туристам кружка, ложка, миска и нож. Однажды я оказалась в походе без столовых приборов, с тех пор они падают в колпак рюкзака первыми!»

11. И самое главное — целый мешок всевозможных перчаток, варежек и рукавиц! «Их должно быть много, — звучал в голове строгий голос Семяшкина, — намокли — выкинули». Надеюсь, он пошутил насчёт «выкинули».

На часах полночь. Выезд из Сыктывкара в четыре утра. Успела!

«А может, ну его...», — проносится в голове, когда слышу еле различимое сопение дочки из соседней комнаты.

Решение участвовать в разведывательной экспедиции к перевалу Дятлова пришло спонтанно. В тот вечер мы сидели с туристами в палатке под горой Народная. За бортом лил дождь, скапливаясь в лужу аккуратно под моей «пенкой». Сергей Семяшкин рассказывал о своей экспедиции по Северному Уралу

в 2010 году. Он провёл полную реконструкцию событий трагедии 1959 года. Именно тогда под горой Холатчахль на севере Свердловской области при загадочных обстоятельствах погибла группа Игоря Дятлова.

— Ближайшей зимой планирую проложить к перевалу новый маршрут — через Республику Коми, — заключил Семяшкин.

— Сергей, а давай напишем об экспедиции в «Арте»? Возьмёшь меня с собой? — от волнения не узнала свой голос.

Так я оказалась в группе.

Нервно зазвенел будильник. Ого, уже три часа!

27 января

Сыктывкар — Усть-Унья

«Прям как в ковидном марте...», — подумалось мне, едва вышла на непривычно тихую и пустую Коммунистическую.

В 4:00, как и договаривались, Саша Комольцев подъехал на своей Ниве Шевроле к остановке «Парма».

Нам предстояло забрать из города ещё Дмитрия Пяткова и Наташу Медведовскую. До выезда встретиться с группой в полном составе не удалось, поэтому я терялась в догадках — кто же они, товарищи по несчастью? Одно радовало, что среди имён туристов есть ещё одно женское. Значит, буду не одна.

В 5:00 встретились в Эжве с инструкторами Сергеем Семяшкиным и Павлом Насоновым.

Заправились, сделали селфи (конечно же, получилось криво) и разошлись по машинам.

Снегоходчики Виктор Боровик, Александр П. и Роман Грищенко едут отдельно на микроавтобусах с прицепами. Все они из сыктывкарского клуба «Сусанины». Сами ребята называли себя в шутку не туристами, а кемпингистами. Столько вещей, облегчающих жизнь человека в диких условиях, я не видела никогда: специальные раскладушки, тепловые пушки, прожекторы, измеритель CO₂, генератор, газовый баллон... легче перечислить, что они с собой не везли.

Всего к Северному Уралу выехали из Сыктывкара 10 человек, 6 машин и 6 снегоходов в прицепах.

1:16 — мы в Усть-Унье! Почти сутки в пути...

Всё пошло не по плану с самого начала. Расстояние от посёлка Комсомольск-на-Печоре, что в Троицко-Печорском районе, до села Усть-Унья — около 90 км. Чтобы преодолеть этот путь, нам потребовалось больше пяти часов! Попали в метель, машины с прицепами то и дело утопали в рыхлом снегу. Двигатель «буханки» Семяшкина стал нагреваться, пришлось остановиться и искать причину.

«А тут живёт кто-нибудь?» — глубокой ночью посёлок из десяти домов казался заброшенным. Сергей Семяшкин не сразу нашёл бронированный для нас домик. Спальных мест — 4, а нас семеро. Нам с Наташей достались

отдельные «апартаменты» за цветастыми занавесками. Ребята же улеглись кто на продавленном диване, кто на полу в спальниках.

28 января

Днёвка

«Предлагаю устроить днёвку», — с порога сообщил румяный руководитель группы.

Я и Наташа, не договариваясь, воскликнули: «Ура!»

Но оказалось, дело было не только в отдыхе... Местные жители рассказали, что Унья не замёрзла, и отговаривали нас идти дальше.

Предполагалось, что сегодня мы доберёмся по реке до деревни Бёрдыш, 29 января будем на базе «Чемейная», а оттуда отправимся на реку Кисунья к Вологодской грани и перевалу Дятлова. Но! У погоды оказались свои планы. Вместо обещанных низких температур градусник упрямо показывал -4 , -6 .

Кто-то из группы предложил идти к перевалу через плато Маньпупунёр. Семяшкин звонил в Печоро-Ильчский заповедник и запрашивал разрешение на пропуск. По таксофону (другой связи тут просто нет) сообщили, что сезон открывается 1 февраля. До этого времени проход через Пупы (так называли Маньпупунёр опытные туристы) не-воз-мо-жен!

Решили идти назначенным ранее путём.

Отбой в 23:30. Через полчаса отключат свет. Здесь он работает строго по расписанию — по паре часов утром, днём и вечером. Напряжение часто скачет, и лампочки Ильича то ярко вспыхивают, то почти гаснут.

29 января

Купание в Унье

В этот день было необходимо наверстать упущенное время и добраться до базы «Чемейная», минуя остановку в деревне Бёрдыш. А это без малого 70 км пути.

Впереди тропили дорогу Александр П., Виктор Боровик и Роман Грищенко на мощных снегоходах с четырёхтактными двигателями. Туристы с основной частью вещей шли на трёх остальных буранах с прицепами.

Как мы и предполагали, при температуре -5 градусов на поверхность льда выступила вода. Горная речка замёрзла не полностью, и местами то и дело попадались промоины и тонкий лёд. Снегоходы вязли в снежной каше. Приходилось отцеплять сани, вытаскивать машины, толкая их вручную или вытягивая на тросах.

Особенно доставалось Сергею Семяшкину и его штурману Дмитрию Пяткову. Их деревянные сани ещё вначале «напились» воды и при первой возможности превращались в комок снега. «Слабое звено», — в шутку прозвали мы злосчастные сани.

После деревни Бёрдыш встретили группу из Перми. Они наткнулись на пережат и возвращались обратно.

— Впереди остров, обойдите его справа, — дали нам ценный совет пермяки. Жаль, что мы им пренебрегли...

Доехав до острова, объехали его слева, по буранке. Уткнулись в пережат. Было решено возвращаться.

Не проехав и 500 метров, три снегохода ушли под лёд. Первой провалилась машина Виктора Боровика. Сзади его нагнал Александр П. с прицепом, рядом не смог объехать снегоход Романа Грищенко.

К этому времени на улице уже стемнело и стало холодать. Термометр показывал минус 17. При свете налобных фонариков мы несколько часов спасали вещи и машины. Приближаться к снегоходам было опасно. Это стало понятно, когда трое участников группы провалились в воду. Продолжать путь дальше было невозможно. Не доехав до базы девять километров, поставили зимнюю палатку с печкой.

20:30 — вскипятили воду на газовых горелках и разлили чай. В палатке отовсюду свисали мокрые вещи.

Назавтра было решено отправить Сашу Комольцева, Виктора Боровика и Рому Грищенко на разведку до Чемейного плёса. Если им удастся пройти налегке, то ребята вернутся за нами.

А после мы праздновали победу. Да-да, именно побе-

ду. Над обстоятельствами, своей усталостью и страхами. В палатке от пышущей буржуйки было тепло, на душе — тоже.

30 января

Чемейный плёс

Оказалось, что каких-то 20 минут отделяли нас от тёплого домика и бани. Ночью похолодало, и там, где вчера чавкала вода, — сегодня образовался прочный лёд.

Устроили днёвку на базе «Чемейная».

Дима Пятков, Саша Комольцев и Сергей Семяшкин добыли дрова. Ребята сильно вымотались и замёрзли. Зато теперь у нас будет баня, а вещи, которые вчера тонули, — высохнут.

Вечером Рома Грищенко сварил борщ на газовой горелке. От аппетитных запахов кружилась голова. Мы с Наташей приготовили на буржуйке булгур и рис с тушёнкой. Это был настоящий пир.

Места здесь удивительные. По берегам Уньи встречались скальные выступы. Будто древние атланты застыли здесь миллионы лет назад и теперь охраняют Урал. От чего или от кого? Не знаю. Может, от нас, от людей.

31 января

Планы меняются

Продолжать путь по Унье было нельзя. В верховьях течение сильнее, а лёд — тоньше. После долгих обсуждений у нас появилось несколько версий развития событий:

1. Провести пару днёвок на базе «Чемейная». Прогуляться до ближайших пещер и посмотреть перекаты на Унье.

2. Вернуться в Усть-Унью, а оттуда доехать до Якши и заглянуть на лосеферму.

3. Проложить новый маршрут к перевалу Дятлова через Печоро-Ильчский заповедник, мимо плато Маньпупунёр.

Как вы думаете, что мы выбрали? Правильно — идти на перевал!

В 9:00 выехали с Чемейного плёса. К четырём вечера были уже в Усть-Унье. 70 км проехали без происшествий. Мороз прихватил буранку, по которой мы ехали в ту сторону, поэтому добрались быстро.

Оставалось получить разрешение на посещение заповедника, достать продуктов и горючее.

Заявку в Печоро-Ильчский заповедник мы предусмотрительно подали ещё 28 января, тут проблем не возникло.

С едой и бензином помогли «Сусанины». Ребята решили не идти с нами дальше. В тот же день выехали в Сыктывкар. На Маньпупунёре они уже бывали, да и тропить по Печоре сильно не придётся. Ох, как же мы тогда заблуждались...

«Вам нужны специи? Перец, правда, какой-то ядрёный», — Рома Грищенко протянул пакет с заветными пряностями. Мы с Наташей завизжали от радости. Кто бы мог подумать, что к пятому дню похода нас могут так обрадовать чёрный перец, лаврушка и сушёная зелень.

Вместе со специями нам достались крупа, макароны, мешок тушёнки, печенье и целый пакет хлеба!

200 литров бензина мы взяли у них же. Ещё за 250 литрами Сергей Семяшкин и Паша Насонов съездили на «буханке» в Комсомольск.

А это значит, завтра начинается новый поход!

1 февраля

Шежим

«Все беды из-за вас, женщины. Вот понимайте теперь, как хотите», — с доброй улыбкой произнёс отец Николай.

Монах-отшельник вот уже 19 лет живёт в лесу. Как он сам сказал, сейчас его армейская палатка стоит недалеко от Усть-Уньи. С нами он ехал в сторону Комсомольска. Но от того участка дороги, где мы свернули в тайгу, отцу Николаю оставалось ещё идти пешком не меньше 60 км! Надеюсь, он благополучно добрался до места.

Ехать по лесу на снегоходах оказалось не то же самое, что по реке. По лицу всё время хлестали ветки (как хорошо, что все мы были в очках), то и дело приходилось останавливаться и расчищать дорогу от поваленных деревьев.

До Шежима добрались поздно вечером.

Завтра будет решающий день. Погода снова меняется. А ещё мы никак не ожидали, что снегоходы Семяшкина и Насонова окажутся такими прожорливыми на низких оборотах. Хватит ли нам бензина? Дойдём ли мы за день до Вологодской грани? Ответы на эти вопросы узнаем только завтра.

2 февраля

Стояние на Печоре

Самая большая и мощная река в Коми встретила нас мокрым снегом и проталинами, что здесь случается довольно редко. Дорога усложнялась пургой, термометры показывали –6 градусов. На реке Ельме пересеклись с группой Алексея Ларионова. Большую часть пути прошли вместе, по очереди вытаскивая машины из водянистой каши. Когда стемнело, мы окончательно потеряли надежду добраться в этот день до Вологодской грани.

Ближе к девяти вечера поставили палатку «Зима» на правом берегу Печоры. За ужином все молчали.

«Важно уметь вовремя остановиться, — произнёс Сергей Семяшкин. — Мы не успеем за один день дойти до Вологодской грани, а оттуда к перевалу Дятлова. Ещё нужно оставить силы на обратный путь, а их остаётся всё меньше».

Это был седьмой день похода.

3 февраля

Поднялись на Вологодскую грань

«С восточной границы Печоро-Илычского заповедника открывается живописный вид на хребет Уральских гор...» — так должно было начинаться описание этого дня. Реальность же оказалась другой.

Минуя развилку на известное во всём мире плато Маньпупунёр, мы повернули к Вологодской грани. Оставшиеся семь километров ехали в сумерках.

С каждым пройденным метром погода становилась хуже. На Вологодской грани нас ждал настоящий ураган! Видимость — не больше метра.

Я решила запечатлеть непогоду на видео, за что поплатилась одной рукавицей. Её просто унесло ветром.

Стало понятно, что нужно возвращаться.

Ближе к девяти вечера добрались до места, где оставили сани с вещами. Все устали, а нужно было ещё установить палатку и приготовить ужин. На это уйдёт не меньше трёх часов.

Работали слаженно, никто не ругался и не ворчал.

Ночью дежурили по очереди. Все по часу, а Семяшкин с четырёх до шести утра. Я вызвалась следить за печкой первой — есть возможность подумать и записать мысли в дневник.

Завтра нам предстоит проехать более 160 км (!) до Усть-Уньи. Спутник обещает морозную погоду. Да, холод нас ещё не испытывал.

Сегодня первый день, когда мы едем домой.

4 февраля

Главное — выжить

Ехать по болоту в пургу очень тяжело. Старой буранки не видно. Снегоход прорезает снежные барханы и, кажется, вот-вот утонет в одном из них.

— Ты что, спишь?! — слышу крик спереди. Оказывается, в какой-то момент я закрыла глаза и просто начала сползать со снегохода. Шёл десятый час, как мы были в пути.

Утром, после завтрака, выехали на Печору. Несмотря на мороз, река под толстым слоем снега так и не замёрзла. Сходить с протоптанной дороги было опасно. Пару раз пришлось вытаскивать снегоходы Сергея и Паши. Не доезжая до Ельмы, забарахлила гусеница Семяшкина. Если бы она сломалась, пришлось бы оставлять снегоход здесь.

В Шежим добрались ближе к пяти вечера, уже стемнело. Впереди нас ждали ещё около сотни километров. Я начала сомневаться в том, что это возможно. Мы устали и начали замерзать.

Следующая остановка в Шайтановке. На кордоне нас встретил главный инспектор Дмитрий. Мы снимали застывшие куртки и варежки, а он клал наши вещи на печку. Потом вскипятил чайники и поставил на стол трёхлитровую банку мёда! И это в глухой тайге, где нет магазинов, а люди живут безвыездно несколько месяцев.

Для нас это было настоящим чудом. Чудом человеческой доброты, участия и гостеприимства.

«До этого мы ехали по Бродвею», — шутили наши снегоходчики, когда мы добрались до кордона «Полое». Дальше нас ждала нетропленная дорога по лесу и болоту.

В 22:30 вышли на грунтовку. Я не верила своим глазам.

Около полуночи мы были в Усть-Унье.

5 февраля

Дорога домой

«Зачем их разбирать? Давайте просто сожжём!» — смеялись ребята, пока возились с санями Семяшкина.

Дмитрий Пятков рассказывал очередную армейскую байку. Мы смеялись над его историями, своими приключениями и самими собой.

Впереди почти 700 км до Сыктывкара. К утру будем дома...

Вместо послесловия

В общей сложности мы проехали 1500 км на машинах и около 500 км на снегоходах по горным рекам и непроходимой тайге.

Зимний маршрут по Унье и Кисунье к перевалу Дятлова не был проложен. Путь через Печоро-Илычский заповедник оказался неоправданно долгим и тяжёлым. Уже на обратной дороге жители Усть-Уньи нам рассказали, что около деревни Бёрдыш есть ещё один проход к местам трагедии 1959 года — горе Холат-чахль. Решится ли Сергей Семяшкин ещё на одну экспедицию, пока не известно.

Важно не куда, а с кем

По возвращении домой, многие спрашивали меня о маршруте, бытовых трудностях, обидно ли от того, что мы не дошли... Нет, ни чуточку не обидно! Ведь важна не цель, а сам путь и те, кто рядом.

В нашей группе оказались удивительные люди. За весь поход мы ни разу не поссорились. А фразы: «Доброе утро! Налить ли чаю? Как твоё самочувствие? Ты не замёрз? А ну, надень капюшон!» — стали чем-то привычным и естественным. Спасибо вам, друзья, за этот неповторимый опыт! Я запомню вас по этим фразам:

Евгений Вишератин: «Если будет нужен нож, обращайся ко мне!», «Наташа, встань ближе к Семяшкину. Я знаю, что вы замёрзли, но это же фото на память».

Дмитрий Пятков: «Ну, что?» (сигнал собраться у стола — прим. авт.), «А из темноты на меня смотрят два горящих глаза. Про себя думаю, точно — леопард!», «А ещё в армии у нас был такой случай...» (вариантов продолжения рассказа было множество).

Павел Насонов: «Да-а-а..» (всего было зафиксировано более десяти оттенков произношения этого слова).

Сергей Семяшкин: «Да без проблем, если надо что-то испортить!», «Я желаю нам выжить», «В походе у меня демократия. Но если что-то происходит — наступает военный тоталитаризм», «Если что, во всём виноват Паша».

Александр Комольцев: «Всё, что ни делается, — к лучшему», «А может, другой дорогой попробуем?», «Ладно, я тогда поехал».

Наташа Медведевская: «Гречка на печке, хлеб и сало на столе. Сыр не трогать, он на завтрак!», «Мы не будем ныть, вы только нас домой верните» (лучшие её фразы пришлось «запикать», и они не вошли в этот список).

Александр П.: «Кто готов совершить подвиг?», «Смотри, а девочки-то ещё живые». Но Саша запомнится не словами, а поступками. Он тропил нам дорогу на своём четырёхтактном снегоходе, не упуская при этом возможности полихачить.

Участники экспедиции (слева направо): Александр Комольцев, Александр П., Виктор Боровик, Нина Новикова, Наталья Медведовская, Дмитрий Пятков, Павел Насонов, Евгений Вишератин, Роман Грищенко, Сергей Семяшкин.

Виктор Боровик: «Угощайтесь, подарок от Деда Мороза», «Я вам сейчас расскажу, как эти сани сделаны...», «Вот, наденьте эти перчатки, в них точно не замёрзнете».

Роман Грищенко: «Сейчас достану штатив, не разбегайтесь», «Борщ готов!», «Будете кофе? Только сварил».

Я обычно произносила фразу: «Так и запишем». Вот, исполняю обещанное.

Поздравления членов Попечительского совета журнала «Арт»

Анна Дю,
председатель Совета
МО ГО «Сыктывкар»

**Дорогие жители Республики Коми!
Дорогие авторы и читатели журнала «Арт»!**

От имени Совета муниципального образования городского округа «Сыктывкар» и от себя лично поздравляю вас с юбилейной датой в истории Коми края — 100-летием Республики Коми!

Мне особенно приятно отметить, что литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал «Арт», издаваемый вот уже более двадцати лет, стал крупным явлением не только литературной, научной, но и общественной жизни современной республики. Издание широко известно далеко за пределами нашего региона, прежде всего в финно-угорских странах и республиках России.

«Арт», бесспорно, является продолжением и дальнейшим развитием литературной традиции 1920-х годов — периода бурного культурного строительства в Коми автономной области. На страницах вашего журнала размещаются интересные и востребованные публикации по самым различным сюжетам истории, литературы, культуры и искусства. Получила своё отражение и деятельность органов местного самоуправления, земств, городских Советов в XX веке.

В юбилейный год искренне желаю читателям журнала интересного чтения, авторам — новых публикаций, а коллективу — успехов в литературной и просветительской деятельности.

Валерий Марков,

депутат Государственного Совета Республики Коми, председатель МОД «Коми войтыр» 1991–2008 гг.

Коми муын пыдди пуктана олысьяс!

Локтö сё во комилöн автономиялы. Уна пöлöс воськовъяс вöлісны — Коми обласът, Коми автономнöй республика, Коми республика. Медводдзаöн колö аттьöавны найöс, кодъяс вöзйисны артмöдны комияслы автономиясö: Дмитрий Поповöс, Дмитрий Батиевöс да мукöдöс, кодъяс эз сöмын уна вын, но и ассыныс олöмнысö пуктісны, медым став кöйöмныс пöртсис олöмö.

Дона землякъяс! Чолöмала миян Коми Республикалöн, миян Коми мулöн ыджыд тшупöдöн! Аттьö тиянлы став уджсьяс, мый вöчанныд, медым миян республика нинöм вьлö видзöдтöг зумыда восьлаліс водзö, медым миян челядь веськыда видзöдісны локтан воясö. Дзоньвидзалун, шудлун да быд бурсö тиян уджын да олöмын!

Мед олас да водзö сөвмас миян республика!

Галина Бутырева,

член Союза писателей России

Моё первое стихотворение было опубликовано в нашей районной газете «Виль туйод». И это было признание в любви к краю, однажды ставшему моей малой родиной. С тех пор прошла целая большая жизнь. Многие изменилось в нашей республике. Но моя любовь остаётся непреходящей, неизбывной.

Сегодня я хочу выразить сердечную благодарность своей республике, всем людям, рядом с которыми выпало жить и работать.

Ыджыд аттьö! Муöдз копыр, и овны да вывны, туны да быдмыны, дзоридзавны да сөвмыны, дона чужанін! Чтобы твой завтрашний день стал лучше, светлее, прекраснее!

С юбилеем, родная республика!

Галина Лапшина,

председатель
Союза женщин
Республики Коми

Я родилась в Республике Коми и благодарю своих родителей за то, что в годы своей юности они выбрали этот край. Я люблю эту землю, эту природу, эти восходы и закаты и всегда скучаю, когда приходится куда-то уезжать, пусть даже на день-два.

Горжусь, когда люди, приехавшие в наш город, говорят, что он уютен и зелен, но самое главное — здесь удивительные люди, отзывчивые, открытые, добрые и внимательные.

Город меняется, появляются парковые зоны, цветочные клумбы, детские уголки. В этом году Республика Коми отмечает свой вековой юбилей. Хочу пожелать, чтобы в нашей большой семье, а республика — это большая семья, царили взаимоуважение друг к другу, забота о старости, вера в молодость, любовь и уважение к ближнему.

Алексей Просужих,

директор Национальной библиотеки
Республики Коми

Дорогие земляки!

Примите искренние поздравления со столетним юбилеем Республики Коми. Это важная дата для всех, кто ценит и любит наш край.

Мы гордимся нашим регионом — его историей и культурой, великолепной природой, богатыми недрами. Коми земля подарила стране героев Великой Отечественной войны, учёных, писателей, знаменитых деятелей культуры и спорта. И сегодня главная ценность республики — талантливые люди, а это значит, будут новые достижения и успехи!

От души желаю всем исполнения намеченных планов, здоровья, счастья и благополучия.

